

В.В. СОКОЛОВ

Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России

Воспоминания и мысли
запоздалого современника

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2016

УДК 131.5
ББК 74.4
С59

СОКОЛОВ В.В.

С59 Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника. 2-е изд., доп. и испр. / Редактор Никандров А.В. / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. — 132 с.: ил.

ISBN 978-5-906233-91-2

Автор воспоминаний — известный ученый, крупнейший специалист в области средневековой философии и философии Нового времени, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — проработал на факультете свыше 65 лет. Профессор Василий Васильевич Соколов — ветеран Великой Отечественной войны, участник битвы под Москвой. Патриарх советской и российской философской науки делится с читателями своими впечатлениями о событиях давно минувших лет, об ушедших и ныне живущих участниках непростой, напряженной; насыщенной как яркими и интересными, так и трагичными и печальными событиями жизни людей, отдавших себя философии. Перед читателем предстают образы ученых и преподавателей, их «трудов и дней» сталинских лет и времен оттепели, событий на «философском фронте», когда философия была неотделима от идеологии, и приходилось подчас вступаться в защиту великих мыслителей древности и современности, отстаивая их системы и труды от «идеологических обвинений» некоторых советских «генералов» философского фронта. История перекликается с современностью, история мысли — с жизненными коллизиями, раскрываясь в своей подчас трагичной красоте и заставляя современников задуматься о вечных вопросах бытия.

© Соколов В.В., 2016

ISBN 978-5-906233-91-2

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2016

Научное издание

Подписано в печать 01.03.2016. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 6,78. Заказ № 51.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*, корректор *Е.В. Феоктистова*

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru

г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36. 8(495)772-03-76

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.

От автора

Идеям и мыслителям советской и постсоветской России в последние десятилетия посвящены основательные книги и многие статьи. Среди первых крупных изданий — двухтомное фундаментальное исследование под редакцией Владислава Александровича Лекторского, вызвавшее большой интерес не только у философов и историков науки, но и у большинства людей науки и культуры: *Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век*. В 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 1920–1950-е годы; Кн. 2. 1960–1980-е годы (М.: РОССПЭН, 1998; издание 2-е: М.: РОССПЭН, 1999).

Много сил отдал исследованию истории логики и философии в сталинские и послесталинские времена известный философ и методолог науки Борис Владимирович Бирюков, автор книг ставшей известной серии «Трудные времена философии», большинство из которых выдержало несколько переизданий и вызвало широкие дискуссии и полемику в научной среде: *Бирюков Б.В. Трудные времена философии*. Т. 1: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006; *Бирюков Б.В. Трудные времена философии*. Т. 2: Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 1: Борьба вокруг логики: диалектической, формальной, математической. Челпанов, Асмус, Фохт, Поварнин, Попов, Ахманов, Лосев. Марксистско-ленинская мифология истории. М.: Издательство ЛКИ, 2012; *Бирюков Б.В. Трудные времена философии*. Т. 2: Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 2: Идеологические кампании 1948–1950 годов. Логическое и психологическое. Богоборческая советская философия. Проблемы русского национального сознания. М.: Либроком, 2009; *Бирюков Б.В. Трудные времена философии*. Т. 3: Логика и философия в первые послесталинские годы. Кн. 1: Математическая логика: Переломный период —

при Сталине и после. М.: Ленанд, 2014; *Бирюков Б.В.* Трудные времена философии. Т. 3: Логика и философия в первые послесталинские годы. Кн. 2: Математическая логика: В мире логики — математической и философской. М.: Ленанд, 2014.

Информативна и необычайно интересно написана книга Анатолия Даниловича Косичева, который более 10 лет был деканом философского факультета: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007.

Весьма основательна совсем недавняя книга Нелли Васильевны Мотрошиловой, демонстрирующая свежий и оригинальный подход к истории идей и людей: *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–1980-х годов XX века и западная мысль: междисциплинарный поиск в свете социологии философского познания. М.: Академический проект, 2012. В этой работе дан проблемно-персональный обзор множества умерших и ныне здравствующих авторов в сфере философии.

Нельзя обойти вниманием также и весьма представительный сборник текстов досоветских и советских философов по материалам дискуссий 20-х годов ушедшего века «На переломе» — одно из первых изданий такого рода постсоветского времени — составление которого является достижением профессора Петра Васильевича Алексева: *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Составитель и автор вступительной статьи доктор философских наук профессор П.В. Алексеев.* М.: Политиздат, 1990. Также необходимо отметить еще одну работу профессора П.В. Алексева: *Алексеев П.В.* Власть. Философия. Наука. М.: Проспект, 2014.

Автор настоящего очерка, Соколов Василий Васильевич, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, проработавший здесь 65 лет, делится с заинтересованным читателем о событиях в философской жизни, ушедших из нее особенно интересных фигурантов и их деятельности в условиях идеологической и философской атмосферы на названном факультете и за его пределами.

Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника

Я родился в разгар гражданской войны в крестьянской семье и хорошо помню доколхозную, нэповскую и колхозную Русь.

Я довольно поздно по нынешним временам научился читать (по молитвеннику моей матери). Стал, как тот Петрушка, читать все, что попадалось под руку. К сожалению, очень мало книг тогда, в конце 1920-х гг., можно было достать даже в нашем огромном селе Петрушино (Тульской губернии). Это было время зарождавшегося движения пионеров, отношение к которым населения, почти поголовно посещавшего церковь, было враждебно-ироническим («пионеры юные, головы чугунные, руки оловянные, черти окаянные»). Я, мальчик довольно шустрый, стремившийся ко всему новому, стал неформальным лидером сельских пионеров. Активно помогал «избачу» (парторгу местной ячейки, присланному из губернии-области); играл с успехом на сельской клубной сцене в антицерковных агитках, от пионеров принял участие в «красных крестинах»: у одной девицы родился «нагульной» младенец, что было тогда на селе величайшим позором безотцовщины, и она согласилась на такие «крестины». Сначала держал речь парторг, потом он передал младенца комсомольцу, тот после каких-то слов вручил его мне, и я произнес: «Берем и клянемся воспитывать!», а затем возвратил его парторгу, который провозгласил «красное» имя дитяти: Ким (Коммунистический интернационал молодежи)! Через несколько месяцев я услышал, что мать тайком все же крестила его в церкви, а в селе его стихийно «переименовали» в Акима. Помогал я парторгу и в других «прогрессивных» начинаниях. Когда в самом конце 1929 года начались настойчивые призывы мужиков — с инициативным и на-

стойчивым участием приезжих агитаторов — организовать большой колхоз, и многие из мужиков яростно выступали против, — я, по увещанию того же парторга, возглавил пионеров (и других ребят, не пионеров), и мы своим оревом заглушали «отсталых» ораторов, чтобы они не смущали «передовых». А в марте 1930 года, после публикации «исторической» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», я с грустью наблюдал, как все, и «отсталые», и «передовые», уводили из конюшен своих лошадей, забирали сани, телеги и другую утварь. За какую-нибудь пару дней колхоз распался (заново и под более усиленным давлением он был организован в меньших масштабах года через два).

Мой отец, Соколов Василий Иванович (р. 1890), окончивший церковно-приходскую школу, любитель чтения редких книг как-то доставаемых им в нашем огромном селе. В поле он не работал, начал хорошим кузнецом, а также мастером и в других «искусствах». «Золотые руки», — неоднократно слышал я от сельчан. Все больше и больше нарастало давление по организации колхозов, — и в интересах заработка для растущего семейства он в 1928 году перебрался в Москву. При большой тогда уже безработице он, назвав несколько специальностей, быстро получил работу и стал прорабом небольшой группы рабочих, занимавшейся лужением котлов (серебром) для парфюмерной промышленности.

Моя мать, Мария Михайловна (р. 1891), урожденная Диянова, из соседнего села Богослово, мало училась в школе и могла лишь с трудом читать и писать. В отличие от отца она была религиозной и всегда посещала церковь, если не была занята работой в поле. Женщина твердого характера, мать отличалась иронической жилкой (любила разыгрывать подруг).

Зная мою страсть к чтению, отец прислал мне небольшой ящик книг, в числе которых был довольно потрепанный томик Лермонтова. Его стихотворения сильно ударили по детскому сознанию, и я в подражании им стал сочинять стихи. Мать же полюбила лишь «Песню о купце Калашникове», которую я не раз ей перечитывал.

Сомнений в правильности моих «передовых» настроений и мыслей у меня самого не было, но их «критики» у мужиков, с которыми я любил беседовать, было сверхдостаточно. Помню так

же, как однажды приехавший из Москвы отец усмехнулся над моей богомольной матерью, сказавшей ему по какому-то поводу: «Что же, по-твоему, и Бога нет?!». На что он «аргументировал»: «Если бы он был, то коммунистов давно бы разогнал!». Возражать ему я не мог, а в душе очень удивился: «Какой отсталый!» (ему тогда не было и сорока).

Учился я, как говорили учителя нашей сельской четырехклассной школы моим родителям, очень хорошо; стремился учиться и дальше, но продолжать учебу в далеком районном центре не было возможности. Отец в согласии с матерью перебросил меня в Москву к дяде (по матери). Он занимал небольшую комнату с двумя детьми в подвальной квартире, в которой жили еще трое жильцов при единственной кухне (в ней всегда горели примуса) и одной уборной. Дядя записал меня в недалекую школу ФЗС (фабрично-заводская семилетка), и в седьмом классе один день мы работали на производстве (а это был лишь трамвайный парк). Отец, однако, погиб в 1931 году, и я проживал, обучаясь в той же школе, и у того же дяди, а в следующих классах и у других родственников (по отцу). Был фактически полубеспризорным, и поскольку от других родных добираться до школы было довольно далеко, приходилось добираться на трамвае, иногда на буферах. В школе же я быстро стал одним из первых учеников.

В летние (иногда и в зимние) каникулы в эти полуголодные времена, я приезжал к матери (у нее оставался младший брат), в колхоз, помогая ей, как мог, увеличивать ее «трудодни» (в основном в его правлении, как уже довольно грамотный субъект).

Но в школе у меня возникали все более серьезные осложнения идеологического плана. Где-то в начале 8-го класса (семилетка стала десятилеткой) я взбунтовался против преподавания истории по обязательной тогда «Русской истории в самом сжатом очерке» — книге марксистско-вульгаризаторской¹. Ее автор — старый большевик, М.Н. Покровский, написавший ряд книг по истории Рос-

¹ Учебник М.Н. Покровского (в нескольких частях) выходил многочисленными изданиями в 20–30-е годы (как по частям, так и в виде однотомников); см., напр.: *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. 4-е посмертное издание. М.: Партиздат, 1933.

сии, одобренных Лениным, один из первых советских академиков и руководителей высшего образования в СССР (после его смерти в 1932 году и до 1939 года МГУ носил его имя), был ярким приверженцем трактовки истории как политики, опрокинутой в прошлое. В этих теоретических тонкостях я тогда, конечно, не разбирался, но находился под сильным влиянием книги Александры Ишимовой, талантливо переложившей для детей фундаментальный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского»² (Пушкин высоко оценил книгу Ишимовой в своем преддуэльном письме к ней). Она содержалась в том же небольшом ящике книг, присланных отцом. Я так ее изучил и освоил, что древо Рюриковичей, к удивлению соклассников, мог рисовать едва ли не наизусть. С таких «позиций» я и стал «громить» книгу Покровского, в которой исторические факты исчезали в экономико-политических схемах. Взбешенная Марья Ивановна, преподававшая нам историю, обвинила меня в «монархических влияниях» и за шиворот потащила к директору. Слава богу, мудрый Алексей Максимович, выдвигенец из рабочих, спустил все на тормозах. Как ни странно, от моей «критики» Покровского я выиграл: через несколько месяцев, когда в 1934 году были опубликованы замечания Сталина, Кирова, Жданова на какую-то книгу с критикой концепции Покровского и с рекомендацией (по сути, приказом) восстановить в школах «гражданскую историю». Эти замечания, по сути, были кратковременной самокритикой большевизма, для которого трактовка истории всегда была догматической — политикой, опрокинутой в прошлое. Мне же такой поворот очень помог, и мой авторитет как ученика «с критическим умом» среди учителей повысился.

Однако в нашем воспитании политизация усиливалась с каждым годом, и следить за своими словами было необходимо не только на уроках истории, а этого мы, разумеется, делать не уме-

² См.: *Ишимова А.* Бабушкины уроки или русская история в разговорах для маленьких детей. Сочинение А. Ишимовой. Издание второе. Часть вторая. СПб.: Типографии Якова Трея, 1859. Издается эта книга и ныне, причем выдержала не одно переиздание; см., напр.: *Ишимова А.О.* История России для детей. М.: Монолог, 1993.

ли. В школе я оказался в одном классе с поэтом Павлом Коганом (он учился там с 1-го класса), и где-то уже в 9-м мы распевали его «Бригантину». Долгое время мы сидели с ним за одной партой. Он был из семейства старых большевиков, и вот где-то в классе 8-м, на собрании нашей большой группы он был вынужден каяться «за переоценку Троцкого». В следующем классе проблемы начались у меня самого. Не очень ясно почему — то ли потому, что в своем Петрушине, куда я систематически наезжал, я видел, как плохо идет жизнь в колхозе, а мать все время жаловалась мне в том же духе, — то ли под влиянием Когана, имевшего основательную информацию о замечательном руководителе Бухарине, вывод которого из Политбюро лишь ухудшил экономическую ситуацию в голодающей стране, то ли потому, что и сам я активно стал читать газеты и партийные документы, — и запальчиво стал славить Бухарина. Это был 1935-й год, когда Сталин уже безоговорочно стал четвертым «классиком», и смолкли все сомнения, — мы живем в социализме. В этот году у нас шел прием в комсомол, и под руководством Васи Ямпольцева, освобожденного секретаря комсомола, поставленного райкомом, меня начали активно «молотить» (хотя все же были отдельные защитники), и в комсомол не приняли, но аттестат «отличника» (никаких медалей тогда не было) мне все же выдали.

Увлеченный историей, я поступил на исторический факультет Московского Института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Учрежденный в 1931 году в составе исторического и философского факультетов (к которым в 1934 году был добавлен и литературный, а в 1939 году — еще и экономический), МИФЛИ был тогда лучшим гуманитарным учебным заведением в стране. В год 50-летия смерти Н.Г. Чернышевского ему было присвоено его имя. Я был зачислен после небольшой беседы с деканом исторического факультета И.С. Галкиным. Однако уже после войны при случайной встрече с нашей весьма эрудированной преподавательницей по литературе Любовью Петровной Жак (одновременно она была аспиранткой МИФЛИ и защищала там диссертацию), я узнал, что вдогонку мне из нашей школы поступило заявление, в котором я изобличался как бухаринец, которому либеральные

учителя умудрились выдать аттестат отличника. Любовь Петровна, дав мне высокую характеристику, погасила это дело. Тем не менее меня вызвали в партком МИФЛИ, и один из секретарей настоятельно рекомендовал мне держать язык за зубами и всегда помнить, что я поступил в идеологический вуз. Я старался вести себя «правильно». Активный интерес к истории отодвигал политические интересы, хотя я, как и многие другие студенты, втягивался в агитационную работу (готовилась «Сталинская конституция») и, наконец, был принят в комсомол.

Лекции в МИФЛИ в эти годы на историческом факультете читались содержательные, а некоторые из них были и увлекательными; серьезные семинары вели профессора и преподаватели Ю.В. Готье, В.С. Сергеев, Н.А. Кун, Н.А. Машкин, В.К. Никольский, К.В. Базилевич, А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, Б.Ф. Поршнев, Ф.В. Потемкин. Все они были с основательным дореволюционным образованием. В их семинарах у меня проявлялось стремление не только к рассмотрению данной темы, но и к сравнению реалий конкретной эпохи, которая обсуждалась, со сходными реалиями древней и средневековой истории, что вырабатывало общий взгляд на нее. Некоторые преподаватели не отвергали такого подхода, а даже шли ему навстречу. Например, Юрий Владимирович Готье, ученик Ключевского, академик, широко образованный историк, специалист мирового уровня по истории Киевской и вообще феодальной Руси, иронически прищурил глаза, даже вступал в дискуссии с невоспитанным наглецом, потому что, полагаю, чувствовал искреннее стремление к углубленному постижению истории. В семинаре известного историка античной культуры Н.А. Куна (1877–1940) я сделал доклад (теперешняя курсовая) «Общественный строй древней Спарты», — и Николай Альбертович похвалил меня. К сожалению недавно открывшаяся тогда кафедра классической филологии совсем не вела у нас занятий по древнегреческому языку, а вела лишь не очень интенсивные занятия латинским.

Три с лишним года я метался между историей России, которой я увлекся уже в сельской школе (а других историй там просто не преподавали), античной, средневековой, новой. Остановился было на средневековой (А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, Б.Ф. Поршнев),

— и вот здесь и произошел у меня перелом интеллектуальных интересов. Незаурядная эрудиция по истории (как мне говорили сокурсники, да и некоторые преподаватели) пробудила во мне ту интуицию целостности, без которой нет философии (в принципе она «работает» во всех науках, но в разной степени и с разными результатами). Я стал задумываться о философском факультете.

Туда не было приема в 1936 и 1937 годах (было арестовано большинство преподавателей факультета). Прием снова открылся в 1938 году, и семь студентов, окончивших два курса истфака, перешли туда (Арзаканян, Егидес, Карпов и другие). Я же продолжал колебаться. Еще на первом курсе лекции по диамату-истмату содержательно и остроумно нам читал доцент Дмитрий Алексеевич Кутасов (1904–1968), будущий декан философского факультета. Они произвели на меня определенное впечатление. Я стал посещать некоторые семинары на философском факультете.

В мае 1939 года я присутствовал на защите докторской диссертации Георгием Федоровичем Александровым (1908–1961). Это была первая публичная защита докторской диссертации по философии в СССР³. Он был тогда профессором философского факультета, читал лекции по истории философии, а в 1939 году опубликовал на основе этих лекций книгу по истории западноевропейской философии⁴. Значительно позже я услышал, что некоторое время Г.Ф. общался в МИФЛИ с Александром Владиславовичем Кубицким (1880–1937), первым переводчиком (по сути единственным) «Метафизики» Аристотеля⁵, а также его «Категорий»⁶, и тот учил его древнегреческому языку. Вряд ли Александров далеко продвинулся в этом направлении, но написал диссертацию по мировоззрению Аристотеля в целом. Одним из его

³ Диссертация была посвящена философии Аристотеля; в следующем, 1940 году, вышла в свет книга: *Александров Г.Ф.* Аристотель: Философские и социально-политические взгляды / АН СССР. Институт философии. М.: Соцэкгиз, 1940.

⁴ См.: *Александров Г.Ф.* Очерк истории новой философии на Западе / АН СССР. Институт философии. М.: Советская наука, 1939.

⁵ См.: *Аристотель.* Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934.

⁶ См.: *Аристотель.* Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Пер. А.В. Кубицкого; ред., вступ. статья и примечания Г.Ф. Александрова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.

оппонентов был М.А. Дынник, занимавшийся тогда по совместительству античной философией. Однако в качестве неофициального оппонента выступил профессор Давид Юльевич Квитко (1889–1942)⁷, тоже читавший лекции по истории западноевропейской философии в МИФЛИ. Здесь же он справедливо утверждал, что по такому гиганту, как Аристотель, защищать диссертацию «в целом» — совершенно поверхностно и необидительно. Председатель Совета (кажется, тогда единственного в МИФЛИ) заведующий кафедрой Истории ВКП(б), известный государственный и партийный деятель Борис Михайлович Волин (1886–1957), — бытовала тогда студенческая частушка: «Как бы рад я был, доволен, если б Волин был уволен» — провозгласил, что профессор Квитко совершенно не прав в отличие от диссертанта. Он, конечно, был проголосован и стал доктором философских наук. Едва ли ни на следующий день в «Правде» появилась заметка об успешной защите докторской диссертации бывшим беспризорным (его отец, путиловский рабочий, к этому времени давно умер). Успех Александрова во многом определялся и тем, что после опустошения партийных и вообще гуманитарных кадров в 1937–1938 годах Сталин был вынужден привлекать новые, молодые, вполне преданные партии. Они в особенности были необходимы для партийных аппаратов. Александров тоже перешел в аппарат Коминтерна, а затем и ЦК ВКП(б). Однако при всей формальности защиты Г.Ф. Александровым его докторской диссертации, первой по философии, и публично, — в отличие от него Марк Борисович Митин (1901–1986) стал доктором философии за редактирование первого учебника по диалектическому материализму без всякой защиты.

Нельзя в этом контексте не вспомнить о заслуге Александрова перед философским факультетом МИФЛИ. Со времени своего основания в 1931 году он равнялся одной кафедре — диалектического и исторического материализма. Александров теперь учредил кафедру истории философии, которая до того изучалась как краткое введение в диамат-истмат. Но сам Александров, читав-

⁷ Известен своей работой о Л.Н. Толстом: *Квитко Д.Ю.* Философия Толстого. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1928.

ший курс истории философии как особый предмет, был переведен в сферы ЦК ВКП(б). Новую кафедру он передал Борису Степановичу Чернышеву (1895–1944), окончившему историко-филологический факультет (по отделению философии) в 1921 году. Но теперь ему пришлось вступить в партию.

Попытка моего перехода на философский факультет не сразу увенчалась для меня успехом. Гуманитарные предметы на историческом и филологическом факультетах изучались основательно, и я их успешно сдал. На философском гуманитарные предметы тоже изучались, но в меньшем объеме и не все. Но здесь к ним прибавлялись предметы естественнонаучного цикла (математика, физика, химия, биология, физиология органов чувств, психология). Ректор Анна Самойловна Карпова (1883–1968) не решалась поэтому перевести меня на философский, но его декан Федор Игнатьевич Хасхачих (1907–1942), знавший меня по отзывам нескольких преподавателей, добился моего перевода в сентябре 1939 году, когда я закончил уже три курса истфака.

На философском факультете меня сразу привлекли лекции и в особенности содержательные семинары по античной философии Б.С. Чернышева. История философии стала для меня главным притягательным центром, к чему стимулировала моя осведомленность в истории, теперь уже всеобщей. Все естественнонаучные предметы я сдал с успехом. Приближался к пятому курсу, но тут меня постигла неожиданная катастрофа.

Еще на историческом факультете мне, запятнанному «разоблачительным» письмом из школы, все же удалось вступить в комсомол. Во многом в результате смены руководства НКВД, когда в вакханалии арестов 1937–1938 годах в «ежовые рукавицы» попало немало и молодежи, произошел некоторый «откат». Многие юнцы связывали тогда «ослабление» таких арестов с приходом к руководству НКВД Лаврентия Берии. В действительности никогда не ошибавшееся партийное руководство вспомнило «ленинскую позицию», которая провозглашала, что комсомол призван для *воспитания* молодежи, которая, конечно, может и ошибаться. Однако вспоминается, что на комсомольском собрании МИФЛИ в марте 1939 года в клубе имени Русакова, посвященном итогам XVIII

съезда ВКП(б), докладчику доценту Е. Городецкому послали много вопросов: почему «товарищ Ежов не избран членом ЦК партии?» Недоумение многих объяснялось тем, что он, перестав возглавлять НКВД, еще оставался Наркомом водного транспорта. Бедный докладчик отвечал всем вопрошавшим: значит теперь товарищ Ежов не достоин столь высокого членства. Однако в кулуарах некоторые студенты старших курсов и аспиранты говорили, мол, ну что ж, Мавр сделал свое дело, Мавр может уйти! Вскоре освобождение Ежова с поста Наркомвода, как и его арест, так и последующий «суд» и его расстрел, — все эти события произошли совсем тихо, и стало известно это лишь после XX съезда КПСС.

На новых для меня двух курсах философского факультета я встретил других «сокашников», и некоторые из них, такие как П. Копнин, В. Келле, Д. Горский, С. Анисимов, И. Нарский, Б. Мееровский, А. Гулыга, А. Зиновьев, Ф. Кессиди, — в послевоенное время стали значительными и известными не только в философских кругах научными работниками, авторами, профессорами. Секретарем комсомольской организации всего МИФЛИ стал тоже мой сокурсник Семен Микулинский (поступил в Институт кандидатом партии и стал здесь ее членом). Столь ответственная занятость оставляла ему мало времени для интенсивных занятий, он должен был писать в ЦК ВЛКСМ предложения о политическом воспитании студентов, формулируя свои предложения о способах его усиления. В этом контексте я, неожиданно для себя, будучи уже на четвертом курсе, стал одним из наиболее трудных объектов для такого рода усилий.

Практическая дипломатия, особенно при резких ее поворотах и политическом их оправдании, — весьма опасный феномен с точки зрения воспитания молодежи. Именно такая ситуация возникла, когда за несколько дней произошел переворот в отношениях с фашистской Германией. Вчера ее поносили все средства СМИ, а сегодня в Москву приезжает Риббентроп и заключает договор о ненападении (23.VIII.39). И я совсем потерял внутренний контроль, когда практически через месяц (сентябрь 1939 года) с той же ненавистной фигурой был заключен даже договор о дружбе (многие историки утверждают, что этот договор, в отличие от

первого, был совершенно ошибочным, демобилизующим советский народ и армию). Партийное руководство принялось яростно его оправдывать. На сессии Верховного Совета Молотов объявил агрессорами Англию и Францию, а Германию страдающей стороной, защищающейся от «агрессоров» (менее чем через год, напомним, Германия сокрушила Францию, захватив «попутно» Бельгию, Нидерланды, Норвегию), а Польшу, уже оккупированную Германией (и СССР), Молотов объявил совершенно прогнившей и заслужившей ликвидации как государство. Последовали приветственные телеграммы Сталина Гитлеру и т.д. Взбесившись, я записал в своем дневнике резкое осуждение договора, речь Молотова назвал насквозь софистической и, слава богу, ничего не писал о Сталине. В дальнейшем я продолжал дневник, мало уже касаясь политики, забыв о записи сентября 1939-го. Когда в следующем году нас перебрасывали из общежития на Усачевке в общежитие на Стромынке, я забыл дневник, а его нашел один мой сокурсник по истфаку и сдал в комитет комсомола. Я был очень удивлен, когда где-то в сентябре-октябре 1940-го меня вызвали в комитет комсомола, — и члены комитета стали расспрашивать меня о моих взглядах на международную ситуацию и т.п. Я отвечал вполне правильно, в духе официальной «линии», пока Семен не сказал: «Хватит с ним играть! — А вот что ты писал в дневнике в прошлом году?». Я вспомнил ту роковую запись, растерялся и что-то лепетал, а комитетчики разоблачали меня, оттачивая свое партийно-комсомольское оружие. Обсуждение закончилось страшной для меня резолюцией: «За двурушничество и осуждение последних мероприятий партии во внешней политике исключить из комсомола».

Хотя «двурушничество» и было закономерным явлением, следствием, в сущности, навязанным официальной идеологией, — оно при этом было явлением массовым, характерным для «нового человека», о котором трубили все средства пропаганды. Но я глубоко переживал свое моральное падение, ибо говорил (например, на избирательном участке) не то, что писал в дневнике. Минимально мне грозило исключение из института, но я надеялся (конечно, тщетно) вернуться на исторический факультет. Не один

месяц меня воспитывали в райкоме комсомола, был выделен специальный инструктор, и я, конечно, полностью прозрел и выразил сожаление о необдуманной и легкомысленной записи в дневнике. Однако дело мое все равно было передано в горком ВЛКСМ, а там первый секретарь, заглянув в мой дневник, сказал: «Э-э, да у тебя нутро гнилое!» — и отобрал у меня комсомольский билет. Это была уже весна 1941 год. И месяца через два-три началась война.

Ненависть к фашизму была столь велика, что множество студентов МИФЛИ через день-другой после речи Молотова, объявившего об агрессии Германии против СССР, бросились в наш военкомат записываться добровольцами. Я тоже был среди них. Призывались отдельными группами и направлялись на различные службы. Немало студентов стали «чекистами», задача которых состояла в охране подмосковных военных и хозяйственных объектов и для борьбы с возможными немецкими парашютистами. Из философов моего курса здесь оказались Ю. Карпов, его жена А. Серцова, Н. Сенин, О. Яхот. Более значительная группа во главе с С. Микулинским отправилась под Смоленск воздвигать различные препятствия, помогая прибывавшим туда войскам задерживать наступавшие немецко-фашистские силы. Военная ситуация, как теперь многократно описано и изображено в ряде фильмов, развивалась столь быстро, что из «строителей» стали отбирать в солдаты — по здоровью и политическим факторам — направляя их в воинские части. Например, Ф.Х. Кессиди, рвавшемуся туда, «не оказали доверия» как греку, — и бедный Феохар вынужден был вернуться в Москву и оттуда отправиться в родной Тбилиси, так и оставшись вне армии. Самые надежные стали солдатами с различной военной судьбой. Некоторые, как Келле, пройдя госпиталь, вернулись еще в 1944 году в университет. Немало было и погибших. Едва ли не печальнее стала участь тех, кто оказался в плену и вернулся после нее на учебу. Окончить факультет им, как А. Арзаканяну и С. Анисимову (он, раненый, попал в плен уже под Сталинградом), позволили, — но несколько лет, имея дипломы, они не могли устроиться ни на какую работу. Оказался в плену и С. Микулинский. Как-то ему удалось скрыть свою партий-

ность и — еврею — представиться то ли русским, то ли украинцем. Попав после войны в фильтрационный лагерь, он был отпущен из него по ходатайству ряда бывших студентов МИФЛИ, справедливо напомнивших партийным органам на его активнейшую роль как вузовского секретаря комсомола в МИФЛИ. Вернувшись в университет, Семен теперь стал именоваться не Руфимовичем, а Романовичем, — и заниматься историей биологии.

Другая группа студентов МИФЛИ, в которую включили и меня, была отправлена где-то уже в конце июля в Бронницы (сравнительно недалеко от Москвы) в 139-й запасный зенитный артиллерийский полк. До конца сентября мы осваивали зенитные орудия и были переброшены в Москву. Но в октябре, как известно, немецкие армии подошли уже к дальним подступам Москвы. Из зенитных орудий был сформирован 694-й противотанковый истребительный полк, в различные батареи которого вчерашние курсанты отправились в качестве командиров орудий. Я тоже стал одним из командиров третьей батареи. Уже 12 октября полк в составе 16-й армии К. Рокоссовского дислоцировался под Волоколамском. Более месяца, когда немцы готовили свое завершающее наступление на Москву (операция «Тайфун»), мы стреляли по их самолетам и осваивали противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью («коктейль Молотова»). Тяжелый бой с танками (которых сопровождали автоматчики) полк и наша батарея приняли 17-го ноября (в начале той немецкой операции). Этот бой не раз был описан в печати (впервые в «Вечерней Москве» 26.IX.1966) и транслирован по телевидению. Я был награжден орденом Боевого Красного Знамени (ифлиец, наводчик последнего неподбитого орудия батареи Ефим Дыскин стал Героем Советского Союза). В дальнейшем в том же полку и в той же должности командира уже иного противотанкового орудия на юго-западном фронте я участвовал в отражении танковой атаки (был награжден медалью «За Отвагу»), но на следующий день в августе 1942 года при минометном налете был тяжело ранен в бедро. После операции в госпитале (где-то за Волгой) меня отправили на долечивание в Москву, где я оказался к началу 1943 года и явился на философский факультет уже МГУ, где одна группа 4-го курса

продолжала учебу с начала февраля 1942 года (когда немецкие войска были отогнаны от Москвы). За несколько месяцев я сдал остававшиеся предметы философского факультета и пять государственных экзаменов — диамат, истмат, историю философии, политическую экономию, историю ВКП(б). (Дипломных работ тогда, как и в ближайшие последующие годы, не было.) О профессорах и преподавателях факультета буду говорить в дальнейшем. Получив статус нестроевика, в октябре того же 1943 года я поступил в аспирантуру кафедры истории философии, возглавлявшейся Б.С. Чернышевым. В 1944 году она стала именоваться кафедрой истории западноевропейской философии, поскольку в том же году появилась кафедра истории русской философии.

* * *

Аспирантское и тем более последующее погружение в философию, как и расширение восприятия и осмысления конкретной жизни во множестве ее аспектов, естественно, открывало все новые горизонты социальной действительности и философской жизни. Специфичность духовной атмосферы советских времен заключалась в тесном переплетении, — можно утверждать, как ни в одну другую эпоху, — политических и идеологических факторов, в зависимости от которых вспоминались и выявлялись те или иные философские идеи.

Здесь в интересах теоретичности дальнейшего повествования следует обратиться к фактору советского симбиоза идеологии и философии. Всякая идеология, даже религиозная (в особенности сугубо монотеистическая, как христианство) в определенной степени вызывает к тем или иным философским идеям, вырываемым из системного интеллектуального контекста. Изгнание Лениным группы выдающихся философов, которых он считал антимарксистами (что было, конечно, верно, да и сами они этого не скрывали), идеалистами и, следовательно, представителями «поповщины», террористическое гонение служителей церкви, повседневная антирелигиозная пропаганда, — все это требовало новой духовной пищи для масс. Мавзолеизация, а по сути сакрализация мумии Ленина, создавала новый культ, призванный разрушить религиоз-

ное сознание, — и одновременно направленный на максимизацию роли марксистской идеологии.

Сам Ленин, как известно, слепо верил в марксизм, весьма схематично, поверхностно его понимая, вырывая из него те положения, в которых видел необходимость для учреждения социализма в экономически и социально отсталой стране: захват власти через революцию, беспощадное проведение так называемой диктатуры пролетариата, опора на высоко сверхцентрализованную партию и т.п. Еще в «Материализме и эмпириокритицизме» Ильин-Ульянов⁸ противопоставил «научную идеологию» — гносеологии эмпириокритиков, ведущей, по его мнению, к фидеизму и «поповщине». Уже после смерти автора этого компилятивного опуса, написавшего множество партийных статей и теперь увековеченного, его последователи из партийных верхов провозгласили усопшего вождя творческим продолжателем уже давних «основоположников», и утвердили другой идеологический кентавр — «марксизм-ленинизм», важнейшей новацией которого стала теория «мировой революции». Идеино-политическая борьба между «диадохами», объявленными через полузакрытые суды «врагами народа» и расстрелянными, закончилась полным торжеством единственного вождя и «отца народов» Сталина. После смерти Сталина и «разоблачения» его культа Хрущевым (одним из ближайших его слуг и восхвалителей) продолжалась политически менее значимая борьба уже между эпигонами. Их определяющей идеологической задачей стала «борьба за чистоту марксизма-ленинизма» с любыми отклонениями от него, — как и от «генеральной линии партии». Люди нашего поколения, в основном рожденные после Октября, идеологически и политически служили и писали, так или иначе общаясь с ними.

Марксистско-ленинская идеология, стремившаяся полностью преодолеть религиозные вероисповедания, воплощенная в писаниях и речах своих эпигонов (теперь среди них было множество вузовских и академических деятелей), непрерывно «разоблачая» всяко-

⁸ Первое издание работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» вышло в 1909 году и было подписано «Вл. Ильин».

го рода идеализм, провозгласила «ленинский этап в философии» как единственно правильный, истинный и неизбежный. Этот «этап» сохранил немало утверждений и положений, которые повторялись, а то и просто мусолились многими эпигонами, но иногда и честными авторами и преподавателями, стремившимися прояснить их «рациональное ядро». Здесь мы не будем на них останавливаться, но вспомним о них в дальнейшем в конкретных контекстах.

Дальнейшая последовательно тотальная трансформация философии в идеологию, ориентированная на широкие круги пропагандистов, которые были обязаны доносить ее до более широких масс, как и до учащихся вузов, во времена, когда И.В. Сталин, став четвертым «классиком», объявил победу социализма в СССР, — определялась его очерком «О диалектическом и историческом материализме», вошедшем в «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), рассчитанном на самые широкие круги. Отдавая должное этому очерку, следует отметить догматическую ясность его текста, доступного вполне грамотному человеку. Замена «законов» диалектики на «черты» тоже способствовала трансформации философии в идеологию. Часть, излагающая черты диалектического материализма, на добрую половину состоит из цитаций, взятых из произведений Энгельса, Маркса, Ленина. Сталин настаивал на том, что исторический материализм является распространением положений диалектического материализма на истолкование общественной жизни (более резко, чем предшествующие «классики»). В отличие от них, Сталин подчеркивал те выводы, демонстрация которых была необходима для потребностей общественно-политической жизни страны. Главный из них — преимущество построенного в СССР социализма перед капиталистическими странами, переживающими безнадежный кризис, и т.п.

У нас в послевоенные годы было распространено мнение, что ясность и связность диалекто-истматовского текста сталинского очерка следует объяснить тем, что в действительности он написан философом Яном Стэном (1899–1937)⁹, профессором ИКП (авто-

⁹ Только лишь в 2015 году вышел сборник статей Яна Стэна, в котором впервые собраны его работы по философии и тексты некоторых выступлений: *Стэн Я.Э.*

ром статьи «Философия» в Большой Советской энциклопедии, подписанной М.Б. Митиным в связи с расстрелом Стэна как «врага народа»). Мне случайно прояснила это недоразумение вдова Стэна, освободившаяся из концлагеря и посетившая (где-то в конце 1960-х годов) нашу кафедру истории философии для общения с проф. В.Ф. Асмусом (они были знакомы с довоенных времен). Я тоже познакомился с ней и по дороге в Институт философии она немало рассказала мне о характере отношений между Стэном и Сталиным. В это семейство смелый и прямолинейный философ был действительно вхож, но лишь в качестве приятеля Н.Я. Аллилуевой, жены вождя. Бывал свидетелем напряженных отношений между супругами («Надя, подай спички» — «Видишь, Ян, делает доклады о политической роли женщины, а дома такой»). С самим же вождем Стэн вступал иногда в яростные споры, нередко заявляя ему: «Ты эмпирик, Коба» (революционное прозвище Сталина). А своей жене Стэн говаривал (с уверенностью можно сказать, что не только ей): «Эта рябая сука устроит нам и процесс Дрейфуса, и дело Бейлиса».

В эти годы «диадох» Сталин, ставший «отцом народов» огромной империи, довел до кульминации ленинскую «диктатуру пролетариата», реализовавшуюся судами над «врагами народа», арестами и расстрелами 1936–1938 годов. Философия, заимствованная, как ясно из рассмотренного выше «Очерка», у «основоположников», самого Сталина сколько-нибудь серьезно не интересовала, но он подверг ее сугубой идеологизации и в особенности политизации. Прагматизм Сталина (в сущности, и тот марксизм, который он иногда декларировал) оперировал политическими штампами и военными образами. Например, в 1920-е годы происходила довольно оживленная полемика между «механистами» (Скворцов-Степанов, Тимирязев, Аксельрод-Ортодокс) и «диалектиками» (Деборин, Карев, Стэн). Сначала были побеждены «механисты», как антидиалектические упрощенцы, и восторжествовали «диалектики». Но и они не привлекли Сталина своей, как он считал,

бесплодной схоластикой. Против них генсек в качестве «вышибал» мобилизовал группу молодых эпигонов во главе с М.Б. Митиным и П.Ф. Юдиным. Политической сутью «механистов» был объявлен «правый уклон» (Бухарин, Рыков, Томский), отрицавший колхозную перестройку нэповской России. «Диалектикам» сам вождь дал совершенно «точную» квалификацию — «меньшевиствующий идеализм», выражающий «левый уклон» (Троцкий, Зиновьев, Каменев) и ориентировавшийся на «мировую революцию».

Задачей «философии», а точнее идеологии, становилась теперь «борьба на два фронта». Из «диалектиков» были арестованы и расстреляны в 1937 году виднейшие сторонники Деборина — Карев и Стэн. Такая же участь постигла через год и объявленных правыми уклонистами («бухаринская школа»). Молодые эпигоны получали образование и политическую закалку в Институте красной профессуры, революционный цвет которого гарантировал высокое качество в обоих этих направлениях. Были там и лекции, и семинары, правда никаких диссертаций там они не писали, но выпускники все же получали звания профессоров. Митин и Юдин с подачи Сталина в 1939 году стали членами Академии наук СССР. Существовала еще «Академия коммунистического воспитания», несколько меньшей значимости.

Партийные чистки, аресты и расстрелы 1936–1938 годов сильно опустошили партийные аппараты, — и для эпигонов открылись соответствующие возможности. Среди них тоже развивалась тайная и явная борьба за различные должности «наверху», включая и академические, переплетавшиеся с партийными. Ставши вышибалами «уклонистов», они писали статьи, брошюры, трактовавшие мысли «классиков», прославляя гений Сталина и т.п.

Вернувшись на факультет в 1943 году, я узнал о двух новых профессорах, Алексее Федоровиче Лосеве (1893–1988) и Павле Сергеевиче Попове (1892–1964), которых я совершенно не знал, но впоследствии для меня многое прояснилось. Оказалось, что они появились на факультете благодаря Георгию Федоровичу Александрову, о котором я говорил выше. В 1940–1950-е годы он

сыграл немаловажную роль в философско-идеологической советской жизни, и я теперь вернусь к нему.

В аппарате ЦК ВКП(б) Александров сделал большую карьеру. Сталин провел его и в кандидаты ЦК, и более того, — вопреки Уставу этого всемогущего органа, — сделал его и членом Оргбюро (в принципе туда вводились только члены ЦК). Главным идеологом партии стал А.А. Жданов (1896–1948), член Политбюро и одновременно первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Здесь в преддверии войны он стал и главным руководителем партийной пропаганды. Говорили, что он и рекомендовал Сталину назначить Александрова начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), что и произошло. Он стал теперь большой партийной фигурой, особенно в условиях войны, когда и члены Политбюро, и множество членов ЦК были втянуты в повседневные требования войны. Когда МИФЛИ в эвакуации оказался в Ашхабаде, его руководство (по-видимому, И.С. Галкин, декан истфака МИФЛИ, ставший и ректором МГУ, когда он прибыл в Москву) обратилось к члену Оргбюро с вопросом, как им быть в эвакуации. Александров распорядился влиться в МГУ имени М.В. Ломоносова, что там и произошло в декабре 1941 года. Здесь появились философский, филологический и экономический факультеты, а исторические слились.

Занятия на философском факультете в Москве начались в феврале 1942 года, когда немецкие войска были отогнаны довольно далеко. Преподавателей на нем (и на его отделении психологии) было крайне мало, но и студентов тоже — всего несколько десятков. Профессоров-философов было тоже три-четыре (Б.С. Чернышев, З.Я. Белецкий, Г.М. Гак и А.П. Гагарин). На отделении психологии примерно столько же. Тогдашний декан факультета Г.Г. Андреев, выпускник философского факультета МИФЛИ, будучи в отделе пропаганды ЦК, говорил с Александровым о немногочисленности профессоров на факультете, особенно в перспективе умножения студентов, демобилизирующихся из армии по ранению, по болезни, не успевших окончить факультет до начала войны. Александров знал о Лосеве и Попове как ученых с дореволюционным образованием и окончивших Московский универси-

тет, знал и об их тяжелых конфликтах с ГПУ в прошлом (о чем напишу в дальнейшем). Как политик, учитывающий некоторую идеологическую «оттепель», кратковременно наступившую в результате неожиданных и огромных поражений на фронте в первый период войны, а также речь Сталина на «историческом параде» 7 ноября 1941 года, содержащую энергичную патриотическую тематику, Александров «выразил мнение» о привлечении на факультет дореволюционных русских профессоров с философским образованием. Такое «мнение» высокого начальника сообщил декану факультета подчиненный Александрова, окончивший философский факультет МИФЛИ, Н.Г. Тараканов. Так А.Ф. Лосев и П.С. Попов стали профессорами факультета. Первый опубликовал в 1920-е годы восемь книг (за собственный счет), но все его довоенные попытки защитить докторскую диссертацию были безуспешны. Теперь Александров «выразил мнение», что столь солидный автор заслуживает присвоения степени доктора *философских* наук без формальной защиты. Совет принял к исполнению это «мнение», но проявил осторожность и присвоил ему степень доктора *филологических* наук (в сумятице военных лет такое было возможно).

В эти годы в философской жизни факультета и Института философии АН СССР, которые, можно сказать, были сообщающимися «сосудами», произошли события, имевшие немаловажное значение для философии, для идеологии и даже для политики. Немаловажным для них событием послужила публикация трех томов «Истории философии» (1940–1943)¹⁰, в принципе необходимых не только для философского образования, но и для удовлетворения мировоззренческих интересов широкой публики. Такого рода книг, можно сказать, до этих публикаций не было в советские времена, а солидные переводные дореволюционные и совершенно чуждые марксистской методологии книги (Виндельбанд, Фалькенберг¹¹ и др.) найти было уже трудно. Для названных из-

¹⁰ См.: История философии. В 3 т. / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 1. М.: Политиздат, 1940; Т. 2. М.: Политиздат, 1941; Т. 3. М.: Политиздат, 1943.

¹¹ См., напр.: Виндельбанд В. История философии / Пер. с нем. П. Рудина. СПб., 1898; Фалькенберг Р. История новой философии. От Николая Кузанского

даний в трех томах был подобран квалифицированный в общем коллектив, а редакцию составили — Александров, Быховский, Митин и Юдин. Двое последних никакого отношения к истории философии не имели (но были членами Академии наук и занимали большие партийно-административные посты). Все три тома в 1943 году получили Сталинскую премию первой степени. Прежде всего члены редакции Александров, Митин и Юдин, которые не написали ни строчки и ничего не редактировали, будучи заняты на «ответственных постах», да и не были компетентны в истории философии. Подлинным организатором и редактором (написавшим к тому же наибольшее количество текстов) был Бернард Эммануилович Быховский (1901–1980), сумевший получить филологическое и философское образование на грани революционных лет, а в советские времена — весьма активный автор множества статей и нескольких книг¹². Александров тоже не участвовал в редактировании, но Быховский сократил верстку его диссертации об Аристотеле, подготовленной к изданию, и она стала теперь важнейшей главой «античной части» I-го тома. Кроме членов редколлегии еще шесть авторов (из более чем тридцати) стали лауреатами Сталинской премии первой степени. Три этих тома, названные студентами «серыми лошадьми» (по цвету обложки) десятилетиями служили учебными пособиями студентам философских факультетов. Лауреаты торжествовали и выдвинули двух наиболее компетентных авторов — Асмуса и Быховского — в члены-корреспонденты Академии наук. Отделение философии и права утвердило их выдвижение. Спустя несколько лет О.В. Трахтенберг, один из лауреатов (мой научный руководитель после смерти Б.С. Чернышева) и Быховский как-то в случайном разговоре рассказали мне, что члены Отделения, их утвердившие, были весьма удивлены, что Общее собрание Академии избрало членом-корреспондентом Академии А.А. Максимова (1891–1976). Науч-

до нашего времени / Пер. под ред. и с пред. Д.В. Викторова. М.: Московское книгоиздательство, 1910.

¹² См., напр., некоторые издания тех лет: *Быховский Б.Э.* Метод и система Гегеля. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941; *Быховский Б.Э.* Философия Декарта. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

ный отдел ЦК ВКП(б) бдительно следил и за этой сферой и зорко соблюдал партийный контроль. «Наверху» знали, что Асмус — глубоко беспартийный, но он опубликовал в 1929 году монографию «Диалектика Канта»¹³ (а классиком диалектики считался — по Марксу-Энгельсу — Гегель), и поэтому пристегнутый к «меньшевистствующим идеалистам»; а член партии Быховский в молодости как-то прислонился к троцкизму и получил выговор, не снимаемый до гроба. Максимов же был бдительный коммунист, громивший теорию относительности Эйнштейна как идеалистическую¹⁴.

Но вокруг III тома «Истории философии» развернулись уже в следующем 1944 году политические события, ставшие весьма значимыми для философских дел. Тогда я еще не мог знать о закулисной стороне развернувшихся событий, связанной с борьбой за руководство «философским фронтом» между Г.Ф. Александровым, набравшим все большее влияние, и М.Б. Митиным и П.Ф. Юдиным, занимавшими высокие посты, но все же шедшими под уклон. Но неожиданно для всех против III тома выступил профессор З.Я. Белецкий, обозленный и приниженный своим удалением из Института философии, этого центра философской жизни. От Б.С. Чернышева и от моего друга Михаила Федотовича Овсянникова (в 1943 году защитившего кандидатскую диссертацию об эстетике Гегеля и Бальзака¹⁵) я узнал, как развивалось все дело.

Зиновий Яковлевич Белецкий (1901–1969), окончив медицинский факультет Московского университета в 1925 году и став врачом, затем поступил в Институт красной профессуры и получил звание профессора. В 1934–1943 годах он возглавлял партийную организацию Института философии. О его философской и тем более историко-философской компетенции сказать фактически нечего. Он смог опубликовать лишь две-три статьи на политические темы. Директор Института философии П.Ф. Юдин уволил его отсюда за бездеятельность, и он стал профессором философского

¹³ См.: Асмус В.Ф. Диалектика Канта. М.: Коммунистическая Академия, 1929.

¹⁴ См., к примеру: Максимов А.А. Введение в современное учение о материи и движении: Философские очерки по вопросам теоретической физики. М.: ОГИЗ, 1941.

¹⁵ Диссертация называлась «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака» (1943).

факультета МГУ (еще до войны он работал там как совместитель). Лекций он фактически не читал, а вел аспирантский семинар, в котором состоял и я.

Третий том «Истории философии» был доведен до изложения западноевропейской философии до середины XIX в., но добрая его половина была посвящена немецкой классической философии, большая часть которой, естественно, излагала ее фундаментальный идеализм, фокус которого составляла все же доктрина Гегеля, столь высоко ценимая и использованная «классиками» марксизма, включая Ленина. В большой его статье «О значении воинствующего материализма» (опубликована в основанном тогда философском журнале «Под знаменем марксизма», № 3 за 1922 г.) «вождь мирового пролетариата» категорически рекомендовал учредить «Общество материалистических друзей философии Гегеля». Быховский и Чернышев, основные авторы гегелевских текстов III тома, досконально использовали все наиболее значимые высказывания «классиков». Однако профессора, увлеченные аналитическим изложением трудных учений (а замыслы Быховского и в целом редакции предполагали еще четыре тома), фактически не учитывали, что третий том публикуется в разгар ожесточенной войны с немцами. Белецкий же использовал это обстоятельство, как говорится, на всю катушку. Он обратился к Сталину с большим «разоблачительным» письмом. Длительное время о содержании этого письма мы могли судить лишь косвенно по суждениям Белецкого в нашем аспирантском семинаре.

Но сравнительно недавно профессор Анатолий Данилович Косичев в архивах ЦК ВКП(б)–КПСС обнаружил это «Письмо» и опубликовал его в книге «Философия. Время. Люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова»¹⁶. Выпускник философского отделения ИКП Зиновий Яковлевич Белецкий весьма туманно трактовал историю философии, полностью отрицал целостность ее традиций, утверждая, что воззрения любого философа определяются временем его

¹⁶ См.: Косичев А.Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007.

жизни, национальным фактором и, главное, тем социальным статусом, к которому он принадлежал, доводя до абсурда принцип социального детерминизма, который определял и методологию «классиков». Автор письма их положения использовал выборочно, «забывая» о работе Ленина «Три источника, три составных части марксизма» и настойчиво подчеркивая ленинское утверждение, что идеализм — это «поповщина». Использовал он и некоторые преувеличения немецкого национального фактора, которые кое-где имеются у Гегеля (и тем более у Фихте), преувеличивая известное высказывание Гегеля о необходимости войн как морально мобилизующего фактора национальной жизни (авторы тоже критически использовали данный текст). В целом Белецкий стремился доказать, что авторы III тома, искажая положения «классиков», фактически защищают идеализм.

Приспособливаясь к честолюбию Сталина, Белецкий утверждал, что авторы не считаются и с некоторыми положениями его очерка «О диалектическом и историческом материализме». Если Асмус (в предвоенной брошюре), как и Быховский, убедительно доказывали, что Гегель (и тем более Фейербах), — в сущности, сторонники гуманизма, который растоптал фашизм, то Белецкий утверждал, что они — подлинники предшественники фашизма. Здесь же Белецкий не забыл прибавить, что Быховский — бывший троцкист, Асмус — меньшевистствующий идеалист, а Лосев, присланный на факультет из ЦК, — откровенный мистик.

Сталин ознакомился с этим Письмом и позвал Г.Ф. Александрова, дал его ему и спросил его мнение. Слухи об их «свидании» и позиции Сталина я слышал еще в конце войны, но наиболее достоверно суть этого разговора передана в книге акад. Т.И. Ойзермана, причем со слов самого Александрова (разумеется, после смерти Сталина), с которым он был достаточно близок со времен МИФЛИ (Александров был руководителем его кандидатской диссертации), — речь идет о монографии «Оправдание ревизионизма»¹⁷. Ознакомившись с письмом Белецкого, Александров сказал

¹⁷ См.: *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2005.

Вождю, что это письмо свидетельствует о философской малограмотности автора, его истолкование философии Гегеля совершенно перечеркивает ее трактовку Марксом, Энгельсом, Лениным. Но, выслушав такую оценку, Сталин сказал, что, по-видимому, в философии автор Письма и не силен, но у него совершенно осязатим «политический нюх».

Для прояснения ситуации генсек распорядился передать Письмо Белецкого в ведомство секретаря ЦК Г.М. Маленкова для тщательного его обсуждения. В этой акции проявилось определяющее свойство Сталина-политика. Философия, как таковая, по существу, его не интересовала (и в этом, полагаю, одно из его отличий от Ленина), — для примера достаточно привести сталинский Очерк для «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором автор в различных разделах (особенно в истматовском) стремится зафиксировать практико-политические выводы для «углубленного» понимания и истолкования социальной жизни. При этом философию Гегеля он явно не жаловал и — косвенные свидетельства — пренебрежительно относился к «Философским тетрадам» Ленина. Как сообщает Т.И. Ойзерман в своей книге (со слов Александрова), Сталин вызвал его вместе с его заместителями (П.Н. Федосеев, М.Т. Иовчук и В.С. Кружков) и спросил их, как они трактуют социальную суть философии Гегеля? Никто из них не решился сформулировать свое понимание (но сделать это мог, конечно, только Александров). Тогда высказался сам Сталин: «Философия Гегеля — это аристократическая реакция на Великую Французскую революцию и французский материализм XVIII века». Вождь высказал совершенно нелепую идею, свидетельствующую о его полной некомпетентности в истории философии этого периода (и не только).

По-своему глубокую критику Французской революции, как известно, сформулировали так называемые традиционалисты уже во время ее и вскоре после — англичанин Эдмунд Бёрк, французы Жозеф де Местр и Луи де Бональд. В том же III томе содержится весьма содержательный анализ их сугубо консервативных, притом весьма аргументированных воззрений, но тогда с ними вряд ли кто знакомился. Социальные воззрения Гегеля здесь тоже были

представлены в соответствии с уже принятой трактовкой: энтузиаст событий Французской революции в студенческие и молодые годы, в «Философии права» он консерватор, но сторонник конституционной монархии и гражданского общества. Вождь, полагаю, сам III тома не читал. Свою «смелую трактовку» социальной сути гегельянства вождь не опубликовал, хотя в общем известна она стала, — и постоянно приводила к растерянности в среде действующих философов. На философской дискуссии в июне 1947 года¹⁸ (я на ней присутствовал и скажу о ней дальше), который руководил главный тогда идеолог А.А. Жданов, ему из зала кем-то был задан вопрос, как понимать эту трактовку социальной сути Гегеля тов. Сталиным? — Жданов уклонился от ответа и сказал, что уточнит ее с ним самим.

Обсуждение III тома (трижды в секретариате Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова) в соответствии с указанием Сталина состоялось в феврале-марте 1944 года. О ней мне рассказал Б.С. Чернышев, затем я слышал о ее ходе и от других фигурантов. Быховский, Асмус и Чернышев, специалисты весьма компетентные, говорили о фактическом невежестве, вульгаризаторстве и примитивизме позиции Белецкого (присутствовавшего здесь же и тоже выступавшего). Но вся убедительная компетентность и эрудиция выше-названных профессоров была совершенно безразлична секретарям ЦК, ибо они знали позицию Сталина. Отсюда и итоги «дискуссии»: тому же Александрову, напутствовавшего названных профессоров показать невежество «горбуна» (Белецкого), было предложено написать полностью критический текст, который как решение Политбюро было опубликовано в № 7-8 журнала «Большевик» (официальный орган ЦК партии) за 1944 год — «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX вв.». Здесь в особенности «разоблачалось» возвеличение Гегелем немцев как «избранного народа». Сталин-политик показал, как надо трактовать прошлое с позиций

¹⁸ Эта дискуссия полностью заняла весь первый номер за 1947 год (т.е. самый первый номер) журнала «Вопросы философии» (См.: Вопросы философии. 1947. № 1; в частности, см. речь З.Я. Белецкого — стр. 314–325).

настоящего, да еще полыхающего огнем. «Извратителями» были названы выступавшие здесь Быховский, Чернышев (умерший от инфаркта в сентябре того же года) и Асмус. Белецкий же фактически «реабилитировался». С III тома Сталинская премия была снята (восстановлена как «государственная» уже после смерти Вождя). Митин был снят с поста директора ИМЭЛ, а Юдин — директора Института философии. Быховский был лишен поста заведующего сектором истории философии и отправлен рядовым редактором в Большую советскую энциклопедию; Александров остался на своем посту.

Примерно в это же время и на философском факультете произошли неприятные, печальные события. Александров понял свою политическую ошибку с Лосевым. По инициативе Белецкого тот (работавший в семинаре студенческой группы IV курса) был проработан как сугубый гегельянец, идеалист и даже мистик. Алексей Федорович сообщил мне много позже, что был приглашен к председателю Комитета по высшей школе С.В. Кафтанову, и тот сказал ему, что они считают, что как доктору филологических наук ему лучше работать «по специальности», — и отправил его на кафедру классической филологии в пединститут имени Ленина.

На факультете случились и другие неприятности. Бывший декан Г.Г. Андреев (принимавший на службу Лосева и Попова) в 1943 году был послан в советскую дипмиссию в Лондон, но в 1944 году неожиданно для него был отозван в Москву в МИД. После какого-то краткого отчета его тут же пригласили в МГБ и там дали 25 лет лагерей (отсидел половину этого срока, после смерти Сталина вернулся в университет). Были также арестованы два студента: А. Романов (работавший в семинаре Лосева) и А. Ревзон (под сурдинку критиковал новый гимн, взамен «Интернационала»). Б.С. Чернышев был освобожден от поста декана (каким он стал после отъезда в Лондон Андреева) и заменен доцентом Д.А. Кутасовым (декан факультета перед войной в МИФЛИ).

Торжество Белецкого на факультете стало полным. В лектории МГУ он стал читать небольшой курс по осужденному немецкому идеализму. По моему аспирантскому восприятию, его лекции были примитивны: социологизированы и политизированы, философ-

ски поверхностны. Со второй лекции я ушел — и больше этих лекций не посещал.

Отрицательность описанных событий для факультетской жизни и философского образования компенсировалась и положительными приобретениями, косвенно и непосредственно связанными с этими событиями. Нетерпимым фактом философского (и не только) образования, как оно сложилось в довоенные времена, было отсутствие курсов и семинаров по логике. Это осознавалось и в «верхах». Не раз мне приходилось слышать, что инициатива принадлежала здесь Сталину, — можно думать, что его семинарская учеба полностью не выветрилась, да и его произведениям — в особенности выступлениям и речам — при всей их сугубой упрощенности нельзя отказать в логической ясности. В 1941 году, еще перед войной, «партия и правительство» приняло постановление о введении в школьное образование двух новых предметов — логики и психологии. На философский факультет МИФЛИ приглашается профессор Валентин Фердинандович Асмус с эпизодическими лекциями о предмете логики (тогда я с ним и познакомился, но об этом будет сказано далее). Собственно для преподавания логики на факультет ведомством Александра были в 1942 году посланы А.Ф. Лосев и П.С. Попов, окончившие отделение логики и психологии Московского университета еще в 1915 году. Так в 1942-1943 годах преподавание логики на философском факультете МГУ было восстановлено. Там уже работал упомянутый выше высокоавторитетный профессор Асмус. В 1947 году, когда появились другие преподаватели и аспиранты-логики, — возникла и кафедра логики, которую возглавил профессор Попов, — и мы в дальнейшем к ней вернемся.

Другим приобретением философского факультета, можно считать, прямо связанным с описанными событиями вокруг III тома «Истории философии», стала организация кафедры истории русской философии. Поворот в сторону ее преподавания наметился уже перед войной, и политически здесь опять проявилось воздействие резкого поворота Сталина к истории России, в которой, по его категорическому утверждению, уже построен социализм. Редакция III тома наметила среди будущих четырех томов один по-

святить истории русской философии. В значительной мере, по-видимому, вчерне, он уже был написан ко времени обсуждения III тома, а в ходе самого обсуждения была довольно резкая критика Митина и Юдина, которые уже довольно долго руководили «философским фронтом», но как бы тормозили разработку русской философской тематики¹⁹. Во всех вузах СССР преподавался диалектический материализм — главным образом по произведениям Энгельса, в которых первостепенная роль отводилась Гегелю, главному классику немецкого идеализма, с его диалектическим методом; как и Фейербаху, хоть и ущербному материалисту (по Энгельсу), но тем не менее сыгравшему переломную роль в переходе Маркса-Энгельса на позиции материализма, — уже так называемого диалектического. Все это потребовало создания истории русской философии во главе с Михаилом Трифионовичем Иовчуком (1908-1990), окончившим Академию Коммунистического воспитания и ставшим одним из заместителей Александрова в Управлении агитации и пропаганды. Кафедра истории философии теперь стала называться кафедрой истории западноевропейской философии.

В 1944–1945 годах на факультете работали два аспирантских семинара — по истории философии, которым руководил Б.С. Чернышев (вплоть до его смерти), и по диалектическому и историческому материализму, которым руководил З.Я. Белецкий. Кроме меня в этих семинарах участвовали М. Ковальзон, Ш. Герман, Е. Куражковская, Д. Кошелевский, А. Серцова, А. Никитин; позже присоединился В. Келле, демобилизованный после госпиталя. Семинары работали активно.

Я со своим другом, тогда доцентом М.Ф. Овсянниковым, не стеснялся в критике (с преподавателями и аспирантами) Белецкого как продолжателя В. Шулятикова, дореволюционного литературного критика и философа, который в книге «Оправдание капи-

¹⁹ Об этом см. статью: *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии»? // *Философия не кончается...* Из истории отечественной философии: XX век: В 2-х кн. Издание 2-е / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20-е — 50-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 171-198.

тализма в западноевропейской философии»²⁰ развивал свехвульгаризаторскую трактовку этой философии, — большевика, воззрение которого отвергал даже Ленин. У меня же были нередки довольно резкие споры с Белецким в его семинаре, поскольку я уже тогда не принимал марксистского положения о сугубой «надстроечности» философии над пресловутым социально-экономическим базисом. Белецкий при поддержке некоторых аспирантов не раз меня «прорабатывал».

Мне это «аукнулось» при защите моей кандидатской диссертации в июне 1946 года. В ней я трактовал соотношение марксистского решения проблемы свободы и необходимости с домарксистским ее решением Спинозой и в меньшей мере Гегелем. Тема эта, стимулированная идеей Маркса, согласно которой будущее коммунистическое общество, к которому придет все человечество, будет «царством свободы», тогда активно обсуждалась²¹. Перед самой войной кандидатскую диссертацию по этой же теме защитил Т.И. Ойзерман²². Теперь взялся за нее и я, стремясь в меру своих знаний прояснить ее родословную. После благожелательного выступления официальных оппонентов, В.Ф. Асмуса и М.Ф. Овсянникова, и моего им ответа, с резко отрицательными выпадами выступили члены кафедры диамата — будущий столп диалектической логики доцент Василий Иванович Мальцев (1906–1975), и теоретик эстетики Семен Семенович Гольдентрихт (1909–1992). Оба они отрицали саму идею сравнения марксистского решения данной проблемы с какой-то «домарксистской темнотой» (последний из них, помнится, указал на то, как Александр Матросов закрыл своей грудью немецкую амбразуру — яркий факт ленинско-сталинского понимания свободы в дей-

²⁰ См.: *Шулятиков В.* Оправдание капитализма в западно-европейской философии. От Декарта до Э. Маха. М.: Типо-литография «Русского товарищества», 1908 (переиздание см.: М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012).

²¹ Диссертация называлась «Проблемы необходимости и свободы в западно-европейской философии XVII в. И в философии марксизма-ленинизма».

²² Кандидатская диссертация Т.И. Ойзермана была защищена в 1941 году, на тему «Марксистско-ленинское учение о превращении необходимости в свободу» (научный руководитель — Г.Ф. Александров).

ствии). В выступлениях этих неофициальных оппонентов содержались кричащие противоречия, которые умело выявил в своем выступлении мой научный руководитель (после смерти Б.С. Чернышева) Орест Владимирович Трахтенберг, показавший, что это не те противоречия, «которые ведут вперед» (формула Гегеля). И здесь в атаку пошел сам З.Я. Белецкий. Общий смысл его выступления был тот же — само сопоставление марксистской концепции свободы с предшествующими в корне порочны. Были какие-то и более частные и малоубедительные возражения, которых теперь не помню (стенограмма не велась, не было и Совета, как такового, голосовали все, кто имел степень или звание). Я резко, запальчиво и, полагаю, не очень-то умело отвечал Белецкому, стремясь показать неубедительность его возражений. По своей невоспитанности я совсем не благодарил его, как мне советовали сделать в ожидании результатов голосования тогда аспиранты Ю.К. Мельвиль и П.В. Копнин и другие более зрелые друзья. Я ждал провала, но оказалось, что при голосах «против» я все же прошел «в упор». Думаю, что не из-за моего поведения, а из активной неприязни к Белецкому (обратившемуся с новыми письмами к Сталину против Александрова) и его кафедре, о чем свидетельствовали громкие аплодисменты довольно многочисленной публики.

В конце того же 1946 года я был утвержден в степени на Ученом совете МГУ под председательством ректора академика А.Н. Несмеянова (ВАКа тогда еще не было). Но возможность работы на кафедре истории западноевропейской философии, о чем я мечтал, мне была закрыта. Слабовольный ее заведующий В.И. Светлов (по совместительству, сменивший Б.С. Чернышева) совершенно пасовал перед сверхволевым З.Я. Белецким, во многом определявшим кадры не только своей кафедры, но и других. В частности, он определял и кадры по логике, а П.С. Попов сумел с ним договориться, хотя А.Ф. Лосев в результате его «разоблачений» был удален из университета.

Но в это время, осенью 1946 года, была открыта Академия общественных наук, — как бы вместо Института красной профессуры, закрытого в 1938 году (множество арестов из числа преподавателей и слушателей). Новая Академия, как и тот Институт, была

ориентирована на партийных работников, но в отличие от названного Института учащиеся должны были защищать кандидатские диссертации. Среди нескольких кафедр здесь учредили три философских — диамата-истмата (заведующий П.Н. Федосеев), истории философии (возглавил сам Г.Ф. Александров), и логики и психологии (во главе с высококвалифицированным психологом Б.М. Тепловым). Каждая кафедра имела кабинеты соответствующей литературы. Я и поступил заведовать кабинетом при кафедре истории философии. Новая академия набирала аспирантов из партийных органов.

Здесь необходимо вспомнить, что в довоенном СССР диссертаций, даже кандидатских, защищалось крайне мало, не в последнюю очередь потому, что приобретенная степень фактически не увеличивала зарплату. В 1946 году «остепенение» значительно по тем временам стало ее увеличивать, — и поэтому с каждым годом теперь увеличивалось соответственно и количество защит, более всего кандидатских, но постепенно и докторских. Сами защиты в своем большинстве часто превращались в инсценировки, особенно если диссертант в его официальной характеристике изображался как обладатель высоких партийно-общественных качеств. Наиболее широким поток диссертаций был в сфере истории ВКП(б), как по политически наиболее актуальной тематике. Снижение требовательности и, соответственно, качества диссертаций (я имею здесь в виду прежде всего, если не главным образом, общественно-политическую, включая и философско-идеологическую проблематику) рождало множество шуток и анекдотов («если списан один чужой текст — это плагиат, два текста — реферат, три — компиляция, а четыре — диссертация», «два часа позора и удовольствия на всю жизнь»).

* * *

Поскольку АОН была учреждена фактически при Управлении агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), Александров раза два назначал заседания своей кафедры в своих помещениях, и я, как заведующий кабинетом при его кафедре, стал вхож в главное здание страны. В самой Академии и тем более здесь я увидел, как факти-

чески управляется страна, рассмотрел и даже познакомился с некоторыми из эпигонов.

С Александровым я общался главным образом через его заместительницу по кафедре доцента Марию Дмитриевну Цебенко, но иногда и непосредственно. Он представлялся мне довольно симпатичным, даже для меня немного открытым (особенно для моего друга Павла Тихоновича Белова, работавшего с ним перед войной). Я, не очень-то тогда квалифицированный в истории философии, иногда все же замечал (при разработке и обсуждении программы кандидатского минимума по истории философии) кое-какие промахи и ошибки в познаниях шефа. Но я, конечно, понимал, что при его партийно-политической занятости у него вряд ли находится время для углубления своих знаний, и он жил «старым запасом».

На заседании кафедры в ЦК присутствовали оба его заместителя — первый, Петр Николаевич Федосеев (1908–1990), и Михаил Трифонович Иовчук (1908–1990) — второй. Я обратил внимание, когда Александров торопил с составлением программы кандидатского минимума для аспирантов, то посматривал на Федосеева, который говорил, что не стоит с этим так уж торопиться. Когда же программа минимума по кафедре Александра была отпечатана, в отделе кадров ЦК зафиксировали, что большинство аспирантов взяты кафедрами АОН неправильно по их партийным и служебным качествам. На этих кафедрах пришлось набирать других аспирантов. Кафедра же диамата, руководимая Федосеевым, даже не приступала к составлению своей программы.

В дальнейшем я более подробно узнал о Федосееве, наблюдая его в АОН. Несколько удивлял его партийный стаж, ибо он стал членом ВКП(б) лишь в 1939 году, в то время как его ровесники Иовчук и Александров вступили в партию в 18 (первый) и в 20 (второй) лет. Мне объяснили тогда, что Федосеев — сын кулака, и не мог стать коммунистом так рано, как его теперешние сослуживцы. Наблюдая его и впоследствии (короткое время я был даже его заместителем по редколлегии серии книг «Философское наследие», а председателем был Петр Николаевич), я убедился в его «герметичности». Он был из тех, о ком говорят: «слово — сереб-

ро, молчание — золото». Окончив исторический факультет горьковского пединститута, он стал аспирантом философского факультета МИФЛИ и перед войной защитил кандидатскую диссертацию «Ленин и Сталин о религии и атеизме». В дальнейшем, работая в ЦК ВКП(б), редактором его теоретического органа журнала «Большевик», он стал и академиком, и вице-президентом АН СССР, и директором Института философии, и директором ИМЭЛ. Пользовался большим авторитетом в партийных верхах. Его поздний труд «Диалектика современной эпохи»²³ явно составлен при помощи референтов.

В 1946 году, когда я стал работать в АОН, Александров достиг вершины своей партийно-государственной значимости: начальник названного Управления, член Оргбюро ЦК, которому после смерти секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова Сталин поручал делать традиционные доклады в день смерти В.И. Ленина. Естественно ему было досадно, что Митин и Юдин, не имевших каких-либо значимых трудов, не защищавшие диссертаций, были членами Академии наук и как бы возглавляли «философский фронт». Александров вместе со своими заместителями тоже решили стать членами Академии наук. Такие стремления были свойственны и многим другим эпигонам, особенно если они занимали значительные партийные, да и административные должности (партийная принадлежность, как правило, и здесь была обязательной). В большинстве случаев они были «образованцами», учившимися в Университете имени Свердлова (еще в Гражданскую войну), в упомянутом выше Институте красной профессуры, в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Все получаемые здесь научно-педагогические звания, включая «профессоров» и «докторов», были значительно девальвированы как бы изначально. Коммунистическая, а затем Социалистическая академия, влившаяся в Академию наук СССР, поднимали статус «образованцев», но не их философскую, теоретическую ментальность. К тому же Сталин в 1946 году значительно увеличил зарплату «остепенившимся», что закономерно усиливало их стимул стать членами

²³ См.: Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. М.: Наука, 1966.

Академии. Теперь и М. Иовчук захотел стать ее членом, однако не имел степени доктора — обязательное условие для баллотировки туда. Необходима была его срочная защита, ибо до выборов в Академию (ноябрь 1936 года) оставались, кажется, две-три недели, и надо было торопиться.

Михаил Трифионович, коммунист чуть ли не с юношеского возраста, был типичным партийным карьеристом. Окончив Академию коммунистического воспитания, он оставался поверхностным и безнадежным догматиком, ухватившимся за русских революционных демократов и мусолившим «ленинские традиции в философии». Лез во все редколлегии, включая те, в которых он был пустым местом. В отношении подчиненных и тех, кто стоял ниже его по служебной лестнице, нередко проявлял себя откровенным хамом. Вместе с тем он обладал даром хорошей речи и определенно остроумия. Не признавая Марка Борисовича Митина достойным руководителем «фронта», он придумал для него «псевдонимы»: «Мрак Борисович Мутин». Обыгрывая его свойства «толкать речи», не всегда уместные по конкретному вопросу, Михаил Трифионович «окрестил» его: «Маркс Борисович Митинг».

Очень быстро на кафедре скомпоновали (главным образом помощником диссертанта Владимиром Ивановичем Газенко) текст под заголовком — «Из истории русской философии», который и был представлен в Ученый совет. Первым официальным оппонентом стал тот же Митин, вторым — Владимир Семенович Кружков (1905–1991), преемник Митина в качестве директора ИМЭЛ, третьим — Орест Владимирович Трахтенберг (1889–1959), самый достойный и грамотный по сравнению с первыми. Защита состоялась «нормально», т.е. совершенно формально: Митин дал должный отзыв официального оппонента, сделав совершенно положительную рекомендацию диссертанта в доктора. Но через неделю-другую, придя на кафедру (в присутствии Цебенко и меня), ухмыляясь, сказал: «У меня такое впечатление, что Михаил Трифионович один и тот же текст трижды пропустил через пишущую машинку».

Новоиспеченный доктор (диссертации которого не оказалось в Ленинской библиотеке, что в дальнейшем привело к неприятным

скандалам для него), Александров, Федосеев и Иовчук стали членами Академии: первый — действительным членом, вторые — членами-корреспондентами.

Они, надо думать, очень торжествовали, но, оказалось, довольно преждевременно. Уже после избрания все это стало известно Сталину. В свое время он «помог» пройти в Академию (при соблюдении всех формальностей) Митину (в действительные члены) и Юдину (в члены-корреспонденты). Но они тогда были нужны Сталину как вышибалы Деборина и других «меньшевицствующих идеалистов», превозносивших Гегеля с его умозрительным («диалектическим») методом. Теперь же вождь поддерживал другой порядок, зорко следя за теми деятелями аппарата партии, которые слишком «зарывались». От многих работающих в АОН я слышал, что генсек пригласил Президента Академии Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951) и просил его сообщить, каким образом все руководство Управления агитации и пропаганды ЦК стали членами Академии наук? — Тот ему ответил, что на этих достойных лиц поступила рекомендация ЦК ВКП(б), — она была обязательна и тогда строго соблюдалась. — Ну я вам такой рекомендации не давал, — сказал генсек. — Может быть она поступила от т. Жданова? — Вавилов ответил, что и этого не было. — Тогда кто же такую рекомендацию Вам направил? — снова спросил Вождь. — Мы получили ее от т. Иовчука, ответил президент Академии (следовательно, первый рекомендовал и самого себя). — Тогда генсек спросил Президента Академии: «А нельзя ли их всех обратно»? — Последний ответил, что, увы, устав Академии не позволяет такое сделать. Сталин будто сказал: «Ну хорошо. Мы примем свои меры». Действительно вскоре мы узнали, что Иовчук удален из аппарата ЦК партии и направлен в Белоруссию как секретарь по пропаганде тамошнего ЦК. Федосеев был назначен главным редактором «Большевика». Положение Александрова тоже пошатнулось.

Когда несколько лет тому назад Совет МГУ присваивал звание «заслуженного профессора» Юрию Андреевичу Жданову (1919–2006), прибывшему для этого действия из Ростова-на-Дону, где он, член-корреспондент АН СССР, работал в ее филиале, меня тоже

позвали на этот Совет (в сталинские годы я был немного знаком с ним). Ю.А., окончивший перед войной химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в конце 40-х гг. заведовал отделом науки ЦК ВКП(б) и, будучи зятем Сталина (вторым мужем его непутевой дочери Светланы), весьма способствовал решению о строительстве комплекса зданий МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах. Он мне подтвердил выше рассказанный эпизод об отношении Сталина к академическому делу Александрова. При этом добавил существенный момент, что Сталин, назначая внушительные оклады академикам, считал, что следует каждые пять лет проводить их ротацию, заменяя путем новых выборов неэффективных академиков на более эффективных. Такой замысел Сталина представляется актуальным в контексте теперешней реорганизации Академии наук, но вместе с тем он достаточно утопичен, поскольку и у нас, да и повсюду, «большие ученые» (включая все увеличивавшуюся численность представителей общественных наук), проходят в Академию наук на всю жизнь.

Летом 1945 года Александров опубликовал книгу «История западноевропейской философии»²⁴, которой был присвоен гриф учебника для вузов. В действительности это была небольшая доработка курса с таким же названием, который был опубликован автором в 1939 году на основе курса лекций, который он читал на философском факультете МИФЛИ (об этой книге уже говорилось выше). Мы, аспиранты, читая эту книгу, убедились, что это стандартное, стилистически серое произведение, скомпоновано на основе уже традиционной тогда марксистской методологии, в которую вписывались пересказы воззрений философов (с эпохи Возрождения). Нам было совершенно ясно, как далеко ей до «осужденного» III тома «Истории философии», который, основываясь в принципе на той же методологии, давал конкретный анализ воззрений философов при довольно тщательном прочтении их произведений. Но книга уже влиятельного партийного деятеля была высоко оценена в рецензиях. Профессор Марк Петрович

²⁴ Александров Г.Ф. История западноевропейской философии / Курс лекций, прочитанных в Высшей парт.школе при ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1945.

Баскин (1899–1964) — а он тогда работал по совместительству в МГУ на нашей кафедре — оценивая в своей рецензии книгу как «выдающийся труд», оканчивал ее сожалением, что «явно недостаточен тираж издания» (50 000!). При таких похвалах естественно, что этот опус был увенчан Сталинской премией. Но Белецкого это не смутило, и он в конце 1946 года обратился к Сталину с новым Письмом, в котором утверждал, что автор книги совершенно не учел в ней решения Политбюро ЦК о III томе «Истории философии». Существо же его критики, как он говорил на нашем семинаре, — игнорирование «классовой сущности», трактовка философов как сотоварищей по профессии, полностью забывая об их классовых корнях и т.п.

Письмо Белецкого оказало свое действие. ЦК ВКП(б) потребовало обсудить положение на «философском фронте» в связи с книгой Александрова, замечаниями Белецкого и постановлением Политбюро по III тому. Такое достаточно аморфное обсуждение состоялось в Институте философии в январе 1947 года (я на нем присутствовал). В.С. Кружков (председательствовавший здесь), свехосторожный П.Н. Федосеев и другие осуждали воззрения Белецкого как антимакистские. Сам он здесь тоже присутствовал, но промолчал.

Однако и это обсуждение не удовлетворило высшее партийное руководство (прежде всего, конечно Сталина). Постановили провести новую дискуссию. Она состоялась в здании ЦК ВКП(б) в конце июня 1947 года. На ее заседания из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов была привлечена не одна сотня участников, имевших прямое или косвенное отношение к «философскому фронту». Я, как работник АОН, состоявший на учете в ее партийной организации, тоже был сюда допущен. Всмотривался в президиум, где сидели А. Жданов, А. Кузнецов, М. Суслов (секретари ЦК), М. Шкирятов (председатель Комиссии партконтроля). Первый из них вел заседания непринужденно и улыбочиво. К концу шестидневного заседания, когда выступил сам Жданов, тогда первый идеолог партии, выявилась в очередной раз особенность подобных заседаний, объявлявшихся «дискуссиями». Как полностью выявилось впоследствии для большинства непосвя-

щенных, Сталин напутствовал организаторов о полной свободе выступлений участников, но окончательный смысл и цель этих выступлений были заранее зафиксированы в той самой речи Жданова, которую одобрил Сталин с несколькими замечаниями и поправками. По его заданию сначала следовало вскрыть недостатки учебника Александрова, а затем подвергнуть «партийному анализу» состояние всего «философского фронта». Сам учебник по своей содержательности и литературному исполнению, по моему уже тогдашнему и тем более последующему мнению, содержательно и литературно был значительно ниже злосчастного III тома, который я достал в библиотеке АОН.

Сам по себе учебник Александрова не заслуживал столь широкого и длительного обсуждения, но решали идеологические установки, сформулированные Сталиным, но в принципе ясные для Жданова и без того. Не успел он окончить свою речь, как А. Кузнецову, теперь председательствующему секретарю ЦК ВКП(б), посыпались заявления записавшихся, но еще не выступавших участников с отказом от их предполагавшихся выступлений. Впрочем, некоторые из них воспользовались правом представить для отчета о дискуссии свои тексты. Характерен тот анекдотический скептицизм, который проявлялся в кулуарах относительно подлинной безошибочности для авторов их «теоретических» публикаций (мне, в частности, сформулировал это О.В. Трахтенберг): их собственные формулировки должны представлять кратчайшее расстояние между двумя цитатами из «классиков» марксизма-ленинизма или из официальных партийных документов. А еще вернее привести цитату, а в скобках указать: «разрядка моя»! Так под сурдинку выражался абсурд предельного догматизма, который действительно был свойствен множеству «теоретических» публикаций.

Но, тем не менее, ряд моментов речи Жданова свидетельствовал о его начитанности в историко-философской литературе. Например, идея, согласно которой в ходе историко-философского процесса, начиная с Античности, из философии отделяются все новые и новые науки. В этом контексте возникает проблема, близкая к позитивистскому истолкованию философии: что же ос-

тается от философии и даже от марксистско-ленинской идеологии? Но здесь неверна основная посылка, ибо философия никогда не была некоей пранаукой, но развивалась, конкретизировалась в тесной связи с практически-научным знанием, которое рационализирует и конкретизирует философию прежде всего в ее отношении к мифологическому мировоззрению.

Жданов, как и участники дискуссии, в различных аспектах трепали своей критикой схематичность, нечеткость учебника Александра, потешаясь, в частности, над бедным Марком Петровичем Баскиным («морской философский волк» в ждановской речи), сожалевающим, как отмечено выше, о недостаточности огромного тиража книги. Наиболее основательными и весьма неприятными для автора книги и ответственного партийного начальника были в основном традиционные «провалы» книги: «объективизм», ослабляющий, если не устраняющий марксистско-ленинскую партийность; в ряде случаев как бы солидарность с некоторыми из до-марксистских философов; усеченность изложения формирования марксизма, заканчивающегося «Коммунистическим манифестом» и революцией 1848 года, в то время как он, конечно, продолжал развиваться и Марксом, и Энгельсом, и Лениным, а теперь и Сталиным. Главный же порок книги Александра заключался в недооценке того, что марксизм, доведенный до предельной высоты ленинизмом, знаменовал революционный переворот в философии, когда она из различных систем мыслителей одиночек стала единым учением для миллионных масс. Можно было бы добавить, что тем самым она трансформировалась в идеологию, но первое слово было все же более значимо и серьезно.

В своем заключительном слове Александров, конечно, каялся, полностью признавал свои ошибки, заверял как Жданова, так и Сталина в радикальном изменении своей деятельности, уверял в существенной переработке новой книги по истории философии и т.п. Перед Ждановым, когда уже закончилась «дискуссия», он, смущенный, стоял, по выражению моего друга П.Т. Белова, как «побитая собачонка», и в чем-то оправдывался. Многим стало ясно, что он переоценил свое положение и свою роль в партийном руководстве. Его освобождение от высокой должности и перемене-

шение на должность директора Института философии состоялась через три-четыре месяца. Несколько загадочно, что при столь жесткой критике «Истории западноевропейской философии» с нее не была снята Сталинская премия (во всяком случае в печати ничего подобного не было объявлено).

Прямым результатом речи Жданова для изучения истории философии стало расширение преподавания марксизма во всем его хронологическом объеме. Притом воззрения и произведения Маркса и Энгельса изучались (лекционно и семинарски) на кафедре истории западноевропейской философии (впоследствии переименованной в зарубежную), а Ленина и Сталина — на кафедре истории русской философии! Трагикомизм последних курсов — прежде всего для бедного Григория Степановича Васецкого (1904–1983), который их читал — проявился сразу после XX съезда, когда сталинист Хрущев столь примитивно раскритиковал Сталина (на университетском партактиве историки КПСС утверждали, что в 1920-е гг. он тоже был троцкистом, но сумел вовремя «покаяться» перед ним). Удаление из преподавания произведений и статей Сталина привело почти к половинной резекции «ленинского этапа в философии».

Положительным результатом той же дискуссии стало учреждение журнала «Вопросы философии». В нем, конечно, печаталось множество идеологизированных статей, но нарастало количество и собственно философских.

Ситуация на уровне философствующих эпигонов, непосредственно руководивших «философским фронтом» в различных учреждениях, по существу, менялась мало. В ней происходили лишь персональные изменения, как и сражения между ними, что в определенной мере оправдывало идею «фронта» (который в принципе был призван громить «буржуазную философию», которую знали и понимали очень плохо, и всякого рода попытки «искажения» марксизма-ленинизма).

В названном выше издании «Философия не кончается...» приводится весьма характерная для состояния «фронта» докладная записка (сентябрь 1949 года) вышеупомянутого Ю.А. Жданова, тогдашнего заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б), — секретарю ЦК М.А. Суслову (ставшему главным идеологом партии после

смерти А.А. Жданова). Здесь Ю.А. Жданов пишет о наших философах-профессионалах, «заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ... никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии. Более того, никто из наших философов-профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила бы какую-либо конкретную область знаний. Это в равной степени относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным»²⁵. Хочется сказать, теперь уже покойному (в те годы моему знакомцу) сыну своего отца и зятю самого Сталина, что определяющая роль эпигонов, им названных и неназванных, заключалась главным образом в том, чтобы следить за «чистотой» марксизма и поддерживать ее, продолжая и даже усиливая догматизм «непрерывно развивающегося» учения, как они писали. К тому же адресат записки еще бдительнее нес ту же службу, хотя всегда был далек от философии.

Несколько непонятно помещение автором записки в тот же ряд Бонифатия Михайловича Кедрова (1903–1985), которого мы тогда воспринимали как философского наставника автора приведенной Записки. Оба они имели образование по химии; и, когда в 1966 году Б.М. стал академиком, он пользовался, пожалуй, наибольшим авторитетом среди академиков-естественников. Ю.А. Жданов, тоже кончавший химический факультет, стал членом-корреспондентом АН уже в Ростове, куда он был «депортирован», по его словам, сразу после смерти грозного тестя. Что же до Кедрова, он был последовательным критиком Митина, не раз «ударяя» его. Основанием для такой агрессии (Митин на нее отвечал реже) было во многом то, что этот уже давний академик, по сути не имеет авторских книг и даже в крутые сталинские времена какое-то время возглавлял «фронт». Сам же Б.М. публиковал книгу

²⁵ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора З.Я. Белецкого // Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век: В 2-х кн. Издание 2-е / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20-е — 50-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 232.

за книгой (более всего по философии естествознания). И мне приходилось слышать, что этот маститый автор давно ничего нового не читает, а только пишет. Член партии большевиков с комсомольского возраста, он пострадал в годы репрессий, когда его отец, некогда один из заместителей Дзержинского, был расстрелян, а брат, работавший в органах НКВД, был вынужден покончить самоубийством. Но в послесталинские времена Кедров быстро продвинулся, стал директором Института естествознания и техники в 60–70-е годы, и сумел принять в его сотрудники некоторых полу-диссидентов с партийными выговорами (например, таких молодых талантов, как П.П. Гайденок и А.П. Огурцов). Сотрудником того же Института стал упоминавшийся выше Семен Романович Микулинский (1919–1991). Вызволненный из фильтрационного лагеря сокаursниками, он добился степени доктора биологических наук. Административная работа очень отвлекала Б.М. от литературной и другой деятельности (он был и первым редактором «Вопросов философии»); именно он назначил Микулинского своим заместителем, и тот стал исполнять эту должность вполне успешно. Когда Институт философии выдвинул в члены-корреспонденты АН своего заместителя директора Александра Никифоровича Маслина (1906–1970), а Отделение философии и права своим голосованием его утвердило, Б.М. обнаружил какие-то неточности в этом процессе и добился отмены кандидатуры Маслина. На освободившееся место Б.М. двинул своего заместителя. Взяв должные отзывы от академиков-естественников, он провел в члены-корреспонденты Семена Микулинского.

После неожиданной смерти в 1971 году директора Института философии Павла Васильевича Копнина, ифлийца и моего друга, Кедров стал в 1972 году директором и этого Института. Он возглавлял его два года, но в 1974 году был сброшен усилиями академиков Константинова и Митина, а с должности директора ИЕ-ИТ, говорили, ему «помог освободиться» его заместитель, который и стал его директором.

В коллекцию философствующих академиков вошел и Федор Васильевич Константинов (1901–1991). Профессор-икапист, активно поворачивавший вместе с Митиным и Юдиным «философский

фронт» в должное русло после осуждения «меньшевиствующих идеалистов», он занимал ряд высоких партийно-государственных должностей, был несколько лет директором АОН и первым президентом Философского общества. В своих выступлениях он, конечно, последовательно защищал «научную идеологию», обладал даром речи, — и был прозван «лирическим марксистом». Авторских книг он совсем не имел, но был назначен шеф-редактором первой советской пятитомной «Философской энциклопедии» (1960-1970)²⁶. Далекий от философии, он добился назначения своим главным заместителем профессора Александра Георгиевича Спиркина (1918–2004), который и подбирал знающих руководителей отделов, а они — конкретных авторов статей. В четвертый и пятый тома прорвались диссидентствующие молодые авторы, которые наполнили их опасными статьями, особенно по русским дореволюционным идеалистам, на исследование которых в советские времена было наложено литературное табу. В результате было сорвано представление «Ф.Э.» на государственную премию, чем был расстроен шеф-редактор и подобранные им «правильные» члены общей редколлегии.

²⁶ Философская энциклопедия. В 5 т. / Гл.ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. (Т. 1. М., 1960. Члены редакционной коллегии: В.Ф. Асмус, Л.Ф. Денисова, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, Х.Н. Момджян, Е.П. Ситковский, В.П. Тугаринов; Т. 2. М., 1962. Члены редакционной коллегии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, М.Т. Иовчук, М.Д. Каммари, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, А.Д. Макаров, Х.Н. Момджян, А.Ф. Окулов, Е.П. Ситковский, А.Г. Спиркин (заместитель главного редактора), В.П. Тугаринов, П.Н. Федосеев, Л.С. Шаумян; Т. 3. М., 1964. Члены редакционной коллегии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, М.Т. Иовчук, М.Д. Каммари, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, А.Д. Макаров, Х.Н. Момджян, А.Ф. Окулов, Е.П. Ситковский, А.Г. Спиркин (заместитель главного редактора), В.П. Тугаринов, П.Н. Федосеев, Л.С. Шаумян; Т. 4. М., 1967. Члены редакционной коллегии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, А.Д. Макаров, М.Б. Митин, Х.Н. Момджян, А.Ф. Окулов, Е.П. Ситковский, А.Г. Спиркин (заместитель главного редактора), В.П. Тугаринов, П.Н. Федосеев, Ю.П. Францев, Л.С. Шаумян; Т. 5. М., 1970. Члены редакционной коллегии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, А.Д. Макаров, М.Б. Митин, Х.Н. Момджян, А.Ф. Окулов, Е.П. Ситковский, А.Г. Спиркин (заместитель главного редактора), В.П. Тугаринов, П.Н. Федосеев, Л.С. Шаумян.)

Для характеристики отношений, складывающихся среди «философского начальства» можно привести один эпизод (примерно в то время, когда готовилась докторская защита М.Т. Иовчука). Где-то в конце ноября 1947 года на заседании кафедры истории философии появился сравнительно молодой красивый человек, которого звали Дмитрий Иванович Чесноков (1910–1973). Позже мне сказали, что это приехавший из Свердловска тамошний секретарь по пропаганде горкома ВКП(б). Он привез рукопись, трактующую мировоззрение А.И. Герцена, которую просил рассмотреть на предмет ее докторской защиты в АОН. Александров, ведущий заседание, поручил Митину дать ей предварительную оценку. На следующем заседании академик заявил, что, прочитав рукопись, он убедился, что пока она представляет хорошую кандидатскую диссертацию и требует доработки для проведения ее на докторский уровень. Однако рецензент, совсем недавно оппонировавший диссертацию по русской тематике М.Т. Иовчука и давший ей «добро» (вопреки, как мы видели выше, своему действительному мнению о ней), ничего не сказал по существу, и рукопись Чеснокова была отклонена на дальнейшую доработку. Не состоявшийся тогда доктор философии возненавидел Митина и увеличил число врагов Александрова. В следующем году Дмитрий Иванович опубликовал эту работу, названную «Мировоззрение Герцена»²⁷, — и она вскоре получила Сталинскую премию. В дальнейшем, на последнем, XIX съезде партии (1952), тот же автор, работавший уже в Москве (в частности, главным редактором «Вопросов философии»), был введен Сталиным в состав Президиума ЦК КПСС.

Завершая обзор партийных начальников от философии, кратко остановлюсь на Леониде Федоровиче Ильичеве (1906–1990). Икапист, рано вступивший в партию, он проделал обычную партийно-административную карьеру, вершина которой состоялась в правление Хрущева, когда он, близкий его прихвостень, стал секретарем ЦК КПСС. При подготовке членства в АН (не будучи членом-корреспондентом) он созвал представителей различных наук и поставил перед ними задачу «методологического объеди-

²⁷ См.: Чесноков Д.И. Мировоззрение Герцена. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1948.

нения». Показательно, что в своем обосновании столь нечеткой задачи он, что-то слышавший об идеальном государстве Платона, провозгласил, что теперь, наконец, наступило то время, когда философы стали править государством.

* * *

К самому концу 1947 года мне надоела подсобная должность заведующего учебным кабинетом при кафедре. В том же году при Совете Министров СССР по прямому распоряжению Сталина было учреждено Издательство иностранной литературы при Совете Министров СССР с задачей переводить и издавать наиболее интересные и важные произведения зарубежных авторов. В число нескольких редакций Издательства была включена и редакция философии и психологии. Директором Издательства был назначен весьма перспективный филолог Борис Леонтьевич Сучков (1917–1974). До войны он учился вместе с моим другом, упоминавшимся выше М.Ф. Овсянниковым, ставшим здесь заместителем заведующего редакцией Михаила Александровича Дынника (назначенного явно по протекции Г.Ф. Александрова, ибо был оппонентом по его докторской диссертации). Михаил Федотович пригласил в качестве редактора будущих книг и меня. Наша редакция встретила сразу с огромными трудностями, ибо она должна была искать и издавать только «прогрессивных» авторов, и если удавалось найти таковых среди «буржуазных философов», то при их публикации они и редакция в те времена быстро попадали под огонь партийно-догматической критики. С осторожностью искали бесспорных авторов, — и одним из них стал английский коммунист Морис Корнфорт (1909–1980), автор «Науки против идеализма»²⁸. Другой удачей стала книга «Теория отражения» болгарского коммуниста и деятеля Коминтерна (в те годы) Тодора

²⁸ См.: *Корнфорт М.* Наука против идеализма. Критический анализ чистого эмпиризма и современной логики. Ч. 1–2. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. Говоря о М. Корнфорте, нельзя не вспомнить его работу, посвященную критике теории «открытого общества» К. Поппера: *Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М.: Прогресс, 1972.

Павлова (Досева)²⁹, первого декана философского факультета МИФЛИ. Но деятельность Издательства оказалась под ударом, когда органы НКВД в 1948 году арестовали его директора Сучкова (получил «четвертак» и освобожден после смерти Сталина). Пришлось уйти из издательства и М.Ф. Овсянникову, и я стал заместителем М.А. Дынника. Совершенно безопасными и необходимыми стали книги Гильберта-Аккермана «Основы теоретической логики»³⁰ и Альфреда Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук»³¹, изданные при решающей роли Софьи Александровны Яновской.

Работая три года в Издательстве иностранной литературы, я не терял связей с философским факультетом, нередко навещаясь туда. Хотя здесь продолжала господствовать кафедра Белецкого, у меня сохранялись дружеские связи с преподавателями других кафедр (да на диамат-истмате у меня тоже оставались друзья).

Я почти все время присутствовал на том партийном собрании философского факультета в марте 1949 года, которое продолжалось чуть ли не всю неделю. Повестка собрания по указанию ЦК ВКП(б) и Московского горкома посвящалась обсуждению редакционных статей «Правды» и еженедельника «Культура и жизнь» (основан еще Управлением Александрова; некоторые читатели под сурдинку называли его «Культура и смерть»). В названных статьях «разоблачалась» «антипатриотическая» группа театральных критиков, уличаемых в космополитизме, пренебрежении к

²⁹ Тодор Павлов (1890–1977), псевдоним П. Досев — болгарский партийно-политический деятель и ученый-марксист, был президентом болгарской Академии наук. В 1932–1936 годах жил и работал в Москве; был первым деканом философского факультета МИФЛИ, читал лекции в Институте красной профессуры (ИКП). Речь идет о его работе: *Павлов Т. (Досев П.). Теория отражения. Очерки по теории познания диалектического материализма.* М.: Соцэргиз, 1936 (переиздание: М.: Изд-во иностранной литературы, 1949).

³⁰ См.: *Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики* / Ред., вступит.ст. и коммент. проф. С.А. Яновской. М.: Изд-во иностранной литературы, 1947.

³¹ См.: *Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук* / Ред. и предисл. проф. С.А. Яновской. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948.

советско-российской родине, построившей социализм и выигравшей страшную войну. Сталинско-большевистская партия инициировала тогда одну из позорных — по сути антисемитских — кампаний, в которую вовлекались различные круги интеллигенции. Кафедра диамата-истмата, возглавляемая Белецким, стала главным объектом критики, потому что среди ее преподавателей было много (если не большинство) евреев. Таковым считался и сам Белецкий, который называл себя белорусом, проходившем учебу в православной семинарии. Выступавшие говорили о сплоченности кафедры, об отсутствии критики и самокритики среди преподавателей, весьма почитавших своего заведующего за его принципиальность в теории и бесстрашие в критике высокого начальства и т.п. Г. Батыгин и И. Девятко в названном выше издании «Философия не кончается...», основываясь на архивных материалах, рисуют довольно подробную картину «философской борьбы» между эпигонами-начальниками Александровым, Митиным, Иовчуком, Кедровым, Чесноковым и другими, — и их бесстрашным критиком Белецким — хотя все они, добиваясь истины, апеллировали в своих посланиях к Сталину, Жданову, Маленкову, Суслову. Авторы подробно рисуют и ход названного собрания. В изложении этих авторов поражает возвышенная, а иногда просто ложная оценка деятельности Белецкого. В ней он фигурирует как «неподкупный часовой философского фронта», отличавшийся свободомыслием, самостоятельностью мышления, самым последовательным марксистом³², державшим в напряжении Институт философии и философский факультет и т.п.

Здесь мне приходится вернуться к Белецкому, в семинаре которого я был участником, хорошо знал всех своих сокурсников, названных Батыгиным и Девятко, по довоенному факультету и по тому же семинару. Отражал, пускай весьма запальчиво, его попытки опровергнуть мою диссертацию, попытки все же провалившиеся, о чем свидетельствовало голосование в мою

³² См.: *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Дело профессора З.Я. Белецкого // Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век: В 2-х кн. Издание 2-е / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20-е — 50-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 222–224.

пользу и гром аплодисментов при оглашении протокола голосования.

Все названные выше эпигоны — и тем более сам Белецкий — всегда уличали друг друга в антимарксизме. Для такого взаимного «опровержения» определенное основание давали «основоположники», особенно Энгельс, который в четырех известных письмах к своим последователям-критикам признавался, что они с Марксом слишком напирали на роль социально-экономического базиса по отношению к различным компонентам «духовной надстройки» вообще, и философии в особенности; подчеркивали его столь сильно, что исторический материализм многие интеллектуалы и критики трактовали как экономический материализм (или даже экономический детерминизм). Здесь вставала проблема относительной самостоятельности философской «надстройки», что и образует историю философии. Белецкий ее весьма плохо знал и не признавал, считая ее бессвязным набором терминов, «гносеологической схоластикой» (по Ленину), идеалистической в своем отрыве от общественной жизни и т.п. Марксистско-пролетарская идеология — ее непосредственное отражение, тогда как философию того же Гегеля следует трактовать как политическое оправдание прусско-немецкой государственности в ее стремлении к войне и т.п. Показательно также противопоставление Белецким русского революционного демократизма (Герцен, Чернышевский) западноевропейской «буржуазной философии». Первая все же, однако, обладала значительной самостоятельностью, — и поэтому якобы не имела никакого отношения к возникновению марксизма, в то время как русский революционный демократизм, погруженный в жизнь и ориентированный на русский пролетариат, породил марксизм-ленинизм в России. Здесь «оригинал» приспособлял противопоставление русской и западной философии к развивавшемуся и набирающему силу «антикосмополитизму».

В этом же контексте развивались гносеологические споры об истине, точнее объективной истине: что в ней преобладает и ее определяет: объект с его особенностями и закономерностями, или она определяется субъектом; и без его познавательной деятельности не может вообще быть речи об истине, а преобладание субъек-

ектного начала ведет к идеализму и т.п. В этих рассуждениях апеллировали к ленинскому «Материализму и эмпириокритицизму», где объективность истины максимально сенсуализирована, как это было у Гольбаха. Белецкий решал эту проблему еще более примитивно, чем автор этого произведения. Отсюда, по-видимому, и байка, по которой руководитель семинара, распахнув окно с видом на Кремль (университет и факультет были тогда напротив его) и указав на него, сказал: «Вот она объективная истина!». Такого эпизода я не вспоминаю, но байка эта вполне соответствует трактовке истины Белецким, как и его обращения по теоретическим вопросам в «высшие инстанции». А.Д. Косичев в вышеупомянутой книге³³ пишет, что студент 4-го курса Я. Аскинази обратился с письмом к Сталину с просьбой прояснить: как же понимать объективную истину?

Но вернемся теперь к партсобранию факультета в марте 1949 года. Оно проходило весьма бурно. Настойчиво критиковали кафедру диамата-истмата, заостря критику и против молодых ее преподавателей (Герман, Куражковская, Вербин, Ковальзон); Вадима Келле, защитившего в 1947 году кандидатскую диссертацию о Гегеле под руководством Белецкого), вообще вывели из президиума собрания. Приняли постановление об увольнении проф. Белецкого с факультета, закрепленное и решением Совета. Но его восстанавливали не раз высшие партийные и министерские инстанции, несмотря на новые постановления о его увольнении парторганизациями философского факультета и университета. Поддержка Сталиным в 1944 году (а З.Я. послал ему новое письмо в 1949 году) «мастера эпистолярного жанра» (как говорили на факультете и в университете) делала бессильными все постановления и решения «вниз», как бы ни кипятились здесь многочисленные противники Белецкого. Он же вместе с Митиным стали активно поддерживать идеи Лысенко, которого приводили на факультет для выступлений перед студентами в большой аудитории.

³³ См.: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 163.

Однажды я пришел в эту аудиторию, чтобы послушать этого дремучего субъекта, который в частности доказывал отсутствие внутривидовой борьбы: «Заяц зайца не ест, волк зайца ест».

После смерти Сталина все же удалось переместить Белецкого на кафедру диамата-истмата для гуманитарных факультетов, а в 1955 году Министерство переместило его на ту же должность в Инженерно-экономический институт. Никто из сотрудников его кафедры (бывших его аспирантов) за ним не последовал. Один из его активных защитников на факультетских баталиях, Иван Михайлович Панюшев, рассказал мне об их разочаровании в Зиновии Яковлевиче как в ученом и человеке. Сам я слышал, присутствуя при их беседах (Белецкий жил уже в нашем университетском доме), как после XX съезда КПСС он поносил Хрущева за его разоблачение Сталина, почему-то сравнивая первого с Распутиным. Не повезло теперь ему и в личной жизни (со скандалом ушла от него жена, врач по профессии, а дочь выбросилась с балкона).

* * *

Конец «диктатуры» Белецкого на факультете открыл мне возможность возвращения на факультет. Ушли в факультетскую аспирантуру двое основных редакторов, И.С. Нарский и А.П. Петрашик, а М.А. Дыннику, раскритикованному за отсутствие активности в подборе иностранной философской литературы (что было трудно и небезопасно), пришлось оставить заведование редакцией, в которой, кроме меня, оставались два младших технических редактора, — и все это поставило под вопрос существование редакции в Иноиздате. Я тоже покинул ее, и она была закрыта. Однако ЦК года через два приказало дирекции Издательства снова ее открыть (заведующим стал Н.Г. Тараканов, набравший новый состав).

На философский факультет МГУ я был зачислен не сразу, — приводил какие-то возражения тот же Белецкий. Но ситуация на кафедре истории философии изменилась, теперь ею заведовал (после смерти Б.С. Чернышева, по совместительству) Василий Иосифович Светлов (1899–1955). Икапист, он работал в аппарате ЦК и был в 1944 году направлен оттуда на пост директора Института философии (вместо П.Ф. Юдина при осуждении III тома

«Истории философии»); автор книги о браке и семье при капитализме и социализме³⁴, о формировании философских взглядов Маркса и Энгельса³⁵ и т.п. Каким-то образом он заинтересовался античной философией, и в 1946 году на сессии АН СССР, посвященной 2000-летию со времени смерти Лукреция, сделал доклад «Мировоззрение Лукреция Кара»³⁶, в котором, в частности, доказывал, что древнегреческие боги, фигурирующие в его поэме «О природе вещей», — только маскировка римского материалиста. В 1946 году Светлов стал заместителем министра высшего образования, оставаясь заведовать нашей кафедрой. Мое устройство туда было сомнительно, ибо заместитель министра очень опасался Белецкого. Своим заместителем по кафедре он по совету названного выше П.Т. Белова пригласил его сокурсника в МИФЛИ доцента Теодора Ильича Ойзермана (работавшего в экономической Академии имени Плеханова), с которым я был знаком с ифлийских времен (он был тогда аспирантом). Умнейший и выдающийся оратор, он стал одним из самых активных критиков Белецкого (который его возненавидел). Человек весьма оперативный, Т.И., развивая традиционную уже идею, подчеркнутую и в речи Жданова, в 1948 году издал основательную брошюру «Возникновение марксизма — революционный переворот в философии»³⁷, прибавив на обложке к своей фамилии фамилию Светлова. Он отвел все возражения «белецкианцев» против моей кандидатуры, и я стал старшим преподавателем родной кафедры. На нее косились не только «белецкианцы», — но и партком факультета не очень-то ее любил. Теодор Ильич умело обходил все препятствия. Положение его окрепло, когда он, ориентируясь на высказанное Ждановым недоумение: почему история марксистской философии заканчивается «Коммунистическим манифестом» и не трактует дальнейшие

³⁴ См.: *Светлов В.И.* Брак и семья при капитализме и социализме. М.: Соцэжгиз, 1939.

³⁵ См.: *Светлов В.И.* Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса. Пенза: Издательство «Сталинское знамя», 1945.

³⁶ См.: *Светлов В.И.* Мировоззрение Лукреция (К 2000-летию со дня смерти) // Общее собрание АН СССР. 15–19 января 1946 года. М.-Л., 1946.

³⁷ См.: *Светлов В.И., Ойзерман Т.И.* Возникновение марксизма — революционный переворот в философии. М.: Госполитиздат, 1948.

идеи ее классиков, весьма оперативно (он читал на кафедре курс по развитию доктрины Маркса-Энгельса) написал докторскую диссертацию «Развитие марксистской философии на опыте революции 1848 г.» и защитил ее в декабре 1951 года. К этому времени я вполне вошел в деятельность кафедры, читая курсы истории домарксистской классической философии на отделении психологии и на историческом факультете.

* * *

Но здесь мне пришлось прервать свою работу на факультете. В Министерство высшего образования поступил запрос из аналогичного Министерства Корейской народно-демократической республики с просьбой прислать им профессора или доцента для чтения курсов и проведения занятий именно по истории философии в Университете имени Ким Ир Сена, (тогдашнего их партийного и государственного руководителя). Меня вызвали в наше Министерство и предложили (как и специалистам по другим предметам) — вернее предписали мне — длительную командировку в эту республику. На наш недоуменный вопрос — ведь там идет ожесточенная война между Севером и Югом (уже и при участии американских войск Макартура и китайских «добровольцев») — ответили: сейчас идут переговоры о перемирии между социалистическим Севером и буржуазным Югом; к нашему приезду оно будет заключено, и мы будем работать нормально. Быстро я собрал не так уж много книг и отправился с экономистом Виктором Юрьевым на вокзал в январе-феврале 1952 года. Через всю Сибирь и Маньчжурию мы прибыли в Корею, но не в сам Пхеньян, который наиболее часто подвергался бомбардировкам американской авиацией. У встречавшего нас представителя Министерства образования КНДР советского корейца Пака я спросил: почему они потребовали для философского факультета именно историка философии? Он, ухмыляясь, ответил, что историк философии может преподавать диамат-истмат, а обратное, как правило, невозможно. Мне оставалось пожать плечами (диамат-истмат я многократно преподавал в различных вузах Москвы в период от защиты диссертации и возвращения на философский факультет МГУ). Через несколько

дней меня (и Юрьева) повезли в сопки в 50-60 километрах от столичного Пхеньяна, где в ряде «чиби» (большие, просторные деревенские дома) располагался Университет имени Ким Ир Сена. Пришел и представился как и.о. ректора тоже советский кореец Ю Сен Хун. Приятный человек, он в дальнейшем просил именовать его «Сергей Павлович». Он прибавил при этом, что подлинный ректор в какой-то военной ситуации утонул в реке (Тедонган), — и теперь он, проректор, исполняет обязанности ректора, что и будет продолжаться до конца войны. Министерство назначило меня его советником. Хотя в нашем Министерстве нас заверяли, что к нашему приезду будет заключено перемирие, и мы будем работать в Пхеньяне, но оно заключено не было. В советском посольстве нам под сурдинку сказали, что Сталин «рекомендовал» Ким Ир Сэну заключить перемирие лишь после того, как южане передадут всех пленных северокорейцев, а они (конечно, по указке американцев) говорили, что эти военнопленные не хотят возвращаться в КНДР. Так почти полтора года пришлось работать в условиях войны. Хотя нам прорыли в одной из сопок убежище от бомбежек, но были ситуации, когда при американских бомбежках приходилось ползать по земле.

Я писал свои лекции, а мой корейский ассистент Ким (учившийся в Москве) переводил их на корейский язык, читал их студентам, вопросы коих он переводил с моих слов. Однажды к нам прибыл сам Ким Ир Сен, довольно красивый мужчина, пригласивший нас с Юрьевым в хорошее чиби с большим помещением. Состоялась довольно длительная беседа, которую переводил сам проректор-ректор. Он рассказывал вождю о трудностях физического существования университета, когда не столько в результате бомбежек, сколько в условиях частых сильнейших дождей (субтропики), когда разрушаются плохо построенные «чиби» и приходится строить новые. Вождь сказал, что надо тщательно изучить причины некачественности их постройки и, строя новые, не повторять ошибок. Позже я уяснил, что тогда и начиналось великое учение чучхе. Оно разрабатывалось, в частности, кандидатом философских наук нашего факультета (научный руководитель Д.М. Угринович) Хван Ден Обом, ставшим здесь секретарем

ЦК Трудовой партии. Ким Ир Сен приобрел тогда огромный авторитет. О нем была сочинена песня, которую, как гимн, стоя исполняли вначале каждого большого собрания. На лекции по диалекту собирались довольно большие аудитории. Одним из особых ее пожеланий была просьба подробнее разъяснить закон диалектики, трактующий закономерность качественного скачка в силу количественных изменений. Заинтересованность в этом законе, подчеркивали многие прямо, позволяет твердо верить в то, что их республике удастся, минуя капитализм, построить социализм.

Смерть Сталина мы переживали еще в сопках, но заключение перемирия в мае 1953 года позволило перевести Университет в Пхеньян. Здесь происходили более частые лекции не только для университетских аудиторий. Отношение к ним студентов, преподавателей и руководителей было более чем благожелательным. За добросовестную работу в особо трудных условиях военного времени нас наградили орденами Государственного знамени 2-й степени.

* * *

Я вернулся на факультет и на кафедру в мае 1954 года. Полноправным ее заведующим стал Теодор Ильич Ойзерман (Светлов вернулся на нее рядовым профессором в 1953 году и умер через два года). На кафедре работали как бы два слоя — профессоров с дореволюционным образованием, кроме Светлова, и преподавателей и доцентов советской формации

Михаил Александрович Дынник (1895–1971), сын крупного адвоката, получил гимназическое образование и в 1919 году окончил философское отделение историко-филологического факультета Киевского университета. В 1918 году принимал активнейшее участие в студенческих движениях и вступил в партию эсеров (левых), собирался заниматься общественно-политической деятельностью, но вступление в партию большевиков ему было наглухо закрыто. Переехав в Москву, он переключился на античную философию и стал аспирантом РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук), где учился одновременно с Б.С. Чернышевым. По окончании опубли-

ковал книгу «Диалектика Гераклита Эфесского» (1929)³⁸, а в 1936 году — книгу «Философия классической Греции»³⁹. Был он типичным приспособленцем к марксистской философии, и в особенности к идеологии. Читая лекции по античной философии на факультете в МИФЛИ, Дынник трактовал Сократа как «врага народа» (афинского). Вторую вышеназванную книгу очень ругали за догматизм другие философы-античники, особенно Б.А. Фохт, недолго работавший на факультете, а Б.С. Чернышев говорил ему, что он превратил Платона в каналью (что мне сообщил сам М.А.). Он был официальным оппонентом по упоминавшейся выше докторской диссертации Г.Ф. Александрова (а Б.С. Чернышев ее игнорировал), который, став большим начальником, выдвигал Дынника на хорошие места, сделал членом своей кафедры в АОН, а также заведующим редакцией философии и психологии в Иноиздате. Здесь он стал моим начальником, и я оценил его «остроумие» в повседневной жизни, как и порядочную лень: из осторожности — ввиду возможных проработок разного рода таких изданий — он ни разу не поставил своей подписи ни на одной стадии готовящейся книги, да и не очень-то стремился к их выявлению для перевода и издания.

Филологически образованный и литературно одаренный, он переводил стихами с древнегреческого, французского и итальянского (в частности философские поэмы Бруно; поэму Парменида). Но собственные статьи М.А. не отличались какой-то оригинальностью, были скорее пересказами, отличались политизированностью и догматической заурядностью. Я не знал ни одного аспиранта, который выражал бы признательность за его руководство. Несколько лет он читал семестровые курсы по критике новейшей буржуазной философии, которые отличались остроумием, но не содержательностью. Пришлось его от этих курсов освободить, о чем скажу в дальнейшем.

³⁸ См.: Дынник М.А. Диалектика Гераклита Эфесского. М.: РАНИОН, 1929.

³⁹ См.: Дынник М.А. Очерк истории философии классической Греции. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. См. также: Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общ.ред и вступ.статья М.А. Дынника. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

Ошибка, совершенная Михаилом Александровичем в юности (в 1918 году было еще невозможно угадать, какая партия будет править Россией), не помешала ему в дальнейшей жизни активно прославлять большевистскую партию. В 1950-е годы уже стали выпускать за границу ученую (или считающуюся таковой) публику. Небольшая делегация во главе с директором Института философии Ф.В. Константиновым поехала в Швейцарию. Здесь произошла какая-то встреча с группой местных философов (кажется в Женеве), и один из них, рассуждая о Гераклите, допустил какую-то ошибку, — и М.А. его умело поправил. Этот и какие-то другие факты остроумия Дынника привели руководителя нашей делегации Ф.В. Константинова, ничего не знавшего о диалектике Гераклита, да еще сформулированной по-французски, привела в такой восторг, что он через год — в 1958 году — привел его в члены-корреспонденты АН СССР.

Постарше Дынника был Орест Владимирович Трахтенберг (1889-1959), происходивший из прибалтийских дворян. Учился он на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета по кафедре философии права. В молодые годы с ним тоже приключилась неприятность, когда он, оказавшись на Северном Кавказе, в 1919 году был мобилизован в Добровольческую армию Деникина. Конечно, переживал, но как человек смиренный и благожелательный, к тому же беспартийный, — правда, в 1952 году на факультете усилиями тогдашнего декана нашего факультета А.П. Гагарина, «бывшего деникинца» (сам он говорил, что был только интендантом), все же приняли в партию. Оказавшись в Москве, Орест Владимирович преподавал социальные дисциплины в различных вузах, в особенности в Коммунистической академии им. Н.К. Крупской, где он несколько лет преподавал ИРОФ (на мой вопрос, что это за зверь, ответил: «История развития общественных форм»). В академической карьере профессора Трахтенберга особо важную роль сыграли издания «Беседы с учителем по историческому материализму»⁴⁰ и «Беседы с учителем по диа-

⁴⁰ См.: *Трахтенберг О.* Беседы с учителем по историческому материализму / Научно-педагогическая секция государственного Ученого совета / Допущено как

лектическому материализму». Благодаря этим работам в 1947 году, когда открылась Академия педагогических наук, он стал одним из ее академиков-основателей.

За несколько месяцев до начала войны, будучи научным сотрудником Института философии, он защитил докторскую диссертацию по средневековой западноевропейской философии, первую в СССР и долгое время — единственную. В соответствии с высказыванием Маркса о номинализме как материалистической тенденции в этой философии — ей (главным образом Оккаму) и была посвящена эта диссертация. Фома Аквинский, совершенно чуждый номинализму, представлен сверхкритично и маловразумительно. В 1957 году работа была издана отдельной книгой⁴¹. Хороший лектор, Орест Владимирович в 40-е — начало 50-х годов читал лекции по домарксистской западной философии (кроме немецкой). Последние три года работал дома и умер в 1959 году.

Выше было упомянуто имя профессора Валентина Фердинандовича Асмуса, первого, кому пришлось начинать преподавание логики, которая — к позору советской философии — совсем не преподавалась. Выше было уже сказано о Сталине, семинаристе в юные годы и четком докладчике-пропагандисте в годы партийного руководства огромной страной, когда множество «образованцев» на бесчисленных совещаниях и конференциях отнюдь не демонстрировали элементарной ясности и четкости в своих выступлениях, — что и фиксировал присутствующий Сталин. Имеются сведения, что В.М. Молотов, по-видимому, еще в последние предвоенные годы, пригласил Асмуса в Совет Министров, где он докладывал о задачах и смысле логики. Еще в 1941 году было принято решение «Партии и Правительства» о введении преподавания логики и психологии не только в вузах, но и в школах.

руководство для преподавателей. М.: Гос. Изд-во, 1924. (Пособие было переиздано в 1925 году.) См. также более позднюю работу: *Трахтенберг О.В.* Развитие материализма и его борьба против идеализма в период первых буржуазных революций (конец XVI — начало XVIII века) / Лекции, прочитанные на философском факультете. М.: Изд-во Московского университета, 1956.

⁴¹ См.: *Трахтенберг О.В.* Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М.: Госполитиздат, 1957.

Сын служащего из давно обрусевших немцев (и русской матери), Асмус одновременно с Дынником учились в Киевском университете на отделении философии и русской словесности. В.Ф. весьма почитал своих учителей — А.Н. Гилярова и В.В. Зеньковского (эмигрировавшего за рубеж). Окончив университет в 1919 году, В.Ф. четко выявил свою философскую ментальность, когда в августе 1919 года войска Деникина на короткое время заняли Киев, и местные интеллигенты стали публиковать газету «Жизнь», в которой он опубликовал статью «О великом пленении русской культуры». Здесь автор трактовал метафизической по сути и догматической по методу марксистскую теорию экономического материализма, приобретшего «все черты своеобразной религиозной догмы». Еженедельник этот, к счастью, длительное время пребывал в киевских архивах, и открыт совсем недавно. Если бы это произошло в 1930-1940-е годы, — автору закрыли бы любую возможность литературной философской деятельности.

Торжество марксизма, который должен был трактовать вопросы методологии, позволило молодому автору с его интересами к логике опубликовать в Киеве в 1924 году брошюру «Диалектический материализм и логика»⁴². Как эта, так и последующие работы В.Ф. Асмуса свидетельствовали о четкости его идей, о стремлении показать несостоятельность всякого рода вульгаризаторства. Показательна здесь его полемика (в главном теоретическом журнале — «Под знаменем марксизма» — в 1926–1927 годах) с венгерским коминтерновцем А. Варьяшем⁴³, считавшим себя специалистом по логике, методологии естествознания (один из «механистов»), а также и по истории философии. Поверхностный марксист, упрощенец и социологический вульгаризатор, он пытался вывести из пресловутого «базиса» гносеологические и онтологические идеи великих рационалистов XVII века. В своей рецензии на одну из

⁴² См.: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика: Очерки развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев: Со-рабкоп, 1924.

⁴³ Варьяш Шандор (Александр Игнатьевич) (1885-1939) — венгерско-российский философ, деятель Коминтерна, автор работы «Логика и диалектика» (см.: Варьяш А. Логика и диалектика. М.-Л.: Государственное издательство, 1928).

книг Варьяша и на его ответ Асмус с блеском эрудиции, силой логической аргументации, с тонкостью ироничной стилистики показал несостоятельность «теоретизирования» Варьяша. Эта была квалифицированная полемика В.Ф. Асмуса с одним из «вульгарных механистов», которых резко критиковали и «меньшевистские идеалисты» (до того, когда они по указанию Сталина были «разоблачены» Митиным и Юдиным). Деборин, тогда директор ИКП, пригласил его как профессора для чтения курсов по истории философии. С 1927 по 1938 год — когда этот Институт был закрыт — В.Ф. работал здесь. Его лекции были блестящими по точности языка, славились своей нестандартной лексикой с привлечением эстетических образов.

Хотя Деборин как бы исполнял категорические рекомендации Ленина (опубликованные в статье названного журнала «О значении воинствующего материализма» в 1922 году) организовать «Общество материалистических друзей гегелевской диалектики», — Асмус, напротив, прохладно относился к системе этого умозрительного, многословного и далеко не всегда ясного абсолютного идеалиста. Он исследовал философа значительно более фундаментального и глубокого, каким был Кант. В 1929–1930 годах В.Ф. опубликовал солидную книгу «Диалектика Канта»⁴⁴, а еще чуть раньше вышла его книга «Очерки истории диалектики в новой философии» (Декарт, Спиноза, Фихте и др.)⁴⁵. На эти книги написал рецензию в своем журнале «Путь» (издаваемом в Париже) Н.А. Бердяев, один из главных пассажиров пресловутого корабля. В своей рецензии Бердяев прежде всего констатирует, что «книга Асмуса есть показатель существования философской мысли в Советской России»; отмечает незаурядную историко-философскую эрудицию автора, подмечает, что он явно образовался еще «в старой школе, на старой русской культуре». Вместе с тем умудренный философский «волк» отмечает, что Асмус вынужден наступать на горло своей философской песни, когда касает-

⁴⁴ См.: Асмус В.Ф. Диалектика Канта. М.: Коммунистическая Академия, 1929. (Второе издание вышло в 1930 году.)

⁴⁵ См.: Асмус В.Ф. Очерки истории диалектики в новой философии. М.-Л.: Госиздат, 1929. (Второе издание и этой работы также вышло в 1930 году.)

ся «марксистской религии», и в целом производит впечатление «случайного человека в коммунизме». Бердяев из своего парижского далека выразил тем самым весьма опасную «похвалу». Если о статье В.Ф. в 1919 году «органы» не знали, то о бердяевской «похвале» ОГПУ было, конечно, вполне осведомлено.

В том же 1931 году полным ходом шло бурное разоблачение «меньшевистского идеализма» как философии формалистической и политически вредной, по сути выражающий идеологию троцкизма. В частности, здесь произошел эпизод, весьма показательный для характеристики «философской борьбы» тех лет. К Асмусу подошел участник «дискуссии», политически опытный Е.П. Ситковский (1900–1989), и предложил ему «руку помощи»: «В.Ф., — сказал он, — обвинение в меньшевистском идеализме содержит политический подтекст, он не безопасен, — и я буду Вас защищать». — «А как Вы, Евгений Петрович, думаете меня защищать? — спросил его В.Ф. — Тот отвечает: — А я буду доказывать, что Вы не меньшевистский, а буржуазный идеалист!». В.Ф. отказался от такой «защиты», заметив: «Хотя и не верно, что я меньшевистский идеалист, но уж лучше оставаться им, чем стать “буржуазным идеалистом”» (что полностью лишало бы его возможности писать и читать лекции).

Проработка Асмуса как «меньшевистского идеалиста» (который никогда не состоял ни в какой партии) примерно в то же время происходила и в Академии Коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, где он работал по совместительству, и теперь со скандалом был выдворен оттуда. Группа хулиганствующих слушателей, «оскорбленная» еще и тем, что В.Ф. читал лекции, не снимая с руки обручального кольца, явилась в общежитие ИМЭЛ (он находился за зданием теперешнего музея ИЗО), ворвалась в комнату, где жил их лектор. Хулиганы выдвинули в коридор пианино и стали выбрасывать его вещи. Комендант все же сумел утихомирить «коммунистических воспитанников». Но все же, несмотря на беспартийность, высокая компетентность Асмуса не лишила его работы в ИКП и литературной деятельности. В 1940 году в Институте философии он защитил докторскую диссертацию по эстетике Сократа, Платона

и Аристотеля⁴⁶. В дальнейшем он работал и там, и в Институте мировой литературы. В МИФЛИ его приглашали для чтения небольшого курса логики (тогда я с ним мимолетно познакомится). В 1943 году Асмус в составе небольшой группы авторов, как выше сказано, стал лауреатом Сталинской премии за трехтомник «Истории философии». Избранный в члены-корреспонденты АН на отделении философии и права, он был «забаллотирован» (вместе с Быховским) по распоряжению ЦК ВКП(б). В годы войны Асмус в основном (официально) работал на кафедре логики философского факультета.

В 1954 году глава кафедры Т.И. Ойзерман добился перевода В.Ф. на кафедру истории зарубежной философии (так она стала называться), чему мы были чрезвычайно рады. Его лекции отличались строгостью и точностью мысли, как и незаурядной стилистикой (здесь проявлялся и его эстетический дар, особенно яркий в его публикациях). Авторитет Асмуса-автора, как и Асмуса-учителя, был очень велик как на факультете, так и за его пределами. Работая уже на кафедре, он опубликовал учебник по античной философии⁴⁷, и весьма содержательные брошюры по ее различным фигурам (Платон, Демокрит⁴⁸).

В Валентине Фердинандовиче поражала широта интеллектуальной культуры. С юности он был влюблен в небо, созерцая звезды и планеты. В предвоенные годы В.Ф. обратился с письмом к В.М. Молотову с просьбой приобрести для него за рубежом небольшой телескоп. Тот дал поручение министру внешней торговли — и небольшой телескоп был прислан на дачу в Переделкино, и мы иногда тоже глядели в него. В.Ф. был влюблен и в симфони-

⁴⁶ Диссертация называлась «Эстетика классической Греции». Текст ее опубликован во 2-м томе семитомного собрания сочинений В.Ф. Асмуса, изданном в 2015 году издательством «URSS»: *Асмус В.Ф. Эстетика классической Греции // Асмус В.Ф. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Античная философия и эстетика. М.: ЛЕНАНД, 2015.*

⁴⁷ См.: *Асмус В.Ф. Античная философия: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и исправл. М.: Высшая школа, 1976. Учебник неоднократно переиздавался.*

⁴⁸ См.: *Асмус В.Ф. Платон. (Серия «Мыслители прошлого»).* М.: Мысль, 1975; *Асмус В.Ф. Демокрит. М.: Издательство Московского университета, 1960.*

ческую музыку (будучи и сам незаурядным пианистом), нередко говорил нам об огромном наслаждении, которое она доставляет внимательному слушателю.

Другая грань интеллектуальных интересов В.Ф. — эстетическая теория. Кроме античной, весьма значительны труды Асмуса по немецкой эстетике XVIII–XIX вв.⁴⁹, как и по русской тематике («Мировоззрение Л.Н. Толстого», «Круг идей Лермонтова» и др.⁵⁰). Его имя было широко известно в литературных кругах. В.Ф. впервые увидел большой литературный талант А.Т. Твардовского («Страна Муравия»), который его благодарил с большой искренностью. Поэты посвящали ему прочувственные стихи (В.Ф. преподавал эстетику и в Литинституте имени М. Горького).

Но особое место в жизни В.Ф. Асмуса занимает его дружба с великим поэтом и замечательным переводчиком классических произведений Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890–1960). И здесь нужно рассказать о значительном эпизоде из жизни и самого Асмуса и, можно сказать, философского факультета МГУ.

Поэт долго работал над своим единственным романом «Доктор Живаго», но получилось так, что он был издан в Италии, что нарушало законы советской цензуры. В России его почти никто не читал, но недруги Бориса Леонидовича («официальный» поэт Сурков и др.), у которого с партийным начальством, начиная с самого Сталина, сложились более чем неблагоприятные отношения, внушили малограмотному Хрущеву, что «Доктор Живаго», сюжет которого разворачивается во времена революции и гражданской войны, да и к тому же изданный в Италии, — роман совершенно антисоветский. Между тем Шведская академия наук присудила автору Нобелевскую премию. Началась злобная травля Пастернака, его исключили из Союза писателей России. В.Ф. был крайне возмущен таким позорным предательством, но отношений с Б.Л. не прекращал. В такой ситуации поэт умер в 1960 году, и на

⁴⁹ См.: *Асмус В.Ф.* Немецкая эстетика XVIII века. М.: Искусство, 1962; работа переиздана в 2004 году: *Асмус В.Ф.* Немецкая эстетика XVIII века. Издание 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

⁵⁰ Эти работы см. в первом томе двухтомника: *Асмус В.Ф.* Избранные философские труды. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1969.

его похоронах собралось множество почитателей его огромного таланта. Присутствующий здесь Асмус выступил с надгробной речью. Вопреки официальным проклятиям покойному как предателю своей страны, его друг, прекрасно знавший его творчество и высоко ценивший его поэзию, развивал идею о том, что конфликт покойного не был конфликтом только с нашей эпохой, за что его многие осуждали и травили. Это был, говорил его друг, конфликт большого художника, — по сути, со всеми эпохами. Такая квалификация творчества Пастернака возмутила многих начальствующих эпигонов, не читавших самого романа, но слепо верных «линии партии».

По сигналу академика Ф. Константинова собрался президиум факультетского совета для морально-идеологического порицания профессора Асмуса. Члены совета яростно утверждали, что писатели, интеллигенция, да и «советский народ» дружно поносят позорное поведение Пастернака, а известный профессор в своей речи изобразил его творчество только как «конфликт со всеми эпохами». Декан факультета В.С. Молодцов вел заседание довольно тихо, но такие члены совета, как М.Т. Иовчук, И.Я. Щипанов, Д.И. Чесноков, Г.С. Васецкий, А.Д. Косичев (я тоже присутствовал, хотя и не был членом совета) и другие стремились доказать, что Асмус идет «против течения», поскольку «партия» указала в отношении Пастернака единственно правильное направление, в соответствии с которым преподаватели факультета и должны трактовать его поведение в педагогической деятельности на факультете. В.Ф. трижды выступал. Не оправдываясь, он подчеркивал, что в иной ситуации он сказал бы о покойном, которого он знал давно и хорошо, и в каком-то ином контексте. Однако нельзя же забывать, добавил В.Ф., что ведь он «стоял на краю могилы и не мог же туда плюнуть», а говорил в соответствии с такой печальной ситуацией. При этом, иронизируя, прорабатываемый заметил, что члены совета, по-видимому, хорошо знакомы с содержанием «Доктора Живаго», а он роман не читал (это было более чем небезопасно). Конечно никто из членов совета не держал в руках не только стихи большого поэта, но и тем более «Доктора Живаго», — за исключением Т.И. Ойзермана, который, подгото-

вившись, стал читать отдельные стихи поэта, и заключил, что Пастернак всегда был антисоветчиком, — и совершенно не обязательно читать «Доктора Живаго», — это и так очевидно!

Заседание совета закончилось порицанием профессора Асмуса. Мне он уже в коридоре сказал: «Придется мне уйти с факультета (в сектор эстетики Института мировой литературы, где он работал по совместительству). Меня столько раз прорабатывали, били, а теперь могут и сократить». Но на этот раз судьба для В.Ф. оказалась более чем благоприятной. Ф. Константинов пошел к главному идеологу, секретарю ЦК М.А. Сулову (а такие отчеты в «самых верхах» были регулярны) и среди прочего сказал, что они выводят Асмуса из редколлегии «Философской Энциклопедии» за его речь на похоронах Пастернака. Сулов имел более полную информацию о ситуации на похоронах, которая без этой речи могла бы быть значительно хуже (множество молодежи, там присутствующей, с криками и слезами прославляли покойного). Главный идеолог запретил акцию Константинова и других эпигонов, — так что Асмуса больше никто не трогал, и все старались при встрече с ним выразить максимальное почтение.

Возвращаясь к годам работы В.Ф. в ИКП, следует отметить, что она в общем была более спокойной и продуктивной. Наряду с Дебориным, его сотрудниками Каревым и Стэнном (пока их не арестовали и не расстреляли), некоторыми другими преподавателями. В частности, здесь действовал Иван Капитонович Луппол (1896–1943), образованный историк, философ и литератор, академик и директор Института мировой литературы (делал основной доклад в 1937 году в столетнюю годовщину смерти Пушкина), первым опубликовал солидную книгу «Ленин и философия»⁵¹. Увы, это его не спасло. В 1940 году Луппол женился на вдове сына М. Горького. Говорили, что Сталин расценил женитьбу Луппола как слишком большую честь сближения с Горьким и репрессировал его в 1940 году, — в ссылке тот и умер.

В 1933 году, когда партийная пресса широко отмечала 50-летие смерти К. Маркса, Асмус опубликовал солидную монографию

⁵¹ См.: *Луппол И.К.* Ленин и философия. 2-е изд. М.: Госиздат, 1929.

«Маркс и буржуазный историзм»⁵², — единственное в тот год широкое панорамное историко-философское исследование — от Бэкона, Веруламского, немецкого классического идеализма и буржуазного исторического историзма XVIII–XIX вв. В фокусе всего повествования стояло учение исторического материализма Маркса. В целом книга В.Ф. Асмуса, в сущности, являла пример, так сказать, возвращения идеологии в философию. Но не для всех партийных эпигонов такое было приемлемо. М. Митин, «победитель» меньшевистствующего идеализма, выступил в «Правде» с рецензией, в которой «уличал» автора... в забвении «основного вопроса философии».

Тем не менее и в кругах марксистствующих эпигонов Асмус был весьма авторитетен. Они неоднократно обращались к нему по особо трудным и неясным для них философским вопросам, в сущности ощущая перед ним комплекс неполноценности, хотя все же стремились не допускать его к преподаванию истории философии как наиболее «партийной». Его деятельность в качестве преподавателя логики и автора ряда учебных и других трудов по этой «беспартийной» дисциплине начальство не только терпело, но даже и поощряло. Ведь было хорошо известно, что инициатива здесь исходила с самых «верхов». В 1947 году Асмус опубликовал фундаментальный учебник по традиционной, формальной логике, а затем последовали менее объемные книги по более частным вопросам («Учение логики о доказательстве и опровержении» и др.)⁵³. В.Ф. очень сокрушался, что его возраст не позволяет основательно освоить математическую, символическую логику. Вместе с тем нам он внушал, что для историка философии традиционная логика, возникшая в Античности, совершенно необходима для точного и углубленного понимания историко-философской проблематики.

Безупречный интеллигент, В.Ф. был отличным, внимательным руководителем, как и консультантом по различным вопросам и

⁵² См.: *Асмус В.Ф.* Маркс и буржуазный историзм. М.-Л.: Соцэкгиз, 1933.

⁵³ См.: *Асмус В.Ф.* Логика. М.: Политиздат, 1947; *Асмус В.Ф.* Учение логики о доказательстве и опровержении. М.: Политиздат, 1954.

фигурам философии. У него осталось много почитателей, что в частности проявилось на его похоронах в самом начале июня 1975 года. В.Ф. был религиозным человеком, — и естественно, что семейство пригласило священника для свершения службы и соответственных похорон, что тогда было не вполне безопасно. У церкви (в Переделкино), куда прибыл после закрытого отпевания на даче священник, собралось множество учеников и почитателей покойного. Некоторые из них все же при виде священника повернулись и стали удаляться к станции. Но я организовал «светское» прощание, сказал слово о большой, исключительно содержательной жизни покойного в различных разделах нашей трудной науки, о выдающемся педагоге. За мной выступил декан факультета Серафим Тимофеевич Мелюхин (1927–2004), и закончил С.М. Макашин, редактор «Литературной летописи», с которой много лет сотрудничал покойный. Священник с его сыном Валентином, его женой Инной под пение псалмов двинулись к могиле, мы с Мелюхиным пошли за ними и участвовали при погребении по русской православной традиции. На следующий день по требованию парткома МГУ мы с Мелюхиным писали объяснительный документ по поводу столь «позорного» события.

Асмус был последним профессором нашей кафедры (да и факультета) досоветского образования. Теперь педагогическая и научная работа ложилась на нас, философов советской выучки. Из «молодых» самым старшим был Юрий Константинович Мельвиль (1912–1993), родившийся в дворянской семье. Социальное происхождение позволило ему закончить лишь Плановый институт в довоенном Ленинграде, а он мечтал о философии. Лишь став членом КПСС в армии, он смог в 1945 году поступить в аспирантуру философского факультета по нашей кафедре, где в 1948 году под руководством В.Ф. Асмуса защитил кандидатскую диссертацию об английском прагматисте Шиллере⁵⁴. Вместо М.А. Дынника Ю.К. стал читать и постепенно расширять курсы истории совре-

⁵⁴ Кандидатская диссертация Ю.К. Мельвиля о Фердинанде Шиллере (1864–1937) называлась «Английский прагматизм — философия воинствующей империалистической реакции. “Гуманизм Ф.К.С. Шиллера”» (1948).

менной западной философии. Совершил две командировки в США, где проводил собеседования с местными философами. В 1964 году защитил на степень доктора фундаментальную монографию «Чарльз Пирс и прагматизм»⁵⁵. В 1968 году, после перехода Т.И. Ойзермана в Институт философии, Ю.К. был назначен заведующим нашей кафедры, которой руководил до 1985 года. Был очень тщателен, педантичен в руководстве многими аспирантами, готовя их к кандидатским защитами. Внимательно читал и выступал при обсуждении *всех* диссертаций, подготовленных под руководством других членов кафедры. Добился образцовой дисциплины в работе преподавателей и аспирантов кафедры. Министерством высшего образования наша кафедра истории зарубежной философии была определена как ведущая историко-философская кафедра университетов СССР.

Весьма активным преподавателем и профессором кафедры истории зарубежной философии был Игорь Сергеевич Нарский (1920–1993). Он специализировался главным образом по истории новоевропейской домарксистской и по некоторым темам новейшей западной философии. Как член редколлегии большой серии изданий классиков «Философское наследие зная польский язык, издал несколько томов произведений польских философов (вступительная статья, редактирование текстов и комментарии)⁵⁶. В этой же серии издал произведения Юма, Беркли, Локка, Лейбница, третий том «Антологии мировой философии». Издал три тома учебных пособий для философских факультетов (от Бэкона до Фейербаха)⁵⁷. В журналах «Вопросы философии», «Философские науки» и в других изданиях опубликовал множество статей. Многочис-

⁵⁵ В 1968 году работа была издана в виде монографии: *Мельвиль Ю.К.* Чарльз Пирс и прагматизм. (У истоков американской буржуазной философии XX века). М.: Издательство Московского университета, 1968.

⁵⁶ См.: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: В 3 т. / Вступит.ст. И.С. Миллер, подг.текста и примеч. И.С. Миллер; вступит.ст. И.С. Нарский; подг.текста и примеч. И.С. Нарский. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956.

⁵⁷ См.: *Нарский И.С.* Западно-европейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974; *Нарский И.С.* Западно-европейская философия XVIII века. М.: Высшая школа, 1973; *Нарский И.С.* Западно-европейская философия XIX века. М.: Высшая школа, 1976.

ленность изданий философских работ в те годы рассматривалась как важнейший критерий прохождения в члены АН СССР. Игорь Сергеевич не раз претендовал на избрание туда членом-корреспондентом. В 1970 году он снова подал в Отделение философии и права (где его очень поддерживали Митин и Иовчук) документы и стал одним из претендентов (кажется, из трех) на обсуждение и голосование (положительный результат утверждается на общем собрании АН СССР). Но кто-то из членов Отделения сказал ему, что у них распушен слух, будто он еврей. Возмущенный Игорь Сергеевич обратился к Президенту Академии М.В. Келдышу с протестом против таких слухов (в подробностях изложил свою биографию, опровергающую столь подлый слух) и просил передать этот протест в Отделение философии и права, что тот и сделал. Но в Отделении произошел большой скандал, и Нарский был отвергнут без обсуждения. Когда мы узнали об этом на кафедре, мудрый Валентин Фердинандович сказал ему: «Игорь Сергеевич, ну разве можно протестовать против слухов!». Расстроенный Нарский покинул нашу кафедру, перейдя в АОН, хотя именно мы выдвинули его в члены-корреспонденты АН.

К более молодому поколению преподавателей кафедры истории зарубежной философии принадлежал Алексей Сергеевич Богомолов (1927–1983), «опоздавший» к призыву в армию во время войны, призванный в авиацию сразу после ее окончания. Однако здесь он заболел тяжелым диабетом, был комиссован и поступил на философский факультет. По окончании факультета и аспирантуры нашей кафедры он стал активнейшим лектором, руководителем семинаров и аспирантов. Вместе с Ю.К. Мельвилем (его научным руководителем) они основательно в течение двух семестров вели занятия по «буржуазной» европейской и американской философии XIX–XX вв. Были опубликованы основательные курсы лекций по этим эпохам и проблемам⁵⁸. Отпала теперь необходимость и в «осужденном» III-ем томе, полностью отказались мы и от лег-

⁵⁸ См.: *Богомолов А.С., Мельвиль Ю.К.* Основные течения современной буржуазной философии. В 3-х вып. М.: Высшая школа, 1969–1970; *Богомолов А.С., Мельвиль Ю.К., Нарский И.С.* Современная буржуазная философия. М.: Изд-во Московского университета, 1972.

ковесных курсов М.А. Дынника. А.С. Богомолов в 1964 году защитил оригинальную докторскую диссертацию «Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков» (по одноименной монографии)⁵⁹. Как и другие работы автора, она была выполнена на основе марксистской методологии, ибо иная была в те, как и в последующие годы, для нас противопоказана, невозможна в условиях сугубого догматизма и партийной бдительности.

Освоив новейшую «буржуазную философию», Алексей Сергеевич повернулся на 180°, ознакомился с греческим языком и углубился в античную философию, опубликовав несколько работ. Итогом этих его занятий стал основательный курс «Античная философия» (1985)⁶⁰. Твердый характер и административные способности (одно время он работал заместителем декана факультета) стали основанием для Ректора университета Рема Викторовича Хохлова (1926–1977) выдвинуть его на пост декана факультета (после окончания срока деканства М.Ф. Овсянникова в 1974 году). Однако консервативное большинство Совета (в основном ведущие кафедры), по-видимому, опасаясь усиления требовательности, провалило эту кандидатуру. Но и при положительном голосовании Богомолову было бы весьма трудно работать с его тяжелым диабетом (два укола ежедневно).

Однажды на ранней лекции ему стало плохо, он просил студентов подождать и пошел в туалет для укола. При подходе к нему он упал, сломал ногу, был отвезен в госпиталь, где ногу отняли, но через несколько дней А.С. умер от сердечной недостаточности. Мы с горестью хоронили его, и я сказал речь (еще на факультете) об этом незаурядном ученом и человеке.

Годом старше А.С. Богомолова был Арсений Николаевич Чаньшев (1926–2005). Сын архиепископа Смоленского и Вяземского Тихона Николаевича Никитина (в церковном сане Модеста), арестованного и расстрелянного в 1937 году, он скрывал этот факт, приняв фамилию матери. Окончил философский факультет

⁵⁹ См.: *Богомолов А.С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков*. М.: Издательство Московского университета, 1962.

⁶⁰ См.: *Богомолов А.С. Античная философия*. М.: Издательство Московского университета, 1985.

и аспирантуру нашей кафедры в 1955 году, защитив в 1956 году кандидатскую диссертацию по американскому протестантизму⁶¹. Последовательно работал как ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. Отличался прямоотой и резкостью характера. Как автор основательно осмысливал проблему возникновения философии в Античности и в Древности в целом. Наиболее интересны в этих областях его книги: «Эгейская предфилософия», «Италийская философия», «Начало философии»⁶². А.Н. издал и курсы лекций по античной философии. Наиболее фундаментальным учебным пособием Чанышева стала книга «Философия древнего мира» (1999)⁶³, в которой «по ходу Солнца» изложены философские идеи и учения китайской, индийской, античной «протофилософии», — и собственно философии до ее завершения неоплатонизмом. Учебного пособия, охватывающего все страны и сюжеты древности, написанного одним автором, на русском языке, кроме этой, нет. А.Н. Чанышев содержательно разрабатывал и максимально абстрактную философскую проблематику. Наиболее интересен здесь «Трактат о небытии»⁶⁴.

Арсений Николаевич был и незаурядным поэтом по философско-мировоззренческим, морально-этическим, сатирическим сюжетам. Он стал членом Союза писателей. Как поэт, нередко писавший «в стол», выдавал и свои политические воззрения. Например:

Кто знал, когда тифозных вшей давили,
И собирали Русь под красный флаг,
Что строим пьедестал для Джугашвили,
А для себя архипелаг Гулаг.

⁶¹ Тема диссертации — «Сущность американского протестантизма (на примере Рейнгольда Нибура)».

⁶² См.: *Чанышев А.Н.* Эгейская предфилософия. М.: Издательство Московского университета, 1970; *Чанышев А.Н.* Италийская философия. М.: Издательство Московского университета, 1975; *Чанышев А.Н.* Начало философии. М.: Издательство Московского университета, 1982.

⁶³ См.: *Чанышев А.Н.* Философия древнего мира: Учебник для студентов выш. М.: Высшая школа, 1999 (переиздания — 2001, 2003).

⁶⁴ См.: *Чанышев А.Н.* Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10.

Сокурсник А.С. Богомолова — Виталий Николаевич Кузнецов (1932–2011), закончивший факультет в 1955 году, но учившийся в аспирантуре кафедры философии Московского областного пединститута, защищал кандидатскую диссертацию о Вольтере на нашей кафедре⁶⁵, короткое время работал в Институте философии, и с 1960 года стал членом нашей кафедры, на которой оставался до смерти (2011). Основным содержанием его исследовательских интересов была философия французского Просвещения XVIII века, — в особенности материализма этой эпохи⁶⁶. Один год стажировался во Франции (в Сорбонне). Писал работы разного объема и по другим французским философам XX века. Докторскую диссертацию «Экзистенциализм Жана-Поля Сартра» В.Н. защитил в 1973 году⁶⁷. В принципе он последовательно придерживался марксистско-ленинской методологии. Философскую оригинальность формулировал с помощью собственных терминов: «фиксизм» — в отношении метафизики в трактовке Энгельса; «панэдукационизм» — в отношении морально-социальной концепции Гельвеция и др. Последняя книга В.Н. Кузнецова «Туманные вершины мировой философии. От Платона до Делёза»⁶⁸ в четырех главах содержит разбросанный обзор имен и идей множества философов (далеко не только тех, которые фигурируют в заголовке всей книги). Немалое место здесь занимают высказывания и формулы Маркса, Энгельса, Ленина. Попытка прояснить «туманность» Платона, Плотина, Юма и Делёза (как и ряда философов между ними), пожалуй, только усилила ее.

Сокурсником Богомолова и Кузнецова был Анюр Мусеевич Каримский (1932-1993). По окончании философского факультета и аспирантуры нашей кафедры он работал в Международном от-

⁶⁵ Тема диссертации — «Мировоззрение Вольтера».

⁶⁶ См.: *Кузнецов В.Н.* Французский материализм XVIII века. М.: Мысль, 1981; *Кузнецов В.Н.* Французская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1970.

⁶⁷ Защите докторской диссертации предшествовал выход в свет монографии: *Кузнецов В.Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.: Изд-во Московского университета, 1969.

⁶⁸ См.: *Кузнецов В.Н.* Туманные вершины мировой философии. От Платона до Делеза. М.: Изд-во Московского университета, 2001.

деле ЦК профсоюза высшей школы и научных учреждений. Уволившись оттуда, Каримский стал сотрудником нашей кафедры — от ассистента до профессора. Его вкладом в научно-педагогическую деятельность кафедры стало исследование американской философии, в которой он выявил и осмыслил натуралистическое направление как специфическую особенность американского духа в его философской ментальности⁶⁹. Писал он и по вопросам религиоведения в его гуманистическом аспекте. Новой в нашей философской монографической литературе стала его книга «Революция 1776 г. и становление американской философии» (1976)⁷⁰. Очень ясна и содержательна монография А.М. Каримского «Философия истории Гегеля» (1988)⁷¹ — его докторская диссертация — одно из лучших исследований по столь важной проблематике в нашей историко-философской литературе. Умер Аннор Мусеевич от рака в 1993 году.

Доцентом, а затем профессором нашей кафедры работал и Михаил Федотович Овсянников (1915–1987), о котором я писал в начале этих воспоминаний. Первый период этой работы, начавшейся с защиты в 1943 году кандидатской диссертации «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака», — а оппонентом был сам Дьёрдь Лукач — продолжался на кафедре истории западноевропейской философии, когда еще был жив Б.С. Чернышев, и частично на кафедре диамата-истмата, возглавляемой Белецким. Михаил Федотович был образцом внимательного и доброжелательного педагога в отношении и студентов и аспирантов. Вместе с тем наша с ним критическая позиция к «теориям» Белецкого привела в результате происков последнего к удалению его с факультета (1947) и вынужденному переходу на

⁶⁹ См. следующие монографии: *Каримский А.М.* Философия американского натурализма. М.: Изд-во Московского университета, 1972; *Каримский А.М.* Проблема гуманизма в современной американской философии. М.: Изд-во Московского университета, 1978.

⁷⁰ См.: *Каримский А.М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М.: Мысль, 1976.

⁷¹ См.: *Каримский А.М.* Философия истории Гегеля. М.: Издательство Московского университета, 1988.

кафедру философии в Московский областной пединститут. После моего возвращения на факультет из КНДР по договоренности с заведующим нашей кафедрой Т.И. Ойзерманом и деканом факультета В.С. Молодцовым (Белецкого на факультете уже не было) Михаила Федотовича вернули в 1955 году на факультет, на нашу кафедру, где он работал с полной отдачей, достигнув немалого авторитета в кругах студентов и аспирантов. Здесь состоялась и его защита докторской диссертации на основе монографии «Философия Гегеля» (1959)⁷². Филолога по образованию, М.Ф. Овсянникова более всего все же привлекала эстетическая проблематика, о чем свидетельствует уже его оригинальная кандидатская диссертация. Ориентируясь на это важнейшее обстоятельство руководство факультета и университета учредило кафедру эстетики во главе с ним. Такая кафедра появилась впервые в истории Московского университета.

Самым молодым членом нашей кафедры в советский период стал Александр Феодосиевич Грязнов (1948–2001). Окончив факультет с красным дипломом в 1971 году, он, минуя аспирантуру, был зачислен ассистентом кафедры, вел педагогическую работу, готовя одновременно кандидатскую диссертацию, которую защитил по философии Шотландской школы (одноименная монография опубликована в 1979 году⁷³), до того совсем не исследованной в русской историко-философской литературе. А.Ф., великолепно знавший английский язык, ездил как стажер в Великобританию, а впоследствии и в Соединенные Штаты. Уделяя значительное внимание классической философии (в основном англоязычной), А. Грязнов особо значительные исследования посвятил философской проблематике языка. Главным его исследованием в этой проблематике стала его докторская диссертация «Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства» (1990)⁷⁴. Совсем

⁷² См.: *Овсянников М.Ф.* Философия Гегеля. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

⁷³ См.: *Грязнов А.Ф.* Философия Шотландской школы. М.: Издательство Московского университета, 1979.

⁷⁴ См. работы: *Грязнов А.Ф.* Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. Критический анализ. М.: Изд-во Московского университета, 1985; *Гряз-*

недолго (около двух-трех лет) А. Грязнов проработал заместителем декана факультета (им был тогда доцент А.В. Панин), но здоровье (больные почки) не позволили ему продолжить и эту деятельность. Он умер безвременно, на 53-ем году жизни, в 2001 году.

Выше я упоминал двух профессоров философского факультета, Алексея Федоровича Лосева и Павла Сергеевича Попова, с которыми я впервые встретился на факультете по возвращении из госпиталя. Оба они формально не принадлежали к кафедре истории философии, ибо из ведомства Александрова были присланы для преподавания логики и как бы образовали секцию на кафедре диамата-истмата, которой стал заведовать З.Я. Белецкий. Я, ставший уже аспирантом, был огорчен, когда А.Ф. был удален с факультета в 1944 году на кафедру классической филологии Пединститута имени Ленина. В дальнейшем, не встречаясь с Лосевым, я стал осведомлен о некоторых фактах его жизни и значительных его трудах. Через год после возвращения из КНДР я с радостью прочитал в «Литературной газете» рецензию Александра Ивановича Белецкого (1884–1961), украинского академика, на работу А.Ф. о древнегреческой мифологии, опубликованной в трудах Душанбинского педагогического института. Теперь (он умер в 1988 году) уже много лет его имя и множество фундаментальных трудов широко известны в России (и за границей), и я коснусь их содержания лишь в контексте моих воспоминаний.

Меня ввел к нему М.Ф. Овсянников, достаточно близко сошедшийся с ним в 1943-1944 годах еще на факультете. Потом я, проживая в Загорянке, посетил их в 1956 году в соседней Валентиновке, где он вместе с супругой Азой Алибековной Тахо-Годи снимали дачу. Состоялось довольно тесное знакомство, когда я рассказал ему, что представляет теперь факультет, с которого его когда-то удалили. В частности, и о Павле Сергеевиче Попове. Они в 1915 году окончили историко-филологический факультет Московского университета по отделению философии и классической

нов А.Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства М.: Издательство Московского университета, 1991 (переиздание: *Грязнов А.Ф. Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства.* М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009).

филологии. Говоря о Попове, я убедился, как не жалуется и даже ненавидит А.Ф. своего бывшего сокурсника. Он и сам мне рассказал о своем отношении к П.С. Как ученый и автор, опубликовавший многие солидные труды, он видел во главе будущей кафедры логики именно себя. Между тем его удалили с факультета, а Попов сумел ужиться с Белецким и получить кафедру логики, когда она образовалась (1947). Как он представлял логику, коснусь в дальнейшем.

В 1958 году я опубликовал в «Вопросах философии» рецензию на большую монографию А.Ф. Лосева «Античная мифология в ее историческом развитии»⁷⁵. Это была вторая (после рецензии А.И. Белецкого) рецензия на этот труд, после освобождения из лагеря ОГПУ и снятия судимости в 1932–1933 годах. Теперь ему открывались все большие возможности не только писать, но и публиковаться. Мы с М.Ф. Овсянниковым стали его ежегодно посещать на даче А.Г. Спиркина, где они проживали летом, почти до самой его смерти (я не раз навещался и в их квартиру на Арбате). Для нас он был весьма интересен не только как мировой специалист по античной культуре и философии, но и как свидетель философской и филологической жизни с дореволюционных времен и многих лет советской жизни, которую мы представляли только ретроспективно. Не чурались мы и политической современности. Так, при разговоре о политико-экономических благоглупостях Хрущева, А.Ф. заметил: «Ну что ж, Мировой Дух знает, каким дураком ударить по истории!». В своих посещениях мы с удивлением непосредственно наблюдали, как А.Ф. — тогда уже более чем семидесятилетний автор — писал (диктовал), демонстрируя сверхчеловеческую работоспособность. В данном случае я имею в виду его «Историю античной эстетики», шесть томов которой мы получили (начиная с 1964 года) с авторскими надписями. По сути, этот капитальный труд, каждый том которого составляет по несколько сотен страниц, представляет всю

⁷⁵ См.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. Рецензия В.В. Соколова опубликована в № 10 «Вопросов философии» за 1958 год.

многовековую древнегреческую (и древнеримскую) философию на фоне античной культуры. Эта серия насчитывает десять огромных опусов⁷⁶ (с посмертными их изданиями).

Для перехода к краткой характеристике философской ментальности Алексея Федоровича приведу один личный эпизод. Я тоже осмелился подарить ему в 1984 году свою книгу о западноевропейской философской классике эпохи Возрождения и XVII века⁷⁷. К тому времени я полностью убедился, что невозможно излагать эти сюжеты, не анализируя в антропологических, гносеологических, моральных и социальных аспектах проблему Бога в ее возникновении и развитии до монотеистической и вероисповедной стадии. А.Ф. похвалил меня, но многозначительно добавил: «Вот ты, Вася, можешь теперь рассуждать и даже анализировать проблему Бога, а вот я, коснись в 1920-е годы публично этой проблемы, как меня одернут: “А зачем ты нас в церковь-то зовешь?”».

За таким воспоминанием скрывалась его жизнь в 1920-1930-е годы. Он, уже тогда с ослабленным зрением, опубликовал восемь основательных книг, наиболее значительными из которых, по моему мнению, были «Античный космос и современная наука» (1927); «Музыка как предмет логики» (1927); «Философия имени» (1927); «Диалектика художественной формы» (1927); «Диалектика числа у Плотина» (пер. и комментарии трактата «О числах»

⁷⁶ См.: **Том 1:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963; **Том 2:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969; **Том 3:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974; **Том 4:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975; **Том 5:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979; **Том 6:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980; **Том 7:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. В 2-х книгах. М.: Искусство, 1988; **Том 8:** *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития В 2-х книгах. М.: Искусство, 1992-1994. (Всего 8 томов — как бы «второе восьмикнижие» — составляющих 10 книг; к томам «Истории античной эстетики» примыкают две отдельные работы: *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика I-II вв.н.э. М.: Изд-во Московского университета, 1979; *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982.)

⁷⁷ См.: *Соколов В.В.* Европейская философия XV-XVII веков: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1984.

(1928), «Критика платонизма у Аристотеля» (1929); «Очерки античного символизма и мифологии» (1930); «Диалектика мифа» (1930)⁷⁸. Важнейшей философской платформой этого знаменитого «восьмикнижия» — как и, в сущности, всех других работ этого (и не только) периода, — был платонизм и неоплатонизм, которые автор знал досконально. Однако, по его собственному признанию, эйдетические формулы платонизма он стремился сочетать с гегелевской панлогической диалектикой и феноменологией Гуссерля. Все эти труднейшие доктрины автор сочетал также с религиозно-теологическим направлением имяславия (Бог есть имя, слово — его учителем здесь был о. Павел Флоренский)⁷⁹. Это направление было враждебно официальной русской православной церкви (пат-

⁷⁸ См.: 1) *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука. Москва, издание автора, 1927; 2) *Лосев А.Ф.* Музыка как предмет логики. Москва, издание автора, 1927 (переиздание см.: *Лосев А.Ф.* Музыка как предмет логики. М.: Академический Проект, 2012); 3) *Лосев А.Ф.* Философия имени. Москва, издание автора, 1927 (переиздания см.: *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Московского университета, 1990; *Лосев А.Ф.* Философия имени. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016); 4) *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы. Москва, издание автора, 1927 (переиздание см.: *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы. М.: Академический Проект, 2010); 5) *Лосев А.Ф.* Диалектика числа у Плотина. (Перевод и комментарий трактата Плотина «О числах»). Москва, издание автора, 1928 (переиздание см.: *Лосев А.Ф.* Диалектика числа у Плотина. (Перевод и комментарий трактата Плотина «О числах») // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи, общ.ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994; 6) *Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля: Перевод и комментарии XIII-й и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля. Москва, издание автора, 1927 (переиздания см.: *Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля: Перевод и комментарии XIII-й и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля. М.: Академический Проект, 2011; а также в упомянутом сборнике работ А.Ф. Лосева «Миф. Число. Сущность»); 7) *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. Москва, издание автора, 1930 (переиздания см.: *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993; также: М.: Академический Проект, 2013); 8) *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Москва, издание автора, 1930 (переиздания см.: *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001; также: М.: Академический Проект, 2008).

⁷⁹ О раннем периоде творчества А.Ф. Лосева все в том же издании «Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век. 1. 20–50-е годы» см. две важных статьи: *Гоготшвили Л.А.* Ранний Лосев; *Хоружий С.С.* Арьсгардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева.

риархи Тихон и Сергей) за ее примиренчество с советской властью. Алексей Федорович вместе с супругой Валентиной Михайловной тайно приняли монашеский постриг. Историческая парадигма Лосева в те годы была религиозно-примитивной: история человечества представляет собой постоянную борьбу божественного и сатанинского начал. Последнее и воплощено в марксистско-советских начальниках и в подчиняющемся им простом народе, быдле; первое же воплощено и олицетворено в правильной церкви — непосредственном установлении Бога — и в высокоморальных и просвещенных монахах, его верных послушниках. Эти мысли А.Ф. вписал в свою «Диалектику мифа» без ведома цензуры. ОГПУ, тогда главный карательный орган большевистской партии и государства, сфабриковало дело имяславского движения как антисоветского и контрреволюционного. Он был арестован как его идейный вдохновитель. На XVI съезде ВКП(б) летом 1930 года его «разоблачил» и поносил Л.М. Каганович, секретарь ЦК ВКП(б). По «суду» он был приговорен к десяти годам лагерей и отправлен на Беломорканал. В декабре 1930 года с резкими статьями «О борьбе с природой» А.М. Горький выступил против «реакционера» в «Правде» и «Известиях». А.Ф. было видно, очень был обижен на Горького, и говорил мне с обидой: а сам-то Горький что писал в 1918 году (имея в виду его тогда резкую, разоблачительную критику Ленина и большевиков)! По-видимому, именно из этих статей Горького о деле А.Ф. узнала его юридическая жена Екатерина Павловна Пешкова (которую муж уже давно покинул). Она занимала тогда влиятельный пост председателя Российского Красного Креста. Ей удалось в эти еще «либеральные» (по сравнению с 1937 годом) годы добиться освобождения А.Ф. как «ударника социалистического труда» и его реабилитации.

Философская концептуальность Лосева в 1920-е годы — т.е. в годы его работы над «восьмикнижием» — определялась гегелевской диалектико-метафизической доктриной. Она, правда, была помножена на платоновско-неоплатоническую терминологию — «эйдетический логос», «ноэтическая логика» и др. Не менее важный момент этого терминологического синтеза — имяславская метафизика, согласно которой «даже вселенная есть “имя и

слово”», — читаем мы в «Философии имени». Другой важнейший фактор составляет *мифология*, объявляемая наукой о бытии, а сам миф — личность и т.п.⁸⁰. Как и Гегель, Лосев растворял законы формальной логики в категориях диалектики. Вместе с тем «диалектика — универсальный метод... ему подчинена не только логика, не только экономика и не только история и культура, но и самая дикая магия, ибо она тоже есть момент и логики, и экономики, и истории, и культуры» — приводит эту сверхтотальную формулу диалектики вдова А.Ф. — Аза Алибековна Тахо-Годи — в его биографии «Лосев»⁸¹. Однако, перейдя на позиции марксизма (об этом — см. далее), А.Ф. стремился осмысливать диалектику в его духе, о чем свидетельствует, в частности, его сборник статей «Страсть к диалектике»⁸².

* * *

Когда мы с М. Овсянниковым достаточно близко сблизились с Алексеем Федоровичем, он уже не раз объявлял о своем переходе на позиции марксизма и демонстрировал теперь эту позицию в своих книгах. Такова, к примеру, его весьма содержательная книга «Гомер»⁸³, не перечисляя здесь других, — а ведь в сущности вся многотомная «История античной эстетики» в общем написана с тех же позиций. По-прежнему мы удивлялись сверхработоспособности А.Ф. Она не очень понятна даже в двадцатые годы, когда он писал с явно ослабленным зрением (толстые очки на студенческой фотографии). В лагере его зрение стало близко к полной слепоте, поэтому теперь тексты нужных материалов он

⁸⁰ Об этом см. статью С.С. Аверинцева в «Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век. 1. 20-е — 50-е годы»: *Аверинцев С.С. «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева.*

⁸¹ См.: *Тахо-Годи А.А. Лосев. («Жизнь замечательных людей»)*. М.: Молодая гвардия, 2007.

⁸² См.: *Лосев А.Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа*. М.: Советский писатель, 1990.

⁸³ См.: *Лосев А.Ф. Гомер*. М.: Учпедгиз, 1960 (переиздание см.: *Лосев А.Ф. Гомер. («Жизнь замечательных людей»)*. М.: Молодая гвардия, 2006).

слушал от секретарей, аспирантов, продумывал их и диктовал стенографисткам.

Немаловажным признаком марксистского духа А.Ф. стала и его энергичная критика буржуазной философии. Таково, например, его послесловие к книге Хюбшера «Мыслители нашего времени»⁸⁴. Вскоре после ее выхода мы сидели рядом с Валентином Фердинандовичем на Ученом совете факультета. Листая это послесловие, В.Ф. сказал мне: «Ну и откалывает на старости лет! Прямо громиллой стал. Бешеный темперамент. Но он нас всех переживет» (А.Ф., будучи старше Асмуса на год, пережил его на 14 лет).

«История античной эстетики» при всех замечаниях, которые, как и к любой книге, можно сделать, в целом представляет собой выдающийся труд по античной философии и культуре. Не менее — если не более — важным и нужным предприятием стало издание всех диалогов (и писем) Платона. Такие попытки предпринимались и в дореволюционной России. В конце 1920-х годов издание платоновских произведений начали Жебелев, Карсавин и Радлов. Они смогли опубликовать пять выпусков, но власти закрыли возможность их продолжения. Марксистско-ленинское руководство книгоизданий настороженно относилось к публикациям основоположника «поповщины». Начавшаяся перестройка помогла не без труда добиться издания Платона только в трех томах. Дирекцией Института философии, где я уже несколько лет работал по совместительству (поочередно с А.В. Гулыгой), и было поручено в многотомной и авторитетной библиотеке «Философского наследия» курировать и издавать Платона, причем редакции удалось «обойти» предписание министерства, разбив второй том на два полутома, чтобы таким образом поместить все диалоги Платона (и пять его писем вместе с подложными). Руководство издания было поручено А.Ф. Лосеву (к редактированию «Государства» был привлечен и В.Ф. Асмус). Отношение ко вполне реабилитированному и уже много публикующемуся Лосеву («молодому

⁸⁴ См.: *Хюбшер А.* Мыслители нашего времени (62 портрета) / Пер. с нем. И.А. Саца, общ.ред. и послесл. А.Ф. Лосева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962 (переиздание см.: *Хюбшер А.* Мыслители нашего времени. Справочник по философии Запада XX века (62 портрета). М.: ЦТР МГП ВОС, 1994).

марксисту», язвила вдова Б.А. Фохта) у некоторых начальников все же оставалось настороженным. Директор Института Б.С. Украинцев сказал мне, что особо внимательно надо прочитать вступительную статью ко всему изданию (это был 1967 год).

Мы с тогдашним заведующим редакцией истории философии издательства «Мысль» Владиславом Сергеевичем Костюченко внимательно ее прочитали и собрали редакционное заседание. Митин, формально председатель редколлегии библиотеки «Философское наследие», как всегда, отсутствовал. Был только В.Ф. Асмус, который, прочитав статью, только пожал плечами. Но нам с Костюченко необходимо было делать замечания. Так, чуть ли не в самом начале А.Ф. заявил: — Читать Платона по-русски — все равно, что Бетховена исполнять на балалайке! — Следует ли тогда издавать его для широкого круга читателей, — заметил я. — Явно «подстраиваясь» под марксизм, Лосев выдал словосочетание «материалистический идеализм Платона». — Я сказал: «А.Ф.! Ведь получается “деревянное железо” — и к нам сразу прицепятся всякие догматики от марксизма. Не лучше ли сказать “космологический идеализм Платона” — по сути та же мысль, но возражать против нее вряд ли кто сможет». Среди других несурзностей статьи было выражение «эйдос рваного пиджака Ленина». Статью отложили, я ушел, но мне позвонил В.С. Костюченко: «В.В., пришел Гулыга (опоздавший член редколлегии) и стал кричать, что, мол, статья А.Ф. очень хороша и надо ее одобрить». — Я ему позвонил: «Зачем ты приперся, совсем не интересуюсь Платоном?». — Арсений Владимирович отвечает мне, что отвергать статью — значит ставить под угрозу все издание и расстраивать Лосева, который может заболеть и т.д. — Я его заверил в противоположном (он тогда впервые увидел Лосева). Через день-другой мне с обидой позвонила Аза Алибековна, как бы повторив Гулыгу. Мы условились о встрече у них на квартире, — и через два-три дня она там произошла. Мы с Костюченко повторяли свои принципиальные замечания, а Аза Алибековна и Сесиль Яковлевна Шейнман-Топштейн (1923–1992) работали над текстом. Продолжали такую работу два вечера. А.Ф. сидел здесь же, ухмылялся, приговаривая: «Поучите, поучите старика, как писать». Полученный результат читают те-

перь многие читатели. Но вступительная статья — второстепенный, если не третьестепенный элемент этого великолепного издания. Главное — отработанные тексты великого мыслителя (С. Шейнман-Топштейн: «Алексей Федорович. Русский язык позволяет передать оригинал не хуже, чем он звучит по-гречески!»).

Безусловно, вклад самого Лосева во все платоновские диалоги заслуживает высокой похвалы, — ведь совсем не просто понимать скрытую и извилистую суть диалогов Платона! Вступительные очерки А.Ф. к каждому диалогу вдвойне и втройне помогают читателю вникнуть в него. Вместе литературной активностью самого А.Ф. Лосева, да и к тому же вместе с обсуждением его трудов философской и околофилософской братией (среди них стало немало восторженных почитателей), росла известность и авторитет Лосева как последнего философа Серебряного века русской культуры, к тому же пострадавшего от карательных органов и марксистско-ленинских догматиков. Энергией Азы Алибековны (заведовавшей кафедрой классической филологии МГУ) и нашими общими усилиями в 1985 году Лосеву была присуждена Государственная премия. Дом на Арбате, где помещалась его квартира, был преобразен в «Дом Лосева» (за ним, во дворе, возведен его бюст) с библиотекой и небольшим залом, в котором происходят различные философские действия.

* * *

Я же, автор этих воспоминаний, по возвращении из Кореи постепенно входил в учебную и научную деятельность кафедры, будучи из поколения «молодых» (хотя мне шел уже четвертый десяток, старше меня были только Мельвиль, Овсянников и Ойзерман). Вместе с М.Ф. Овсянниковым в 1959 году мы опубликовали учебно-методическое пособие по классической домарксистской философии⁸⁵. Однако наступала необходимость идти к докторской диссертации. После раздумий и советов с Асмусом и Трахтенбергом я остановился на философии Спинозы, которая в аспекте проблемы свободы-необходимости вскользь рассматрива-

⁸⁵ См.: *Овсянников М.Ф., Соколов В.В. История домарксистской философии*. М., 1959.

лась и в моей кандидатской диссертации, но теперь необходимо было рассмотреть ее во всем объеме.

Спинозизм — одна из наиболее сложных и многозначных доктрин в истории классической философии. Исследовательская литература о ней безбрежна (особенно на немецком языке). Немало писали о ней и в России⁸⁶. В советское время две даты жизни Спинозы родили множество статей и брошюр (одну из них с сугубо классовым подходом опубликовал Луначарский⁸⁷): 1927 год — 250-летие смерти философа, 1932 год — трехсотлетие его рождения. Интерес к его учению во многом, если не главным, возбуждался словами Плеханова о философии марксизма как разновидности спинозизма; и будто бы сам Энгельс в беседе с ним подтвердил эту идею. Поскольку марксизм множеством его эпигонов провозглашался вершиной материализма, советские его приверженцы объявляли Спинозу последовательным материалистом (особенно Я. Мильнер в своей книге «Бenedикт Спиноза» (1940)⁸⁸, одобренной в «Правде»).

Читая и перечитывая произведения Спинозы и множество исследований о нем на русском и иностранных языках, я убедился в нелепости трактовки его метафизики (с которой он начинает свое главное произведение, «Этику») как некоей системы материализма. Я систематически трактовал спинозизм как натуралистический пантеизм, рассматривая в принципе все стороны этого учения. Защита диссертации состоялась в 1962 году; наиболее компетентные историки философии — Б. Быховский и В. Асмус — дали ей весьма высокую оценку. В 1964 году объемная монография вышла отдельным изданием под заголовком «Философия Спинозы и современность»⁸⁹. Второе слово,

⁸⁶ См., к примеру: *Челпанов Г.* Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии. Москва, издание автора, 1927.

⁸⁷ См.: *Луначарский А.В.* Спиноза. Барух Спиноза и буржуазия. (Библиотека «Огонек»). М.: Журнально-газетное объединение, 1933.

⁸⁸ См.: *Мильнер Я.* Бенедикт Спиноза. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

⁸⁹ См.: *Соколов В.В.* Философия Спинозы и современность. М.: Изд-во Московского университета, 1964.

обычное для тех советских времен, было навязано издательством — чтобы не создавалось впечатление «ухода в прошлое» и «отрыва от современности»!

Давление марксистско-ленинского догматизма уродовало философское образование, постоянно оттесняя его на уровень идеологии, а от нее к повседневной политике. Конечно, в истории философии такое давление не имело той настойчивости, как в диамате-истмате, и тем более в менее обобщающих дисциплинах. Наряду с историей философии степень независимости от догматизма в принципе была наибольшей в логике, о чем будет речь в дальнейшем; а историю философии можно ведь было изучать и на эмпирическом уровне пересказов различных учений, иногда указывая и цитируя подходящие высказывания «классиков марксизма». Но все же догмы «борьбы материализма и идеализма», «диалектики и метафизики» — как всеобщий методологический знаменатель всех философских учений — снижали интерес к ее творческому потенциалу. В стремлении несколько «подмочить» эти попугайские формулы я опубликовал статью «Партийность и историзм в историко-философской методологии» (в № 4 «Вопросов философии» за 1968 год).

Но главное для качественного преподавания и изучения истории философии заключено, конечно, в создании добротных учебников (а лучше их именовать *учебными пособиями*). Выше мы видели, как такого рода пособия были изданы членами кафедры. Со своей стороны, я тоже издал два таких пособия. Это — «Средневековая философия»⁹⁰ (включавшая и арабоязычную) — первое в советское время систематическое пособие по этой проблематике (небольшая книжка О.В. Трахтенберга⁹¹ по вышеуказанным особенностям не могла играть учебной роли). Продолжением первой книги стала «Европейская философия XV–XVII веков» (1984, с

⁹⁰ См.: *Соколов В.В.* Средневековая философия: Учебное пособие для философских факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1979 (переизданий несколько, из них см., напр.: *Соколов В.В.* Средневековая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001; М.: ЛКИ, 2008).

⁹¹ См.: *Трахтенберг О.В.* Очерки по истории западно-европейской средневековой философии. М.: Госполитиздат, 1957.

тех пор она выдержала еще три пересмотренных издания). Обе эти книги, а также монография «Философия Спинозы и современность» в Совете МГУ получили Ломоносовские премии. В последующие годы членами нашей кафедры были опубликованы и другие учебные пособия, охватившие историю философии вплоть до нашего века.

* * *

Калейдоскоп деканов философского факультета в предвоенные, военные и послевоенные годы, завершился в 1952 году, когда деканом стал Василий Сергеевич Молодцов (1900–1985), возглавлявший факультет (и кафедру диалектического материализма) до 1968 года. Имея пестрое партийное образование и популярные работы по марксистско-ленинской тематике, В.С. отличался устойчивым характером, доброжелательностью и дипломатической жилкой, позволявшей ему гасить в зародыше те или иные противостояния между кафедрами и теми или иными преподавателями. На факультете воцарился «застой», однако не все кафедры одинаково его демонстрировали.

Кафедра истории русской философии, возникающая в значительной мере как результат дискуссий вокруг III тома «Истории философии», возглавлялась сначала М.Т. Иовчуком, а после его отправки в Минск — профессором Иваном Яковлевичем Щипановым (1904–1983). Он, как и другие преподаватели кафедры, окончил философский факультет еще в МИФЛИ. Со временем здесь появились и выпускники философского факультета МГУ. Ущербность теоретического содержания лекций и семинаров этой кафедры заключалась в том, что оно почти исключительно черпалось в произведениях русских революционных демократов (Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, к которым добавлялись Ломоносов, Радищев). Их проработки в отрыве от западноевропейской философии, идеи которой они во многом (некоторые и исключительно) развивали, обедняли курсы и семинары, что приводило к значительному падению авторитета кафедры. Студенты выразили его в иронической форме:

Абсолютная идея завершила полный круг,
Вместо Гегеля — Белецкий,
Вместо Шеллинга — Васецкий,
Вместо Канта — Иовчук!

Внутри кафедры возникли тяжелые конфликты между молодыми преподавателями (особенно Е.Г. Плимак и М.Ф. Карякин) с Щипановым и Иовчуком (после его возвращения на факультет), которых они резко критиковали за догматический примитивизм их преподавания, полное игнорирование теоретически богатого и неоднозначного русского идеализма конца XIX — начала XX вв. (Соловьев, Бердяев и др.). Эти острые и неприятные конфликты выносились на общие партийные собрания факультета. Руководству кафедры удалось изгнать из ее состава нескольких молодых «бунтарей», заменив их старшими и давно знакомыми им преподавателями (Ш. Мамедов, М. Шестаков). Радикальные изменения в деятельности кафедры, ориентирующей на все направления русской философской мысли, произошли лишь к началу 1980-х годов, когда умер И.Я. Щипанов и отошел от преподавания М.Т. Иовчук, и теперь ее деятельность стала осуществляться новым поколением преподавателей, ориентировавших учебную и научную работу на произведения весьма значимых русских дореволюционных идеалистов (Соловьев, Бердяев, Лосский, Ильин, Выше-славцев, Карсавин и других профессиональных философ-идеалистов), в большинстве своем оказавшихся в эмиграции, и там осуществлявших активную философскую и литературную деятельность. Изучение названных революционных материалистов-демократов отошло на второй и третий план.

Длительное время, как уже отмечалось выше, учение Маркса и Энгельса преподавалось на кафедре истории зарубежной философии, а произведения Ленина и Сталина — на кафедре русской философии. В 1958 году была оформлена кафедра истории марксистско-ленинской философии, которой пять лет руководил М.Т. Иовчук, на этот раз прибывший из Свердловского университета. Его сменил профессор Григорий Степанович Васецкий, окончивший в молодости Херсонский педагогический институт и переехавший в Мо-

скую. Он работал в аппарате ЦК партии, был одним из друзей Г.Ф. Александрова, который и выдвинул его на пост директора Института философии (1946) после ухода с этого поста В.И. Светлова (но проработал он в этом качестве лишь до философской дискуссии 1947 года, когда на тот же пост вернулся его друг). Кафедрой истории марксистской философии он заведовал восемь лет, но был снят с этого поста решением парткома МГУ. В его деятельности на посту директора Института знаменателен один факт, весьма характерный для морального облика руководящих эпигонов. Как рассказывал мне весьма осведомленный Павел Тихонович Белов (подтверждения я слышал и в самом Институте философии), Григория Степановича, как директора главного учреждения философии, на его Совете выдвинул в члены-корреспонденты АН СССР сам М.Б. Митин, давший ему высокую характеристику как ученого и администратора. Все присутствующие с этой характеристикой согласились и дружно проголосовали. Когда же открыли секретный ящик, обнаружилось, что все «шары», включая и митинский, оказались черными. Такой скандал был доложен секретарю ЦК партии Г.М. Маленкову, который по адресу Митина сказал лишь одно: «Вот сволочь!».

Здесь не лишне будет сказать и о печальной участи самого Г.Ф. Александрова. Председатель Совета министров (после смерти Сталина) Маленков выдвинул его в 1954 году на пост министра культуры. Многие говорили, что некто Кривошеин, служивший в Малом театре, на своей даче в Валентиновке устраивал веселые вечера, на которых вокруг министра и его приближенных кружились артистки и артисты. Среди них обычно говорили о красавице Алле Ларионовой (сыгравшей тогда заглавную роль в кинокартине «Анна на шее»), с которой у министра был чуть ли не интим. Хрущеву доложили об этих сборищах на частной даче чуть ли не как о притоне, да еще и с участием министра культуры. Хрущев в это время «копал» под Маленкова, чтобы снять его с поста председателя Совета министров, и, поскольку Александров был его выдвиженцем, глава партии раздул дело «притона», устроил ему партпроработку и снял с поста министра (ирония «доброжелателей»: «за Анну — по шее»). Бывший министр вынужден был

уехать в Минск, где заведовал сектором диамата-истмата в Белорусской АН. Время от времени он навещался в Москву.

Бывший ученый секретарь ИФ АН Георгий Васильевич Платонов (1918-2006), не потерявший хороших отношений со своим бывшим начальником, посетил его на даче. Позже он говорил мне, что академик заболел «русской болезнью». Он умер от цирроза печени на 54-м году в июне 1961 года. Я присутствовал на его панихиде в Институте философии. С большой прощальной речью выступил посланец Белорусской Академии, а тогдашний директор Института философии, когда-то выдвигенец покойного, П.Н. Федосеев, молча стоял у гроба, поручив произнести прощальную речь от Института своему заместителю А.Ф. Окулову. Дело о «притоне» на даче Кривошеина после смерти Хрущева было дезавуировано, дачу вернули его владельцу, но Александров, увы, не дожил до этого события.

* * *

Одним из последствий разоблачения «культы личности» Сталина способствовало некоторому оживлению философской жизни на факультете (и, пожалуй, еще в бóльшей мере в Институте философии). И там, и на факультете усилились контакты с философами стран «социалистического лагеря». Наиболее интересными и плодотворными, по моему убеждению, они оказались с поляками. Дисциплинированные марксисты ГДР в общем твердо держались за догмы «основоположников», не уступая, если не превосходя, советских коллег. Значительно отличались от них польские философы. У них не высылали немарксистских, серьезно образованных интеллектуалов старшего поколения, как это было у нас со злополучным кораблем (да и не только с ним), и молодые философы обладали значительно большими возможностями контактов с умудренными стариками. К тому же они довольно интенсивно общались и с европейскими интеллектуалами от философии, — и не без основания считали себя посредниками между европейской и советской философией, прозябавшей в догмах марксизма, умноженного на ленинизм.

В 1959 году наш факультет посетила порядочная делегация философского факультета Варшавского университета. Ее возглав-

ляла декан того факультета Янина Котарбиньска (1901–1997). Родившаяся в русской Польше, она великолепно владела русским языком, весьма выделяясь на фоне речи нашего Василия Сергеевича. К тому же Котарбиньска была значительным логиком и много общалась с Софьей Александровной Яновской (1896–1966), о которой я вспомню в дальнейшем. В Польше существовала Львовско-Варшавская школа логики, далеко продвинувшая ее математико-логическое содержание, в то время как на нашем факультете она делала только первые шаги.

В следующем, 1960-м году, небольшая группа с нашего факультета прибыла на философский факультет Варшавского университета. Я тоже был в ее составе. Меня, как и Богомолова, прибывшего сюда, более всего интересовали контакты с историками философии. Были встречи и коллоквиумы. Я встречался с Брониславом Бачко, в особенности специализировавшемся по французскому Просвещению, а с Лешеком Колаковским (1927–2009) мы провели довольно длительную беседу у него в квартире. Он тогда только что опубликовал книгу «Личность и бесконечность. Свобода и антиномии свободы в философии Спинозы». Мы говорили не только о ней, но и о политическом поприще философии в СССР, во многом и в Польше. Этот высокоталантливый человек (учившийся и у нас в ВПШ) поносился Нарским, Йовчуком и некоторыми польскими ортодоксами как злостный ревизионист. Гомулка, генсек ЦК ПОРП, его терпел, но Герек выдворил из Польши. Осевший в Оксфорде, он в конце 1970-х годов опубликовал огромное исследование (в 3-х томах) «Основные направления в марксизме», которое многие зарубежные марксологи трактовали как лучшее философское исследование марксизма за всю его историю. У нас оно так и не переведено.

* * *

Страдания философии в СССР определялись ее жестоким догматизмом, в принципе полностью противопоставлявшим ее всем тогдашним философским учениям, которые обычно трактовались как «буржуазные». «Пролетарская» философия в России объявлялась ее «ленинским этапом», хотя правильнее было бы называть

ленинизм новым *идеологическим* этапом: ведь и сам Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» иногда говорит о марксизме как о «научной идеологии», да и множество советских философов повторяли это словосочетание. Но все же содержание философии, ее «природу», ориентированную на огромное множество явлений и фактов духовной и телесной жизни человечества, невозможно отождествить с идеологией, содержание которой определяется главным образом, если не исключительно, социально-политическими аспектами. Хотя в первые годы советского времени находились отдельные смельчаки, предлагавшие выбросить философию за борт, но такие заскоки свидетельствовали лишь об их философской неграмотности.

Поскольку и учебная, и тем более литературная жизнь российско-советской философии была пронизана ленинизмом, необходимо вспомнить некоторые идеи «вождя мирового пролетариата». Совершенно обязательным как для учащихся, так и для преподавателей, авторов книг и учебников, — был его «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованный еще в 1909 году. Как известно, эта работа была написана автором из сугубо партийных намерений и была заострена против тех меньшевиков и большевиков, которые увлеклись махизмом, противопоставляя его субъективный идеализм диалектическому материализму Маркса и Энгельса (в принципе, и Плеханова, одного из основных философских учителей Ленина); а главное — их социально-философской доктрине. Предельно расширяя идею партийности, Ленин объявил ее стержнем всей истории философии, инициированной в античности Демокритом и Платоном. С тех пор материализм и идеализм развиваются, по Ленину, как взаимоисключающие учения, — притом первое абсолютно истинно, а второе совершенно ложно; и всякая «третья линия» между ними, каковых было множество в «буржуазной философии», по Ленину, совершенно абсурдна. Идеализм при таком подходе систематически объявляется «поповщиной».

Гносеологическая трактовка материализма Лениным достаточно упрощенна и даже примитивна, грубо сенсуалистична. Объявляя материю объективной реальностью, данной нам в ощущениях, она фактически повторяла формулу Гольбаха, одного из самых

последовательных французских материалистов XVIII века (которые Ленин высоко ценил как яростных отвергателей религии). Советские философы объявляли эти мысли Ленина «теорией отражения», на предмет которой писали популярные статьи и даже книги (одним из первых написал такую работу Т. Павлов-Досев (об этом было сказано выше). Однако сам Ильин (псевдоним Ленина), считая ощущения адекватными образами внешних вещей, по сути, повторял так называемую теорию наивного реализма, — и с этих позиций подверг критике как идеалистическую «теорию иероглифов» Плеханова, которая подчеркивала сложность чувственного восприятия вещей человеком. Ученица Плеханова Л.И. Аксельрод-Ортодокс в своей рецензии на опус Ленина раскрыла его полную философскую некомпетентность⁹². Всего рецензий на компилятивное, философски примитивное и стилистически грубое до неприличия творение большевика из дворян было шесть (самую основательную, ироничную — как и другие рецензии — под заголовком «Вера и наука» опубликовал А. Богданов⁹³). Фактически незамеченный философской общественностью и забытый, опус Ленина был переиздан только в 1920 году, когда он был провозглашен «вождем мирового пролетариата». Послесловие к нему по заданию автора написал один из его верных сподвижников В.И. Невский, назвавший свою статью «Диалектический материализм и философия мертвой реакции»⁹⁴. Одобрения этой статьи Лениным не спасло автора как антисоветчика и контрреволюционера от расстрела в 1937 году. Для нас же это бессистемное и достаточно запутанное произведение долго оставалось обязательной «идейной пищей», не глотая которой было сложно и даже невозможно сдавать экзамены по философии.

⁹² Рецензия была опубликована в журнале «Современный мир» (№ 7 за 1909 год).

⁹³ См.: *Богданов А.* Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Богданов А. Падение великого фетишизма. (Современный кризис идеологии). М., 1910 (переиздание: М.: КРАСАНД, 2010).

⁹⁴ См., напр., издание: *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / Послесловие: Невский В. Диалектический материализм и философия мертвой реакции. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

По-видимому, Ленин и сам осознал поверхность своего творчества и, когда в 1914–1915 годах в условиях мировой войны и фактической освобожденности от партийной борьбы, он, проживая в Берне и в Цюрихе, обрел значительный досуг, решил расширить и углубить свое философское образование, читая, конспектируя и делая выписки из различных философских произведений. Немного заглянул даже в «Метафизику» Аристотеля. Наибольшее же внимание Ленин уделил «Науке логики» и «Лекциям по истории философии» Гегеля. Весь этот корпус, полностью опубликованный в 1933–1936 годах и повторенный в 1947 году огромным тиражом в 100 000 экз., обычно называется «Философские тетради»⁹⁵.

Хотя они часто трактовались советскими философами как подготовительные материалы для более целостного труда, все же они достаточно определенно выражают суть философской ментальности Ленина. Так, поражает своей сумбурностью и противоречивостью ленинский конспект «Науки логики» Гегеля. Между тем автор уверяет, что «Капитал» Маркса «нельзя вполне понять... не проштудировав “Логики” Гегеля». Действительно, Маркс однажды признался, что в главе о стоимости своего главного произведения он иногда «кокетничал» гегелевской манерой изложения, но объявить гегелевскую «логику» ключом к смыслу всего «Капитала» значит очень плохо понимать этот смысл. Как известно, Энгельс и Маркс пытались «перевернуть» систему Гегеля «с головы на ноги», опираясь на его же умозрительный, «диалектический метод», что принципиально невозможно, ибо эта система может стоять только «на голове»! Энгельс много трудился над этой «операцией», но в сущности завершил ее тем, что объявил диалектику Гегеля тотальной теорией развития, что в советской философии породило множество недоразумений и споров. Ленин тоже пытался поставить эту систему «на ноги», выкидывая при чтении «Науки логики» «боженьку», «абсолют», «чистую идею»,

⁹⁵ См. первое издание: Ленин В.И. Философские тетради / Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) / Под ред. В.В. Адоратского и В.Г. Сорина. М.: Издательство ЦК ВКП(б), 1933.

что по сути приводило к ее кастрированию. Если «теория отражения» в «Материализме и эмпириокритицизме», разоблачая субъективный идеализм и «гносеологическую схоластику» Маха и Авенариуса, подчеркивает определяющую роль внешней реальности, воспроизводимой образами чувств, то теперь автор заявляет, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».

Множество замечаний Ленина по тексту «Науки логики» свидетельствуют, что она никак не может служить ключом к «Капиталу». Тут и «пустота», и «длиннота», и «неясность», и «темнота», — и просто «мистика». Правда, когда Ильич что-то уясняет, появляются восторженные похвалы, вроде «верно и глубоко», «очень умно» и т.п. Возможно, в этой связи Ленин считал себя знатоком диалектики.

Давая характеристики наиболее способным членам ЦК РКП(б) в своем известном «Завещании», Ленин назвал Н.И. Бухарина «любимцем партии», но вместе с тем указал на его слабость в диалектике и даже склонность к схоластике. Сам же критик Бухарина (который в те годы сближался с Богдановым) в небольшом фрагменте «К вопросу о диалектике» (в тех же «Тетрадах»), как начинающий студент, вполне догматически приводит примеры «тождества взаимоисключающих противоположностей», почерпнутых в элементарных науках, иллюстрирующих «диалектичность» знания (+ и –, дифференциал и интеграл в математике, действие и противодействие в механике и т.п.), притом противоположности отождествляются с противоречиями и т.п.

Автор этих очерков не ставит перед собой задачи подробно рассматривать «Философские тетради» Ленина, которые все же были конспективны и не доведены до степени публикации. Необходимо, однако, обратить внимание на те формулировки автора, которые одних советских философов ставили в тупик, а другие пытались их по-своему развивать не в лучшую сторону, не понимая, в чем же их подлинная суть. В первом случае Ленин утверждает, будто в «Капитале» «применена к одной и той же науке логика, диалектика и теория познания материализма (*не надо трех слов, это одно и то же*)». Автор «Тетрадей» запомнил сверхважные

философские понятия, в сущности даже только термины, но их отождествление свидетельствует о непонимании их действительного содержания в (истории) философии. Гегель систематизировал категории диалектики как достоинство высшего, теоретического мышления; и противопоставил их обычной, формальной логике, как низменному повседневному мышлению, — это было усилено Энгельсом, и именно этот момент был воспринят и в «Философских тетрадах», хотя выражен здесь достаточно смутно.

История философии свидетельствует, что дорога к точности научно-философского мышления проходила от платоновско-схоластической «диалектики» к формальной логике. Между тем споры о соотношении логики формальной и так называемой логики диалектической — составили одну из определяющих проблем советской философии. «Виноват» здесь был Гегель, более чем некорректно употребивший термин «логика» в названии своего главного произведения и в раскрытии содержания этого опуса. Более адекватным у самого Гегеля, который в противовес иррационализму романтиков и Шеллинга максимально расширил содержание понятия «логика», был бы родственный ему термин «методология». Энгельс закрепил эту некорректность, а Ленин его «поддержал» — не только в «Философских тетрадах», но и в большой программной статье «О значении воинствующего материализма» (1922), в которой, восхваляя французский материализм XVIII века за его воинственную критику «поповщины», вместе с тем категорически рекомендовал не только систематически изучать «диалектику Гегеля», но и организовать общество ее «материалистических друзей». В этом контексте советские философы обычно призывали различать «материалистическую диалектику» и «идеалистическую диалектику», игнорируя, что она в качестве *метода мышления* не должна быть ни материалистической, ни идеалистической. Другое дело те результаты, к которым мог приводить этот метод, ибо онтологический статус реальности определяется не только им. К тому же Энгельс объявил диалектику универсальной парадигмой движения и развития всего сущего. Гегель же свою трактовку «диалектики» как теории развития ориентировал главным образом, если не исключительно, на органический

мир, телеологически. Отсюда одна из иллюстраций ее понимания Плехановым: «Овес растет по Гегелю». Сам же абсолютный идеалист отвергал понятие «эволюция» как «механистическое», пригодное лишь для осмысления неорганического мира (хотя и здесь он иногда сбивался на телеологизм).

Все названные моменты подвинули многих советских философов к попыткам доказать превосходство «диалектической логики» над логикой формальной, которую они знали весьма поверхностно. На философском факультете МГУ защищались на эту тему докторские диссертации В.И. Мальцевым, В.И. Черкесовым (сменившим П.С. Попова в заведовании кафедрой логики в 1947 году), М.Н. Алексеевым (тоже заведовавшем этой кафедрой после предыдущего)⁹⁶. Однако крупнейшие специалисты этой кафедры — В.Ф. Асмус и П.С. Попов — были специалистами по традиционной, формальной логике, — и они-то как раз понимали, что в западноевропейской философии уже давно к тому времени была разработана точная методика, трансформировавшая формальную логику в логику математическую, приобретающую и техническое назначение. Но в СССР она делала только первые шаги (на механико-математическом факультете). Валентин Фердинандович сокрушался, что он уже стар, чтобы достойно овладеть этой формой логического, символического мышления, и перешел на нашу кафедру, поскольку история философии представляла основной его интерес. Вместе с тем он говорил нам, что традиционная формальная логика пронизывает историю философии и совершенно необходима тем, кто по ней специализируется. Александр Сергеевич Ахманов (1893-1957), ученик дореволюционного высокообразованного философа Бориса Петровича Вышеславцева (1877–1954), высланного из России на пресловутом корабле в 1922 году, очень ценимый В.Ф. Асмусом («Александр Сергеевич — не ум, а граненый хрусталь»), по адресу почитателей «диалектической ло-

⁹⁶ См. соответствующие монографии: *Мальцев В.И.* Очерк по диалектической логике. М.: Изд-во Московского университета, 1964; *Черкесов В.И.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М.: Изд-во Московского университета, 1962; *Алексеев М.Н.* Диалектика форм мышления. М.: Изд-во Московского университета, 1959.

гики» говорил: «Гоняют категории диалектики, не зная логики элементарной. Между тем формальная логика — это логика честного человека». Но адепты «диалектической логики», неспособные к овладению логикой математической, символической, настойчиво уверяли, что она вовсе не философская, а по сути позитивистская и т.п. Однако, к счастью, они были не в силах предотвратить ее преподавание на философском факультете. Даже, когда уже после увольнения М.Н. Алексеева с места заведующего кафедрой логики, была все же образована кафедра диалектической логики во главе с академиком М.Б. Митиным, — она так и не смогла начать реальную работу и самоликвидировалась.

В советских философских рассуждениях закрепились главным образом истолкование диалектики Энгельсом как универсальной теории развития, трактуемой самим Гегелем телеологически, в противоположность тому, что обнимается термином «эволюция». Ленин, однако, осуждая этот термин в «Философских тетрадах» как недостаточный и даже ложный, закрепил трактовку диалектики Энгельсом. И вот эта трактовка «заразила» не только руководящих эпигонов-академиков, но и стала универсальной парадигмой у множества субъективно честных профессиональных философов, толкая их на путь неопределенности смысла и даже ассоцианизма терминов. В 1970–1980-х годах Институт философии, задействовав множество авторов, опубликовал восьмитомник по диалектике именно в этом смысле.

Против такого, сугубо онтологического понимания «материалистической диалектики» выступили философы молодого поколения, которые толковали ее главным образом, если не исключительно, как универсальный метод *осмысления* всех феноменов ментальности. Так по сути трактовал ее и А.Ф. Лосев.

На философском факультете инициатором аналогичного осмысления (совершенно независимо от лосевского) выступил молодой преподаватель Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979). В 1956 году он выступил с докладом на эту тему на Ученом совете факультета. Хотя фактически в его докладе содержалась критика господствующего догматизма, она была выполнена достаточно туманно и весьма слабо в речевом аспекте. Члены Совета, в боль-

шинстве своем устойчивые догматики, и даже более молодые преподаватели, — не восприняли его всерьез. Тем не менее среди последних возник интерес к вопросам гносеологии. К идеям Ильенкова примкнул преподаватель нашей кафедры В. Коровиков, появились и другие любители. В бдительном парткоме МГУ забеспокоились: нет ли крамолы, олицетворяемой «гносеологами»? В парткоме философского факультета было рассмотрено «дело» Коровикова, который, получив «строгача», покинул факультет⁹⁷.

Ильенкову тоже пришлось перейти в Институт философии, в котором после XX съезда КПСС стала все более оживать духовная и идейная жизнь. Сталин, не жаловавший умозрительной гегельянщины и пригасивший к ней интерес своим «меньшевистствующим идеализмом» и совершенно ложной трактовкой ее социального содержания, в этих условиях стал подвергаться разрушающей критике и как философ (каким он, по сути, и не был) — в частности, и за свое «антигегельянство». Произведения Гегеля стали снова издаваться, теперь в библиотеке «Философского наследия». Эвальд стал одним из активных сторонников и литературных пропагандистов этой философии («Гегельенков»). Он переключился и на защиту «диалектической логики» и получил многих сторонников не только в Москве («школа Ильенкова»)⁹⁸.

Другой «философской любовью» Ильенкова был Спиноза⁹⁹, которого, как известно, высоко ценил и Гегель. Но оба эти вели-

⁹⁷ О событиях тех лет — и о которых идет речь, и о многих других — см. книгу «Эвальд Ильенков. Валентин Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии. 1954-1955» (М.: Канон+, 2016), — результат научных исследований, архивных изысканий и литературного труда И.А. Раскина, Е.Э. Иллеша и В.А. Лекторского. Жанр «философского детектива», в котором выполнена книга, позволяет отразить и драматические, и просто интересные, необычные и увлекательные моменты истории советской философии в 50-е годы XX века.

⁹⁸ Назовем некоторые из его изданных работ тех лет: *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Институт философии АН СССР, 1960 (см. переиздание: *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: ЛЕНАНД, 2015); *Розенталь М.М., Ильенков Э.В.* В.И. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики. М.: Знание, 1969; *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки теории и истории. М.: Политиздат, 1974.

⁹⁹ Некоторые из работ Ильенкова о Спинозе см. в кн.: Ильенков Э.В. Личность и творчество / Ред.-сост. И.П. Фарман, отв.ред. В.А. Лекторский. М.: Языки русской культуры, 1999.

кие метафизики отличались спекулятивно-умозрительной ментальностью. Аналитическая ясность ей мало свойственна, слова-термины глушили четкость мысли, сбиваясь на ассоцианистские словосочетания. Такая особенность передалась многим адептам «школы». Сам Ильенков отличался и любовью к классической музыке, которую весьма ценил. Другой существенный момент его интересов во многом определялся его достаточно умозрительной докторской диссертацией «К вопросу о природе мышления» (1968, когда директором Института философии стал П.В. Копнин)¹⁰⁰. Столь широкая проблематика определяла его настойчивый интерес к работам психологов И.А. Соколянского и А.И. Мещерякова, выявивших возможности слепо-глухо-немых от рождения к способности появления дара осмысленной речи¹⁰¹.

Но названная «логика» получила и другой гносеологический аспект при переключении ее трактовки с произведений Энгельса на «Капитал» Маркса. Здесь Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) один из первых защитил диссертацию, трактуя в принципе исконную гносеологическую проблему «от абстрактного к конкретному»¹⁰². В дальнейшем, перейдя в Институт философии, он пытался освоить и математическую логику (два года по совместительству заведовал кафедрой логики на философском факультете).

Зиновьев как бы сочетал диалектическую логику (по «Капиталу» Маркса) с логикой символической («Комплексная логика»¹⁰³ и др.) Но особенно он прославился своим сатирическим

¹⁰⁰ Кандидатская диссертация была защищена им в 1953 году, на тему «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”».

¹⁰¹ Об этом см.: *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // Вопросы философии. 2013. № 3.

¹⁰² Кандидатская диссертация А.А. Зиновьева, защищенная им в 1953 году, — «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)», была переиздана Институтом философии РАН как отдельная книга: *Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002.

¹⁰³ См.: *Зиновьев А.А.* Комплексная логика. М.: Наука, 1970 (см. переиздание: *Зиновьев А.А.* Комплексная логика / Вступ.статья акад. В.А. Лекторского. М.:

талантом, который развивал в «Стенной газете» ИФ. Здесь он написал порядочный опус «Зияющие высоты», а позже «Желтый дом» (Институт философии). В них высмеиваются догматики от философии, достигшие высоких званий (задеты и некоторые рядовые сотрудники ИФ). Например: «Один академик десятый год пишет большую книгу «Одна минута великого открытия» (намек на капитальный труд Б.М. Кедрова «День одного великого открытия» (1958)¹⁰⁴, в котором исследуется работа Д.И. Менделеева о периодическом законе химических элементов). Зиновьев был исключен из ИФ, лишен степени и звания. В 1978 г. он был выслан за рубеж, где его приняли с восторгом как разоблачителя советской философии и советского строя в целом. А.А. стал членом академий Финляндии, Италии, Баварии, почетным гражданином ряда европейских городов и т.п. Но всмотревшись в суть западного буржуазного общества, которое оказалось во многом более неприглядным, чем советское, и полностью разочаровавшись в нем, Зиновьев вернулся в Москву, был восстановлен в званиях, стал профессором кафедры этики философского факультета МГУ. А.А. написал множество книг на социально-этические темы, в основном разоблачающие «Запад» (см. его книгу о «феномене западнизма»¹⁰⁵). Коммунистические (те, что сохранились) и административные органы, поносившие и разоблачавшие его как «отщепенца» в советские годы, теперь стали прославлять его как «прозревшего», издавали его политизированные книги, воспевая Зиновьева как «великого русского писателя, социолога и философа». Здесь налицо явление раздувания авторитетов, весьма присущее советским временам, и теперь расцветающее в России.

Огромная роль в становлении преподавания, а затем и исследований в области символической логики принадлежит Софье Александровне Яновской (1896-1966). Она была того же поколе-

ЛЕНАНД, 2015).

¹⁰⁴ См.: Кедров Б.М. День одного великого открытия. М.: Соцэкгиз, 1958 (переиздание см.: Кедров Б.М. День одного великого открытия. М.: Эдиториал УРСС, 2001).

¹⁰⁵ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

ния, что и П.С. Попов и В.Ф. Асмус, но в отличие от них имела математическое образование. Работая в МГУ с 1925 года, она уже в 1936 году читала здесь курс математической логики. Добрейшая женщина, она обладала большим мастерством лектора и высоким педагогическим талантом, всегда учитывавшим запросы и способности своих слушателей. Свой курс на философском факультете она начала читать с 1955/1956 учебного года. Ее слушателями были не только те, кто уже окончил факультет, но и некоторые его преподаватели (П.С. Попов, В.И. Черкесов, Е.К. Войшвилло и др.)¹⁰⁶. Из ее «школы» вышли серьезные и увлеченные специалисты по математической логике, преподававшие на философском факультете, работавшие в Институте философии и в некоторых других местах. Назову здесь тех, кто сделал наибольший вклад в деятельность факультетской кафедры логики.

Весьма продуктивную роль сыграл на этой кафедре Евгений Казимирович Войшвилло (1913–2008). Математик по образованию, окончивший Казанский университет еще до войны, после нее он учился в аспирантуре кафедры логики и психологии Академии общественных наук, где и защитил кандидатскую диссертацию. В 1949 году он стал одним из ведущих преподавателей, а затем и профессором кафедры логики¹⁰⁷. Его докторская диссертация «Понятие как форма мышления» (1967), увенчанная премией имени М.В. Ломоносова, раскрывала философское содержание математической логики¹⁰⁸. Евгений Казимирович отличался предельной научной и человеческой честностью, в частности «разо-

¹⁰⁶ Работы Софьи Александровны по проблемам логики и методологии науки актуальны и по сей день. Назовем последние издания: *Яновская С.А.* Логика и философия математики. М.: ЛЕНАНД, 2016; *Яновская С.А.* Методологические проблемы науки. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2015.

¹⁰⁷ В 1949 году им была защищена кандидатская диссертация на тему «Критика “логики отношений” как релятивистского направления в логике» (научный руководитель — П.С. Попов).

¹⁰⁸ См. соответствующую монографию: *Войшвилло Е.К.* Понятие. М.: Изд-во Московского университета, 1967 (см. также переработанную монографию о понятии: *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во Московского университета, 1989; одно из последних переизданий: М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014).

блачая» на партийных собраниях любое начальство, если оно недостойно вело себя как руководство.

Среди логиков, вышедших из «школы» С.А. Яновской, но учившихся на философском факультете, выдающимся специалистом в различных аспектах символической логики и эпистемологии был Владимир Александрович Смирнов (1931–1996)¹⁰⁹, — один из тех специалистов, которые подняли эту трудную область знания на международный уровень. Николай Иванович Стяжкин (1932–1986)¹¹⁰, работавший на философском факультете как совместитель, был весьма компетентным историком общей и символической логики, в частности логики средневековых западноевропейских схоластиков. Дмитрий Павлович Горский (1920–1994), заведующий различными секторами в Институте философии более четверти века, был профессором и кафедры логики. Среди многих работ Д.П. (и не только по математической логике) особое место занимают два учебника для средней школы, в которых впервые в отечественной педагогике привлечены идеи и методы математической науки¹¹¹.

В 1968 году состоялись перевыборы декана философского факультета, на которых Василий Сергеевич Молодцов, проработавший в этой должности пятнадцать лет, был заменен Михаилом Федотовичем Овсянниковым, который к тому времени уже не-

¹⁰⁹ См. сборник, посвященный его жизни и творчеству: Владимир Александрович Смирнов / Отв.ред. В.Л. Васюков. М.: РОССПЭН, 2010. Также весьма интересны материалы Смирновских чтений по логике, проходящих под эгидой ИФРАН (последние — девятые — чтения прошли в июне 2015 года).

¹¹⁰ См. известные работы: *Попов П.С., Стяжкин Н.И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: Изд-во Московского университета, 1974; *Попов П.С., Стяжкин Н.И.* Развитие логических идей в эпоху Возрождения. М.: Изд-во Московского университета, 1983. См. также работу, посвященную Оккаму: *Курантов А.П., Стяжкин Н.И.* Оккам. М.: Мысль, 1978.

¹¹¹ См., напр., издание: *Горский Д.П.* Логика: Учебное пособие для педагогических институтов. М.: Просвещение, 1963 (до этого учебник Д.П. Горского по логике издавался неоднократно: в 1955, 1958 годах; см. также другое, не менее известное пособие: *Горский Д.П., Таванец П.В.* Логика / Институт философии АН СССР. М.: Госполитиздат, 1956). Среди монографий Д.П. Горского в особенности известна работа: *Горский Д.П.* Определение. Логико-методологические проблемы. М.: Мысль, 1974.

сколько лет организовал и руководил кафедрой эстетики. Ее появление стало весьма положительным фактом духовной жизни факультета, усиливавшим его связь с театральной и литературной жизнью, деятели которых сами стремились к такому сотрудничеству. Правда, предмет преподавания назывался «марксистско-ленинской эстетикой» и предписывал ориентироваться на «социалистический реализм», — но умудренные специалисты научились соблюдать форму, оставляя в тени его надуманное содержание.

Еще более трудным стало преподавание «марксистско-ленинской этики», предмет которой с его категорическим утверждением классовой природы этических категорий звучал как «деревянное железо». Тем более, что несколько лет этика обреталась на кафедре эстетики, где по первому предмету не было сколько-нибудь удовлетворительных специалистов. Ситуация радикально изменилась, когда самостоятельную кафедру *марксистско-ленинской этики* возглавил в 1980 году профессор Сергей Федорович Анисимов (1922–2005), хорошо образованный и вдумчивый ученый, участник Отечественной войны. Насыщая этот благородный предмет его историко-философским и жизненным содержанием, он поднял его на должный уровень преподавания и осмысления, что значительно повысило его авторитет среди студентов и аспирантов. Идейная насыщенность этого предмета значительно снизилась с приходом в 1986 году нового заведующего Александра Ивановича Титаренко (1932–1993), который во многом растворял его в марксистско-ленинских идеологизмах.

С конца 1960-х и в последующие годы XX века оживление философской жизни на факультете во многом определялось появлением новых кафедр в условиях нарастающей эрозии марксистско-ленинской идеологии (но этот процесс достиг своего максимума лишь в 1990-е годы). В частности, появилась самостоятельная кафедра исторического материализма наряду с кафедрой диалектического материализма. Ее заведующим стал упоминавшийся выше, так сказать, партийный и философский политик, Дмитрий Иванович Чесноков, перешедший на философский факультет. Хороший лектор, человек открытый и симпатичный, он был, можно сказать, полной противоположностью М.Т. Иовчуку.

Очень трудно и долго проходила в конце 1960–1970-х годов борьба факультета за открытие кафедры социологии. Министерство высшего образования — и прежде всего заместитель министра Н.И. Мохов — доказывали, что раз на факультете теперь имеется самостоятельная кафедра исторического материализма, особая теоретическая кафедра социологии — излишня. Лишь когда эти споры были перенесены на страницы печати (прежде всего в «Литературную газету»), министерство «дало добро» на организацию кафедры «методики конкретных социальных исследований» (в 1968 году). Так был сделан небольшой шаг к будущему социологическому факультету.

Заведовать этой кафедрой стала компетентная и мудрая Галина Михайловна Андреева (1924–2014). Она стремилась расширить деятельность кафедры до общесоциологических масштабов, однако не нашла на факультете должного понимания и поддержки. Но ее поддержали ректор университета Иван Георгиевич Петровский (1901–1973) и декан факультета психологии Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979). Перейдя на этот факультет, Галина Михайловна образовала здесь кафедру социальной психологии, которой руководила много лет. Она была и членом Академии образования и скончалась в мае 2014 года.

В отличие от организации предшествующей кафедры, всячески тормозившейся министерским начальством, учреждение кафедры научного коммунизма, наоборот, полностью им стимулировалось. Действовал «убийственный» аргумент: теория марксизма-ленинизма, по Ленину, включает в себе три составных части: 1) философия (диалат-истмат); 2) политическая экономия; 3) научный коммунизм. Первые два предмета преподавались чуть ли ни с начала советской власти (правда, в довоенные времена вторая наука в духе большевистского волюнтаризма называлась «экономическая политика»), а научного коммунизма — как особого предмета — не было. Притом идеологи, конечно, понимали, что фактически он занимает немалое место в первых двух предметах, как и в истории КПСС. Но решающим стимулятором организации кафедры научного коммунизма стала новая, хрущевская Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС, провозгласившая

достижение коммунизма за двадцать лет. Это был последний взрыв партийно-административного волюнтаризма, реальным результатом которого стало почти полное исчезновение деревенских хозяйств: после перевода политически малограмотного Хрущева из Киева в Москву в конце 1940-х годов он тогда провозгласил строительство на селе «агрогородов», но получил выговор и до смерти Сталина замолчал.

При учреждении кафедры довольно долго не могли найти для нее заведующего, ибо столь аморфный предмет мало кого привлекал. Остановились на кандидатуре Александра Митрофановича Ковалева (1923–2010), деятеля факультетского, а потом университетского парткома. Срочно организовали для него докторскую защиту (в 1963 году). К этому времени многие политические, а в значительной мере и философские защиты стали инсценировками по формальному выполнению инструкции ВАКа. Но кандидатура Александра Митрофановича оказалась удачной, ибо он во множестве книг стремился трактовать «развитый социализм» в контексте социально-философской теории, как она ему представлялась, выявляя наиболее эффективные пути трансформации «развитого социализма» в коммунизм. Когда к кафедре научного коммунизма добавили кафедру истории социалистических учений, научный коммунизм приобрел статус отделения.

Предмет «научного коммунизма» дополнялся предметом «научного атеизма», читаемым на всех факультетах университета. В стране усилилась антирелигиозная пропаганда по сравнению со сталинским временем, когда были значительно приглушены гонения на церковь. Принятый в названной Программе «моральный кодекс строителя коммунизма», ориентированный на формирование «нового человека», явно «превзошел» те моральные заповеди, которые зафиксированы в евангелиях (да и в Ветхом Завете).

Обилие социально-идеологических предметов, перекрещивавшихся между собой, привело к труднопреодолимому их дублированию, которое гасило внимание студентов на этих занятиях и вело к нараставшим их пропускам. В столь бедственной ситуации Партком и Ректорат в зимние каникулы 1970/1971 учебного года созвали чуть ли не всех деканов факультетов и многих профессо-

ров и доцентов для анализа причин такого дублирования и способов его преодоления. Выступали многие лекторы, говорили о своем опыте, и вспоминали тех выдающихся лекторов, которых они слушали с неизменным вниманием и с воспоминаниями на всю жизнь. Однако мало кто из этих энтузиастов говорил о таком мастерстве, которое бы заострило внимание слушателей на социально-идеологических предметах. Я тоже выступил в этом ряду и высказал сомнительную и небезопасную идею, хотя она была достаточно простой. Я обратил внимание присутствующих на то обстоятельство, что «золотой запас» нашей великой идеологии, сконцентрированной в произведениях Маркса-Энгельса-Ленина, остается неизменным, а мы его все делим и делим на новые обязательные предметы. В такой ситуации, естественно, что мы не можем избежать дублирования в их содержании. С «опровержением» такого заскока тут же выступил секретарь парткома МГУ Владимир Николаевич Ягодкин. Он сказал: «Что же это вы, Василий Васильевич, так обедняете “золотой запас” нашей теории, забывая о съездах и конференциях в истории КПСС?» Я ушел в глухую оборону, сказав, что для этого и существует история КПСС, хотя все понимали, что идеи «научного коммунизма» так или иначе фигурируют во всех предметах идеологического цикла.

* * *

С философского факультета МГУ в контексте этих воспоминаний немаловажно заглянуть и в Институт философии АН. Они были, как уже замечено, своего рода общающимися центрами. К тому же дом на Волхонке пополнялся из дома на Моховой. Хорошая, если не большая, половина сотрудников Института уже с 1960–1970-х годов состояла из окончивших факультет. Все более интенсивными становились дружеские, диссертационные, в несколько меньшей мере совместительские и другие связи. Преимущество Института перед факультетом тогда состояло в отсутствии там студенческой массы, в большем числе секторов по сравнению с числом кафедр факультета, что позволяло сотрудникам Института с большой интенсивностью предаваться авторской работе (в чем и заключалась главным образом их деятельность).

К тому же сотрудники Института имели наилучшие возможности публиковаться в их органе — «Вопросах философии».

Здесь нет смысла останавливаться даже на наиболее интересной продукции Института. Однако есть основания сказать о стенной газете «Советский философ», висевший в 1960-е годы на пятом его этаже и снискавшей огромный интерес и авторитет и далеко от этой стены. В острых текстах, в стихах, в лапидарно остроумных рисунках авторы «прославляли» многие аспекты догматически выродившихся наших философско-идеологических положений и различные стороны институтской жизни, как и особо выдающихся фигурантов, особенно из начальства, достигшего высоких званий.

Главным редактором-основателем газеты стал Арсений Владимирович Гулыга (1921–1996), талантливый и многосторонний автор, обладавший незаурядным, острым пером. Весьма активен был упомянутый Александр Александрович Зиновьев, сатирик и рисовальщик. Блестящим поэтом сатирического плана (и не только) здесь отличался Эрих Юрьевич Соловьев. Все они в прошлом наши студенты. Назову еще выпускницу нашей кафедры Нину Степановну Юлину (но и ею этот список далеко не заканчивается).

Опишу здесь два сюжета из этой газеты, оставшихся в памяти. Один из них относится к 1966 году, когда состоялись очередные выборы в членкоры и в действительные члены АН. К этому времени контроль ЦК за этими выборами ослаб, выдвижение и сам процесс голосования весьма зависели и от тех, кто уже туда прошел и как он сумел уговорить других членов за тех или иных кандидатов. К тому же решающую роль играло их партийно-административное положение, как и родственные связи; количество книг и статей кандидатов играло какую-то роль, но их теоретическое качество мало кого интересовало (так, Д.М. Гвишиани, занимавший значительный административный пост, был зятем А.Н. Косыгина, а А. Егоров, работник ЦК, был свояком М.А. Сулова). Эти выборы, проходившие в тот год в Доме ученых на Кропоткинской, были изображены как состязание в корриде. Сначала выбегают «мальчишки» (впервые принимающие участие в

выборах). Они яростно бодаются между собой и «не добежавши до врага, бросаются друг другу пузом на рога». За ними следуют уже принимавшие участие в борьбе за единственное место, — и каждый стремится запустить бандерилью под хвост другому претенденту. Наконец, «ворота шире открыли и в окружении квадратильи, рога, что тигровые клыки, идут маститые быки. Хранят их выцветшие шкуры отметки красной профессуры. И каждый носит на груди медаль “убей, но победи”».

Другой текст рисовал коллективный портрет успешного карьериста Митрофана Лукича, который из рядового «наушного сотрудника» постепенно доходит до поста «директора НИИбельмеса» и развивает теперь неумную энергию, чтобы выполнить и перевыполнить план научной работы. «Наш Лукич как загорится, весь в работе Институт. Глядь — и ахнет за граница, глядь — и премию дадут».

П.Н. Федосеев, вице-президент АН СССР, не отличавшийся большим стремлением к умножению статей и книг (они уже были ему не нужны), но — человек мудрый и понимавший «застой» в Институте под руководством Ф.В. Константинова — вызвал из Киева Павла Васильевича Копнина (1922-1971), где тот уже стал директором украинского Института философии. Он был моим сокурсником и приятелем, когда я с исторического факультета МИФЛИ перешел на философский. В армию его не взяли по зрению, и он окончил философский факультет к концу войны. Отсутствие собственной жилплощади в Москве вынудило его на несколько лет уехать в Томск для заведования кафедрой философии. Но докторскую диссертацию по гносеологии и логике науки защитил в Москве¹¹² и уехал в Киев, где стал деканом философского факультета, а затем директором украинского Института философии, — и в соответствии с должностью стал академиком Украинской АН. Теперь П.Н. Федосеев выдвинул его на директорство московского Института. Мы восприняли эту акцию сугубо положительно, потому что теперь наше поколение приходило к руко-

¹¹² Докторская диссертация по теме «Формы мышления и их роль в познании» была защищена П.В. Копниным в 1955 году.

водству философией. Но Митин и Константинов вместе с их приспешниками встретили такое назначение в штыки. Организовали в Отделении философии и права обсуждение кандидатуры Копнина, пытаясь политически его скомпрометировать (привлекая для этого и нескольких киевских философов). Мы помогли Павлу Копнину, человеку открытому, доброжелательному, отличавшемуся незаурядным юмором, как могли, но решающую роль сыграл вице-президент П.Н. Федосеев, ибо в кругах самой Академии Митин и Константинов (не говоря уже о Иовчуке), эти партийные бонзы, отнюдь не пользовались авторитетом.

Одно из направлений деятельности Института с приходом П.В. Копнина в качестве его директора стало значительное увеличение изданий классиков философии прошлого. В советские времена издания классической немарксистской философии в общем были в загоне, — впрочем, за исключением тех французских материалистов-атеистов XVIII в., издания которых усиленно рекомендовал Ленин (и был учрежден «Союз воинствующих безбожников»). С другой стороны, Ленин в той же упомянутой выше статье «О значении воинствующего материализма» (1922) предложил организовать общество материалистических друзей гегелевской диалектики. В те годы редактором «Под знаменем марксизма» был упомянутый выше Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963), плехановец и гегельянец, который и организовал в перспективе издание Гегеля в 14 томах, но до войны успели издать только пять. Возможно помешала война, но здесь проявилось то обстоятельство, что Сталин, как было уже отмечено, не жаловал Гегеля, философия которого не имела тех практических аспектов, которые вдохновляли и оправдывали бы «успехи социалистического строительства». Гегель, как многие другие классические философы, включая «проклятых» русских идеалистов (В.С. Соловьев и ряд других), теперь были наконец опубликованы.

Эрозия марксистско-ленинской идеологии создала самые благоприятные условия для обращения к «буржуазной» философии, несмотря на все попытки ЦК КПСС приглушить ее «вредные» результаты и влияние. Советская философская мысль с необходимостью требовала обращения к мировой философской

культуре. П.В. Копнин, как и подавляющее большинство нашего послеоктябрьского поколения, стремился устранить этот печальный пробел в отечественной философской культуре. Директор Института философии дал нам с Арсением Владимировичем Гулыгой карт-бланш в составление списка философских произведений, еще не издававшихся по-русски, так и тех, которые были изданы в дореволюционные времена и стали библиографической редкостью. По договоренности с П.В. я стал работать по совместительству (А.В. Гулыга работал там постоянно).

Под эгидой Академии наук было создано издательство «Мысль» с главным назначением — выпуск в свет целой серии изданий классиков философии прошлого — библиотеки «Философское наследие». Во главе редколлегии, как было принято в те времена, был поставлен академик М.Б. Митин (утверждался ЦК КПСС). Нужно отдать должное Марку Борисовичу, понимавшему формальность своей функции и ни разу не явившемуся на заседания редколлегии. Реальную работу выполняли (в разное время) А.В. Гулыга и я. При обсуждении особо трудных изданий (как, например, Беркли) обязательно участвовал тот член редколлегии, который вел его специально (вступительная статья, примечания, редактирование переводов). Одним из первых изданий стала «Антология мировой философии» в трех томах (с томом русских революционных демократов — в четырех). Несчастьем этих изданий (и не только их) стала болезнь П.В. Копнина, скоротечный рак свел его в могилу. Не зная еще о своем раковом заболевании, он звонил мне из больницы, сообщив о своем приказе об учреждении сектора по изданию классиков философии прошлого. Мы хоронили его в июне 1971 года.

Дело изданий классиков продолжалось, хотя и не всегда «гладко». Так, в 1982 году издание тома Николая Федорова было раскритиковано С. Микулинским в «Вопросах философии»¹¹³, ибо Федоров с его идеей возможности всеобщего воскрешения давно умерших людей марксистским ортодоксам представлялся как

¹¹³ См.: *Микулинский С.Р.* Так ли надо относиться к наследству? // Вопросы философии. 1982. № 12.

мыслитель сугубо мистический, идеи которого были безусловно враждебны коммунистическим идеям «нового человека». Президиум АН СССР во главе с ее вице-президентом Федосеевым освободил А.В. Гулыгу от поста заместителя председателя редколлегии. М.Б. Митин был бессилен против Федосеева. Я снова сменил Гулыгу в качестве его преемника. Однако примерно через год мы связались с известным космонавтом Виктором Ивановичем Севастьяновым, весьма заинтересованным теорией космонавтики, увязали в этом контексте Федорова с К.Э. Циолковским, — философы выдвинули и подчеркнули идею «русского космизма». В результате издание произведений Федорова было полностью реабилитировано, последовали его новые издания.

Я проработал в Институте философии более двадцати лет. Учредил здесь новое издание, назвав его «Памятники философской мысли», как бы параллельное «Философскому наследию». Во главе редколлегии был поставлен академик Бонифатий Михайлович Кедров, ушедший с постов директора Института философии и Института истории естествознания. Совершенно правильно понимая свою роль, он позвонил в издательство «Наука», категорически заверив их, что реальным руководителем издания являюсь я, предоставив мне как бы карт-бланш. Я образовал небольшую дельную редакцию, и мы издали ряд ценных изданий (в частности два тома главных сочинений Шопенгауэра¹¹⁴, не издававшихся с дореволюционных лет, и др.). Но к этому времени всюду бушевала «перестройка», я перестал совмещать работу в Институте философии, передав «Памятники философской мысли» академику Теодору Ильичу Ойзерману и профессору Александру Леонидовичу Субботину (реальный заместитель), а сам полностью сосредоточился на философском факультете.

Здесь произошли значительные изменения. Умерли профессора «среднего» возраста, на плечах которых десятилетиями держалась педагогическая и научная работа, Юрий Константинович Мельвил, заведовавший кафедрой почти четверть века, Анюр Мусее-

¹¹⁴ См.: Шопенгауэр А. Избранные труды. В 2-х т. («Памятники философской мысли»). М.: Наука, 1993.

вич Каримский, Игорь Сергеевич Нарский (правда, перешедший в АОН за два года до смерти), Михаил Петрович Новиков, заведовавший кафедрой научного атеизма, тесно сотрудничавшей с нашей. Все они умерли в 1993 году.

Положительным изменением в кафедральной структуре факультета следует считать ликвидацию кафедры истории марксистско-ленинской философии. Целое десятилетие ею руководил после М.Т. Иовчука и Г.С. Васецкого профессор Анатолий Данилович Косичев (1914–2014), который одновременно с успехом исполнял должность декана философского факультета. Из профессоров этой кафедры выделялся своей партийной принципиальностью Сурен Тигранович Калтахчян, принадлежавший к нашему поколению. Основательно исследовал он воззрения выдающегося большевика С.Т. Шаумяна (расстрелянного англичанами в 1918 году)¹¹⁵, — и был убежден, что, если бы не это печальное событие, именно Шаумян, а не Сталин возглавил бы партию после смерти Ленина, — и Страна Советов не пережила бы столько трагических и печальных событий.

Программа КПСС, принятая на XXII съезде, поставила как первостепенную задачу строительства «нового человека» многостороннее развитие всех его способностей (что, в сущности, предвидел и Маркс в своем бессмертном «Капитале»). Закономерно, что в таком историческом контексте появилась новая синтетическая дисциплина «культурология». На философском факультете ее необходимость была совершенно настоятельна, ибо здесь преподавалась только усеченная западная история, отсутствовала всеобщая литература, фактически не было древних языков. Большие хлопоты на уровне деканата, ректората, с привлечением нескольких выдающихся специалистов удалось создать оригинальную кафедру «истории и теории мировой культуры».

В XXI веке философский факультет вошел с новыми кафедрами — такими, как кафедра методологии естественных и гуманитарных наук, кафедра онтологии и теории познания (эпистемоло-

¹¹⁵ См. монографию: *Калтахчян С.Т., Калтахчян А.С.* Шаумян. М.: Мысль, 1981.

гии), отчасти представлявшая трансформацию бывшего диалектического материализма (систематическая философия); кафедра социальной философии (отчасти трансформация исторического материализма; ныне — кафедра социальной философии и философии истории). К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова философский факультет, подобно многим другим факультетам университета, опубликовал несколько классических университетских учебников. Теперь, в начале XXI века, философский факультет стал одним из ведущих гуманитарных учебных заведений России.

* * *

В дополнение к представленному тексту не излишне напечатать здесь рецензию на одну из книг Т.И. Ойзермана, который заведовал кафедрой истории зарубежной философии фактически двадцать лет. Научно-педагогическая деятельность наша была весьма активна. Мы систематически посещали лекции друг друга, и на заседаниях кафедры нелицеприятно обсуждали их. Не менее тщательно обсуждали не только диссертации — аспирантов и преподавателей, а также брошюры и книги, — как еще в рукописях, так и уже опубликованные. Среди последних весьма отличался сам заведующий кафедрой, автор множества брошюр и достаточно объемистых книг. На одну из них я и написал рецензию. В сталинские времена критичность рецензий поощрялась партийными и другими органами. После разоблачения «культы личности» критичность различных рецензий постепенно снижалась, и брала верх скорее обратная тенденция: выявить у автора положительные моменты в содержании его публикаций и по возможности подчеркнуть новизну мысли, если она присутствовала.

Публикуемую здесь рецензию я представил в «Вопросы философии» где-то весной 1969 года. Автор книги покинул пост заведующего кафедрой в предшествующем году, — он был уже членом-корреспондентом АН СССР, и перед ним теперь стояла задача готовиться к предстоящим выборам, чтобы стать действительным ее членом (и он был для этого вполне достоин на фоне тех «зубров», которые там давно уже заседали). Рецензия активно

обсуждалась (при участии самого автора), но большинство присутствующих высказались против ее публикации, как чрезмерно критичной, а вот рецензент не увидел в книге того положительно-го, что там, несомненно, имелось (хотя никто из выступавших почти ничего не сказал о положительных моментах книги). Однако рецензию все же не приняли.

Поиски историко-философских проблем и их результаты

(*Ойзерман Теодор Ильич*. Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1969. 397 стр.)

Автор рецензируемой книги ставит в ней давно назревшую, совершенно необходимую и даже, можно сказать, возвышенную задачу — раскрыть перед читателем историко-философский фундамент диалектического и исторического материализма, показать марксистско-ленинскую философию как итог многовекового развития философской мысли человечества. Нельзя не согласиться с автором, когда он подчеркивает, что понятие «философия марксизма» шире по своему объему, чем понятие «диалектический и исторический материализм», так как оно включает в свой состав и научную историю философии, как, впрочем, и некоторые другие философские дисциплины (этика, эстетика и т.д.)» (стр. 7). По убеждению рецензента, автор совершенно прав в своем утверждении, согласно которому историко-философское исследование призвано «не просто осветить историческое прошлое философии, но и способствовать решению ее современных проблем или хотя бы правильной, творческой их постановке», а также в своем стремлении показать, что «некоторые положения, прочно вошедшие в наши учебные пособия по философии и представляющиеся, очевидно вследствие частого повторения, совершенно бесспорными, отнюдь не таковы, т.е. также подлежат обсуждению» (стр. 13).

Следует воздать должное и смелости автора, который не убоился всей сложности историко-философской проблематики и предпринял попытку рассмотреть в том или ином аспекте или хотя бы затронуть если и не все, то, кажется, подавляющее большинство решающих вопросов, поставленных мыслителями за два с половиной тысячелетия истории философии. Результаты своих

наблюдений и размышлений автор изложил в восьми главах — «Любовь к мудрости: о происхождении понятия “философия”», «О смысле вопроса “что такое философия?”», «Философия как специфическая форма познания», «Дефиниция философии как философская проблема», «О природе философских проблем», «О предмете философии», «Философия как самосознание исторической эпохи», «О природе философского спора».

Как видно уже из самого этого содержания, автор стремится к сугубо-теоретическому изложению. Некоторые места его размышлений, по впечатлению рецензента, автору удалось. К лучшим страницам книги мы бы отнесли те, что содержатся в третьем параграфе четвертой главы, озаглавленном «Философия как специфическое мировоззрение». На стр. 178–181, 183, 186–187 мы находим ясную постановку вопросов, четкое их решение и в основном правильное, как представляется рецензенту, историко-философское их разъяснение и подкрепление.

Критический пафос автора книги направлен прежде всего против неопозитивистского отрицания особого и специфического предмета философской науки. В этой связи мы находим в ней ряд цитат и полемических выпадов против Рейхенбаха, Айера, Витгенштейна, Маха, Франка, Поппера, Рассела, Герберта Уэллса, «некоего Ж.Ф. Ревеля» (стр. 372) и других представителей позитивистской доктрины в философской и в особенности историко-философской науке. Но эта доктрина — отнюдь не единственный объект авторской критики, нередко сопровождаемой довольно обширными цитатами. В сферу критического внимания автора попадают Маритен, Хиршбергер, Жоливе, М. Адлер и другие представители современного неотомизма (хотя полностью обойден молчанием Жильсон — несомненно наиболее влиятельный историк философии среди ныне живущих неотомистов, отсутствует и Коплстон). Немало внимания уделено также Гуссерлю, Бергсону, Дильтею, Джемсу, Дьюи, Виндельбанду, Хайдеггеру, Ясперсу, Сартру, Ортеге-и-Гассету, Г. Марселю, Ренувье, Фрейдю, Шпенглеру. Пожалуй, нет ни одного значительного философа и тем более направления буржуазной истории философии эпохи империализма, так или иначе не затронутых в различных аспектах авторской критики.

Всем им противопоставлена не только эта критика, но и марксистско-ленинская позиция советских философов, представленная цитациями из трудов Ф.В. Константинова, П.Н. Федосеева, М.Б. Митина, Б.М. Кедрова, Ю.И. Францева, П.В. Копнина, Л.Ф. Ильичева, М.Т. Иовчука, А.Г. Егорова, П.Ф. Юдина, В.Ф. Асмуса, Б.Э. Быховского, М.А. Дынника, И.Т. Фролова, М.К. Мамардашвили. Опять же в сущности нет ни одного советского философа, активно выступающего в печати (правда, кажется, только из числа московских авторов), не процитированного или хотя бы неназванного в той или иной связи на страницах книги (на стр. 270 автор процитировал даже одно место из собственной главы, помещенной в 3-м томе шеститомной «Истории философии»). Цитированы и некоторые философские места из трудов таких советских ученых, как Н.Н. Семенов, М.В. Келдыш, А.Н. Колмогоров, А.М. Румянцев, Е.К. Федоров, И.Г. Петровский, А.Д. Александров, П.С. Новиков. Если мы прибавим к этому списку имена крупнейших зарубежных естествоиспытателей, как А. Эйнштейн, М. Планк, В. Гейзенберг, М. Лауэ, Л. Яноши и других, также представленных порой весьма интересными цитатами, то обзор ее, так сказать, современного аспекта будет достаточно полным.

Кроме того, само название книги обязывает автора обращаться ко многим философским именам и направлениям двух с половиной тысячелетней истории философии. При этом среди европейских имен затронуты подавляющее большинство, а кое-кто и кое-что и не из неевропейских. Но здесь нужно уже перейти и к критической оценке рецензируемого произведения. Заранее оговоримся, что она совсем не легка, по причинам, которые, надеемся, станут ясны из дальнейшего.

Рецензент вынужден признаться, что он был буквально ошеломлен, прочитав потрясающе антидиалектическое определение истории: «История как наука... исследует то, чего уже нет» (стр. 92, в опущенных словах утверждается, что именно этим она отличается от политической экономии). Мы исключаем, конечно, оговорки в таком ультрапринципиальном вопросе. К тому же цитированные слова — одна из немногих категорических дефиниций автора, обнаруженных нами в его книге. Для материалистов-

диалектиков, к числу коих, несомненно, принадлежит и наш автор, как будто элементарной должна быть, например, дефиниция, согласно которой история есть наука о прошлом, развившемся в настоящее и анализируемом с его многообразных позиций. Если это верно по отношению к истории вообще, то это вдвойне верно по отношению к истории философии. Поскольку последняя оперирует понятиями и категориями максимальной общности, ее идеи и учения, сформулированные иногда совсем в далеком прошлом, непрерывно переливаются в современность, становясь ее органическим и живым элементом. Это вроде бы ясно и для автора, если судить хотя бы по его словам, приведенным в самом начале рецензии. Да и в других местах своей книги он подчеркивает, например: «Чтобы понять специфику философских проблем, необходимо в полной мере учесть их историческую трансформацию» (стр. 220).

Но этого-то, как правило, мы и не находим в книге. В ней немало историко-философских экскурсов в связи с рассмотрением различных философских проблем и вопросов, еще больше историко-философских примеров. Однако, читая книгу, невозможно изгнать впечатление какой-то небрежности в обращении с историко-философским материалом. И дело не в том, что в книге по существу нет никаких новых фактов и текстов, характеризующих воззрения домарксистских философов: в книге такой, можно сказать, максимальной общности такие факты привести и нелегко и, может быть, необязательно. И даже не в том, что приводимый материал, как правило, десятки раз уже фигурировал в популярных изображениях истории философии (это относится и к цитатам из произведений основоположников марксизма, приводимым в книге), что многочисленные авторские пересказы и парафразы классических философских учений и систем прошлого, по устойчивому впечатлению рецензента, маловыразительны и даже тусклы. Дело в том, что приводимый автором исторический материал используется как-то статично — как сумма примеров, взятых из различных эпох. Поэтому подлинная трансформация философских проблем представлена крайне схематично, ибо она сведена в сущности лишь к хронологии (к тому же не всегда соблюдаемой).

Дело также в том, что приводимый в книге в общем-то элементарный материал содержит множество фактических неточностей и просто ошибочных утверждений. Чтобы конкретизировать эти упреки, последуем за авторским изображением исторической эволюции важнейших разделов и категорий философской науки.

Начнем с первой главы. Не потому, что она первая, а главным образом потому, что в ней, как ни в одной другой, дан более или менее систематический очерк исторической эволюции важнейшей категории «мудрости», нередко выступавшей синонимом самой философии.

Одна из основных идей автора, проводимых здесь, состоит в утверждении, согласно которому философия в условиях Древней Греции возникает в результате секуляризации того представления о мудрости, какое в мифологии приписывалось богам и нередко выражалось оракулами. Конечно, хорошо, что автор учитывает роль мифологии в происхождении философии (он следует здесь за работами А.Ф. Лосева и некоторых других советских историков философии), чего обычно не делалось в нашей популярной литературе вплоть до последних лет. Но вместе с тем он переоценивает значение элемента секуляризации в данную эпоху, когда еще не было сколь-нибудь развитых представлений о знании, когда философская проблематика только-только зарождалась и политеистическим богам, столь близким к людям той эпохи, в сущности мало что можно было еще приписывать.

В меру переоценки этого элемента странным образом оказалось отодвинутым в тень и даже игнорированным то содержание представлений о мудрости, какое было непосредственно связано с обыденным опытом древних греков, с опытом, о котором так много автор рассуждает в своей книге. Между тем первоначальное представление о мудрости (греч. — *софия*) и мудреце (*софос*) у древних греков — это представление прежде всего о мастерстве во всяком деле. С деятельностью же пресловутых «семи мудрецов» (они только упомянуты в книге) связано уже представление о мудрости как обобщении морального опыта древних греков. Появление же греческого словосочетания *философия*, т.е. *любовь к мудрости*, свидетельствовало о значительном уровне отделения

умственного труда от физического, об интенсивном для древности развитии научного знания (тоже почему-то не учтенном в этой связи). И с тех пор великое слово философия, вошедшее, по видимому, во все европейские языки, несет уже *собственную* мировоззренческую нагрузку, непрерывно усложнявшуюся и углублявшуюся в ходе историко-философского процесса. Категория же «мудрость» — важная составная часть философского знания, сводившаяся в общем к тому же, чем она была у «семи мудрецов», — к совокупности моральной проблематики, выступавшей на первый план в одни эпохи и отодвигавшейся на второй и третий планы в другие.

Говоря об эволюции мудрости в истории философии, автор проходит мимо одного из наиболее важных ее этапов. Мы имеем в виду резкое превознесение мудрости (*sapientia*) над наукой (*scientia*), которое составляет одну из определяющих черт философско-теологической доктрины Августина, унаследованной затем по существу всей христианской философией. Само это превознесение стало возможным в условиях, когда наука стала играть в общественном сознании совершенно незначительную роль, в то время как сфера моральности, отражая углубление личностного сознания, происходившее в течение многих веков античной истории, в христианско-монотеистическом мировоззрении стало играть одну из ведущих ролей. Такое же превознесение в сущности унаследовано и современным томизмом, которое и стало основным объектом авторской критики.

Порок авторского анализа проблемы мудрости, как он представляется рецензенту, состоит в неумении вывить этот сформулированный нами выше основной ее аспект. Конечно, понятие «мудрости», как в сущности и все философские понятия, многозначно. Автор даже преувеличивает эту многозначность, заявляя, что «слово «мудрость», как и многие другие слова, слишком многозначно» (стр. 41). Он говорит даже о «бесчисленных значениях слова «мудрость» (стр. 49). И, теряя основное направление своего анализа, он шествует туда, куда ведет его это *слово*. Конечно, более всего автор рассуждает о «философской мудрости», как ее можно обнаружить в произведениях Бэкона, Декарта, Спинозы,

Лейбница, французских материалистов, великих немецких идеалистов. При этом читателю выдаются в сущности лишь азы, известные ему и из популярной историко-философской литературы (см. в особенности стр. 38). В других случаях речь заходит о политической мудрости (стр. 44). Мудрствование над мудростью то приводит автора к заключению, что она «не свойственна всем людям, и вместе с тем она, по-видимому, близка к общечеловеческому знанию, потенциально свойственного каждому» (стр. 42), то к рассуждению о сходстве и различии между наукой и мудростью (стр. 45–47).

Как можно судить уже по первой главе, методология авторского анализа философских и историко-философских проблем сводится в значительной мере — если не главным образом — к понятийно-словесным *ассоциациям*.

Посмотрим, например, как она осуществляется в § 4 третьей главы «Интерпретация как способ философского исследования». Здесь поставлен важный, хотя и довольно элементарный вопрос о том, что в связи со все усиливающейся дифференциацией знания и наук самой философии, а точнее самим философам становится всё труднее делать большие открытия, как это было не только в античности, но и в эпоху Декарта и Лейбница. Но в меру роста этих трудностей возрастает роль философской интерпретации достижений естествознания и обществознания. Можно было бы ожидать от автора более или менее систематического раскрытия — пускай в ограниченных рамках его книги — основных историко-философских этапов этого весьма существенного процесса. К сожалению, этого нет, и автор сбивается на изложение самых различных интерпретаций. Например, сравнивает интерпретацию Фомой Аквинским и Гегелем «абсолютного, божественного разума» (стр. 119). Здесь автор не только покидает рамки им же очерченной проблематики, но и производит по существу исторически нелепое сравнение. Сравнил бы уж хоть томистскую интерпретацию этого важнейшего теолого-философского понятия с тем пантеистическо-материалистическим истолкованием, которое давал ему Давид Динанский, виднейший мыслитель той же эпохи (с которым Фома и полемизирует по данному вопросу в своей «Сумме теологии»).

Критикуя экзистенциалистское истолкование философской интерпретации, автор останавливается на положении Хайдеггера о том, что она с необходимостью носит субъективный характер. Увы, в некоторых местах своей книги автор и сам впадает в субъективизм, граничащий с произволом совершенно случайных ассоциаций. Например, он заявляет, что «спинозовская *natura naturata*», которая в системе великого голландского пантеиста-материалиста была совокупностью вещей (модусов), порождаемых первоначальной, субстанциальной *natura naturans*, в философии марксизма стала создаваемой человеком «второй природой», качественно новой реальностью, в которой воедино сливаются природное и социальное» (стр. 271). Но помилуйте, ведь Спиноза рассматривал *natura naturata* (буквально — «порожденная природа»), т.е. всю сферу эмпирической природы, включавшую и человека с его сознанием, как результат вневременного порождения субстанцией, *natura naturans* (буквально «порождающая природа»), в котором человек выступал лишь как пассивный объект природного действия. Что же общего может иметь это сугубо созерцательное воззрение с марксистским положением о человеке как творце «второй природы»? Поистине, подобное сравнение производится по принципу «в огороде бузина...».

В некоторых случаях автор компрометирует ту проблематику, какую он выносит в названия своих параграфов (да и глав). В самом деле, почему, например, философия выступает и «как отчужденная форма общественного сознания» (таков заголовок § 4 второй главы), если в самом параграфе речь идет об умственном труде в его «наиболее развитой, т.е. теоретической форме», который «возникает не как труд, а как свобода от него (?), как субъективная потребность, а не необходимость» (стр. 69); об интеллектуальном аристократизме как «интимнейшем ядре философии» (стр. 70); приводится легенда о Фалесе, заглядевшемся на небо и упавшем в колодезь, а затем сообщение Аристотеля о том, как Фалес разбогател и т.п. Лишь в самом конце параграфа речь заходит об отчуждении, но проблема представлена главным образом довольно трудными цитатами из работ раннего Маркса, авторский же комментарий сводится к маловразумительной декларации, за-

вершающей данный параграф: «Это указание имеет принципиальное значение для понимания органической связи между созерцательностью, мнимой беспартийностью философии, ее отчужденной формой существования и ее протестом против отчужденных общественных отношений» (стр. 75).

Правда, в дальнейшем, в частности на стр. 222, автор возвращается к проблеме отчуждения. Утверждая, что эта проблема занимает «центральное место в немецкой классической философии» (следовательно, уже у Канта?), он усматривает зародыш идеи отчуждения «в учении Платона о душе, томящейся в человеческом теле, в платоновской концепции вещей как искаженных образов трансцендентных идей, в неоплатоновской теории эманации, в схоластической интерпретации легенды о первородном грехе (одному Богу известно, что конкретно имеет в виду здесь автор? — *Рец.*) и т.д.». Столь расширительное истолкование проблемы отчуждения лишь усиливает ту сумятицу, какая, как нам кажется, и так велика в нашей литературе по этому вопросу.

Ведь проблема отчуждения, как ее представляет себе рецензент, — проблема только этико-социальная. Экстраполяция же этой идеи и на всю природно-бытийную сферу — это уже в сущности не отчуждение, а одно из проявлений типичной методологии объективного идеализма. Поэтому ни платоновское истолкование отношения между вещами и идеями, ни тем более неоплатоновская концепция эманации Единым духовно-материального мира в сущности имеют к проблеме отчуждения весьма отдаленное отношение.

Примером надуманной проблематики может служить и четвертая глава — «Дефиниция философии как философская проблема». В начале ее автор констатирует «необозримое множество дефиниций философии» (стр. 141), а в дальнейшем посредством «анализа различных дефиниций» как будто стремится «вычленив те довольно многочисленные... специфические признаки философии, которые позволяют понять философию в ее развитии» (стр. 147), установить «объем понятия «философия», границы исторически изменяющейся проблематики философии» (стр. 150). К счастью для читателя, автор в дальнейшем отказывается от этой формаль-

но-схоластической операции, которая уже по своему замыслу противоречит выявлению исторического изменения предмета философии. Он почти не приводит дефиниций философии, а выявляет десять основных, как ему представляется, истолкований предмета философии. Но в сущности все они сводятся к первым двум: философия — учение о наиболее глубоких принципах бытия; и философия — учение не о бытии, а о познании и человеке.

Неисторический подход автора к историко-философской проблематике, не раз констатировавшийся выше, проявляется здесь в том, что философия элеатов, Аристотеля, «метафизические системы средневековья и Нового времени», «новая онтология» Гартмана, воззрения Ясперса и Хайдеггера фигурируют здесь (на стр. 151), как равноправные примеры первой «дефиниции». Однако, осознавая неизбежную ограниченность этих дефиниций (ссылаясь в этой связи и на известные слова Энгельса), автор в итоге приходит к такому категорическому убеждению: «Определение понятия философия невозможно: любая дефиниция создается для профанов» (стр. 173). Интересно: для чего автору понадобилось гордиться тогда столь обширный предшествующий «огород» более чем на тридцати страницах?

Выше было сказано о многочисленных неточностях и ошибках, имеющихся в книге. Ввиду совершенной невозможности оговорить (и даже назвать) все их в данной рецензии, укажем лишь те, что более всего поразили рецензента. Так, сократовское убеждение «я знаю, что я ничего не знаю» почему-то определено как «предельное выражение древнегреческой мудрости» (стр. 18). Между тем, ведь хорошо известно, что это «убеждение» — только прием знаменитой сократовской «иронии». Это ясно даже из того места «Апологии Сократа», которое сам автор приводит на стр. 23. Неверно, будто неоплатонизм и даже поздний стоицизм являются «предысторией христианства» (стр. 28). Христианство уже существовало как могучее направление религиозной и общественной жизни в Римской империи, когда возник неоплатонизм. Другое дело, что в дальнейшем он оказал мощное воздействие на формировавшуюся христианскую философию (Августин, автор «Ареопагитик» и др.).

Совершенно ошибочно утверждение автора (в конце стр. 28), будто в составе «теоретических источников» христианской религии был и эпикуреизм. Ведь хорошо известна полная неприемлемость учения Эпикура для философствующих «отцов церкви», видевших в нем едва ли не главного своего врага. Нельзя включать в число таких источников и скептицизм (что тоже делает автор), ибо *в ту эпоху* он заключал в себе в сущности тоже антидогматический и тем самым антибогословский смысл.

Непонятно утверждение автора, будто «во времена Демокрита ни объяснение, ни даже констатация бесконечного качественного многообразия явлений природы были еще невозможны» (стр. 121). История античной философии как будто убеждает в противоположном: исключение тогда составляло скорее количественное объяснение природы, к которому и приводил демокритовский атомизм (а по-другому, и пифагореизм). Качественное же воззрение скорее было нормой, принципиально обосновывавшейся и Анаксагором, и Аристотелем, и стоиками, и даже Эпикуром (вопреки его атомизму, но в соответствии с его сенсуализмом). Неясно также утверждение автора об «античных представлениях о беспредельном космосе» (стр. 246), если под «беспредельностью» понимать его бесконечность в пространстве. Такое воззрение присуще лишь атомистам, в то время как подавляющее большинство остальных античных философов (особенно аристотелики, стоики, платоники), напротив, были убеждены в его конечности.

Далее, утверждение автора, будто «механистическое мировоззрение» вытеснило «теологическое, а также гилозоистическое истолкование мира» (стр. 184) неверно в первой своей части (впрочем, если исключить отсюда французских материалистов) и лишь частично верно во второй (ибо гилозоизм был лишь приглушен механицизмом).

Неверно также, будто «Ф. Бэкон в своем учении о призраках ставит вопрос об антропологических причинах заблуждений, которые, по его мнению, неотделимы от человеческой природы» (стр. 361) — это справедливо только по отношению к призракам рода, которых, по Бэкону, невозможно устранить полностью.

Автор, далее, неверно цитирует и еще более неверно истолковывает хотя он делает это далеко не первым) известные слова Спинозы: *omnis determinatio est negatio* (стр. 140). Во-первых, у великого философа нет здесь прилагательного *omnis*¹¹⁶. Во-вторых, неправильно переводить это как «(всякое) определение есть отрицание». Такой перевод восходит к гегелевскому переосмыслению этого спинозовского выражения¹¹⁷. Правильный перевод этого выражения Спинозы — «ограничение есть отрицание» — тоже включает в себе диалектический смысл, но совсем не тот, который приписан ему автором (на стр. 141, 169).

Случайность и произвол понятийно-словесных ассоциаций, приводящие сплошь и рядом к тому, что философское исследование деградирует до уровня дурного *рассуждательства*, породили и такую особенность книги, как ее многословие. Употребляя стародавнее выражение, можно сказать, что в ней слишком много соломы слов, в которой крайне трудно обнаружить зерно авторских мыслей.

Хотелось бы привлечь внимание философской общественности к этому обстоятельству, потому что оно присуще, как нам представляется, не только рецензируемой книге. Между тем наш век пересыщен информацией, пересыщен книгами, статьями и брошюрами. И автор любой книги должен стремиться не просто к самовыражению, а к *диалогу с читателем*. Если он заинтересован в том, чтобы его мысли нашли живой отклик в читательском сознании, он, между прочим, должен максимально бережно, экономно относиться к слову. Печально, что рецензируемый труд не отличается такой особенностью.

Напротив, по устойчивому впечатлению рецензента, его многословие почти постоянно заставляет читателя, привлеченного порой весьма привлекательно звучащими заглавиями глав и параграфов, подгонять себя в процессе чтения и делать над собой немалые усилия, чтобы сохранить интеллектуальное равновесие по-

¹¹⁶ См.: Спиноза Б. Избранные произведения. В 2-х т. / Общ.ред., вступ.ст. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 568.

¹¹⁷ См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14-ти т. Т. V. М.-Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 106.

рой в весьма бурном словесном водовороте. Он происходит и благодаря многочисленным повторениям одних и тех же мыслей различными словами. Рецензент убежден, что для пользы изложения книга могла бы быть сокращена раза в два.

Многословие весьма затрудняет и определение авторской позиции по целому ряду поднимаемых в книге вопросов. Порой оно делает ее просто неуловимой. Но здесь рецензент напоминает об оговорке, сделанной им в самом начале: он не уверен, что ему удалось ухватить всю тонкость авторской мысли. Возможно, нужен Дунс Скот, чтобы понять эту тонкость в ее различии, например, осознания бытия и исследования бытия (стр. 76 и др.), того, что «философия, выражаясь парадоксально, исторически возникла как донаучная форма научного знания» (стр. 78), и вместе с тем представлялась домарксовским философам «наукой или сверхнаучным знанием» (в самом начале той же стр.), что «философия исторически нащупывает свой предмет и постоянно отклоняется от него» (стр. 81) и т.п. Рецензенту, по-видимому, не удалось постичь и всех тонкостей «структуры философского вопроса», «природы философских проблем», «природы философского спора» и др.

Однако, прочитав книгу, рецензент пришел к твердому убеждению, что автору, если иметь в виду его книгу в целом, не удалось решить задачу, поставленную в начале ее. Почему это произошло? Ответ на такой вопрос, кажется, можно найти в самой же книге, на стр. 92–93.

Здесь автор одобрительно цитирует одну из статей А.А. Зиновьева. Рецензент тоже согласен с цитированной мыслью о том, что существуют два уровня научного исследования. Первый из них связан с наблюдением фактов, связей и процессов, их отбором и сопоставлением, мысленным анализом и синтезом, образованием понятий и обобщений и т.д. Именно на этом уровне осуществляется большая часть открытий. На втором же уровне создаются более широкие (по-видимому, максимально широкие) теории, объединенные в единое целое с помощью определенных логических принципов. Между тем рецензируемая книга ставит в сущности проблемы второго уровня, предварительно не ставя их на

первом. То, что имеется в книге в этой связи, скорее напоминает легкие прогулки по всей истории философии, — и притом по истоптанным, порой весьма сходным маршрутам.

В самом начале книги автор сообщает читателю, что она представляет собой часть «более обширного исследования, которое автор надеется завершить в ближайшие годы». По многолетнему убеждению нижеподписавшегося, успех такого исследования будет полностью зависеть от того, насколько автору удастся проникнуть в действительную и при том совершенно конкретную проблематику различных этапов истории философии. Постигнув их закономерности, он может изобразить и более широкие закономерности всего историко-философского процесса.

Нам остается пожелать такого успеха заслуженному автору.